

3882/11

**ЦѢЛОКУПНА ДѢЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИЃА.**

Књига друга.

Доси́теа Обрадо́вића. — Књига II.

Рис. II 86 7/2. 1

ДП 4058

3882.

1/2.

**ЦЕЛОКУПНА ДЈЕЛА
ДОСИТЕА ОБРАДОВИЋА.**

2882
1/2

Р. 49 Ср II 864/2.1
5014058

Ш И С Ш А

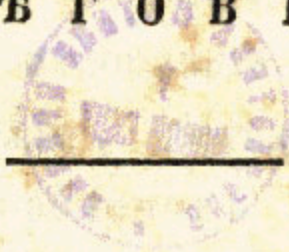
ДОСИТЕА ОБРАДОВИЋА,

ПРОДУЖЕЊЕ

ЖИВОТА И ПРИКЛЮЧЕЊА

Н Ћ Г О В Ы.

Препечатала и издала

Народна Књигопечатња

Дан. Медаковића.

Књига друга.

У З Е М У Н У

1850.

И И С И И

ДОСЛУШАТЕЛЬНОСТЬ

Инд. бр. 203041

ПРОЦЕДУРА

ИЗВЕЩЕНИЕ

Представитель и редактор
Издательство «Литературная
и Искусство»

Издательство

ИЗВЕЩЕНИЕ

1983

ПРЕДГОВОРЪ.

Баасна да самъ хотео выше преводити, нашао бы три и четири кратъ іоштъ толико, или и веќе число. Но я избравши само оне кое су мени найугоднѣе было, остале самъ другима оставію, да съ временемъ преводе и издаю. Намѣраваюѣи пакъ да ова кнѣига буде найманѣ одъ 25 или 30 табака за испунити ово число, придода ѣу овде неке одъ мои писама; коя се касаю мои приключенія. Различни одъ наше націе, и усменно и писменно понукавали су ме, да предузmemъ опетъ ову матерію; и на мое извиненіе, да бы я радъ што болѣе и полезнѣе издати, еданъ мой любезный пріятель, молю ме, да му у нашимъ узаймнымъ писмама назначуемъ што знаня достойнѣе одъ мои догађая. То я одъ неколико времена и испуњавамъ. Имаюѣи дакле коніе при себи и хотеѣи,

како самъ повыше рекао, да ми ова књига ве-
ћа буде; ради две причине, науміо самъ прило-
жити овде нека одъ овы мои писама: прво за
испунити одъ части волю свима онима кои су
то исто зактевали: а друго кое є мени най-
важнє и срцу моему найпожелателнє и най-
драже, за предати вѣчному спомену потомцима
нашими имена мои любими пріятеля и благо-
дѣтеля, кое є преблагій божій промысао за о-
рудія своя употребію, и мени у моимъ стран-
ствованяма и предпріятіяма чрезъ нихъ помо-
гао.

Природна є души човѣческой благодар-
ность, како тѣлу дисанѣ: и ово се одовудъ
познає. Кадъ годъ мы читамо Історіє неки ве-
лики и блажены лица, кои намъ се чисто чи-
не, да ни зашто друго нису на овај светъ по-
слати были, родили се и поживили, него на
велико добро, сладость, радость, и благодѣянє
свога времена людій, ако су они и на иляде
година пре насъ живили, и мы їи не познаємо
него само по имену, а оне, коима су они добро
чили ни по имену; ништа манѣ, они су нами
мили и драги, башъ као да смо мы у нѣово
време живили, и као да су нами сва она добра
учили, коя су они, самъ Богъ зна коме и
коме сатворили и показали. Мы чувствуємо ра-

достъ поминюѣи имена нѣова; ушлаѣама се и не можемо се наситити гледаюѣи изображеніа нѣова: чини намъ се као да су до юче на земљи были, и жао намъ е, што нису и данасъ међу нами. Ако е царъ ко одъ нѣй быо, уздише за нѣимъ у прсима нашимъ срце наше, зашто таковѣй царъ да насъ остави! и да не царствуе во вѣки на земљи! Одъ кудъ се ова чувства раѣаю, развѣ изъ самымъ Богомъ у словесну душу уливене благодарности? А кадъ су нами туѣи благодѣтели тако пріятни и драги, колико веѣма мораю намъ бити наши? И зато съ тимъ ништа нѣе угоѣено ни поможено, да ѣи мы сами познаемо, поминѣмо и любимо; то е нами весма мало; него оѣемо, ако е икако могуѣе, да ѣи савъ светъ позна, споминѣ и люби; и будуѣи да смо мы маловремени на земљи, и не можемо ѣи овде довека споминати, зато предаемо нѣова сладка и пречестна имена, прво Богу, кои е самъ кадаръ праву доброту достойно наградити и наплатити; да имъ Онъ учини ону награду, кою бы мы ради, а не можемо; а потомъ и будуѣимъ родовима, да ѣи они на место насъ споминю, да ѣи любе, да имъ благодаре, и имена нѣова одъ забораваѣня да чуваю и да ѣи славе.

Ово на разсуђенъ чувствителнимъ и чове-
колюбнимъ срцама даюћи, уздамъ се, да и они
исти, кои толико не маре за моя приключенія,
смаatraюћи на причину, коя ме къ томе убъ-
ђава, неће за безмѣстно еудити, што ћу јоште
на неколико табака о себи писати; не могући
на другій начинъ свете благодарности мое дуж-
ность показати и испунити. А при томе, они
и онакови, за какове я пишемъ, неће бадава,
читаюћи ово, трудъ себи задати, еръ мой сва-
кидашній у списаніяма моима конацъ есть:
полза, гдигди и увеселеніе читателя, нећу я
ни овде ни мало испредъ очію сметнути.

ПРЕЧЕСТНѢЙШІЙ ГОСПОДИНЕ

Любимѣйшій и дражайшій мой!

Вы изискуете одъ мене такову стварь, да ништа на овомъ свету мени не може быти ни радостіе, ни драже, колико то што Вы желите, не само Вами, него, кадъ бы могуће было, свимъ земнога нашего круга садашньимъ и будуьимъ жителяма саобштити и приподати. Ерго, зактеваюѣи Вы одъ мене описаніе знамениты мои приключенія, чрезъ то даете ми поводъ, да вамъ опишемъ и изобразимъ краснѣйша морална свойства добродѣтельны оны народа и людій, кое сам познао. А шта утѣшителніе и чувствителнимъ срцама може быти слаѣ, и цѣлому човеческомъ роду честніе и славніе, колико познати, да света небесна добродѣтель, по свему лицу земному, у свимъ племенама и езицыма има свое олtare и свое вѣрне, у красоту свою залюблѣне поклонике и служитель? Шта е способніе возбудити у човеческимъ срцама любовь къ благимъ наравима, къ добротѣ и къ човеколюбію, развѣ дѣйствително моѣи нѣи увѣрити, да су праведни и

добри люди и овде на земљи благополучни, и при полазку съ овога света спокойни; и да ће чрезъ сву безконачну вѣчностъ сретни быти; и често многи одъ нѣхъ, ако су и простога станя и селяни, вѣчной памети и спомену предаю се и славе? Изъ овога дакле, любимій мой! можете ласно познати, съ коликомъ радости я ћу Ваше закрѣпанѣ удовољствовати; и на место што бы Вы мени зато (како Вы велите) обвезани были, я се Вами за таково мени радо наложеніе, обвезанѣ и благодаранѣ признаемъ и исповедам.

Желя къ ученю была є главный узрокъ, да самъ я сву волю издубіо у ономъ Сремскомъ раю, то єсть у Фрушкой гори, у Опову, дуже пребывати. Читаюћи Златоустове беседе на дѣянія, и на Апостола Павла посланія, чудна некакова чувствованія узбуђавала су се и рађала у момъ младомъ срцу. Златоусти (мыслио самъ у себи) да се нѣ учіо, онъ ако бы иляду година Дѣянія и посланія Апостолска читао, онъ овако прекрасно и сладко сврхъ нѣхъ небы умео бесѣдити! Колики су други базчисленни то исто читали, и на изусть знали; но о томъ, тако, и толико говорить, нису знали ни могли; развѣ само они, кои су се у Аѳини или у Александріи учили? Одъ тада не само на яви, но и на сну ништа ми већъ нѣ было у уму и на срцу, разве велике Библіотеке, Академіе, Школе, Учителѣхъ гди различне науке предаю; и трудолюбиви, пчеламъ подобни, медъ мудрости сабираюћи ученицы. Но сву ову мою горећу желю, права синовня, къ оной чистой и добронравной, мога благодѣтеля Θεодора Милутиновића души, любовъ, обуздавала є на некій начинѣ, и удручавала. Онъ бы

ми често, познаюћи мое усрдіе ко ученю, уздишући говорію, да жали што я мою младость ту бадава тра- тимъ! А мени бы се згрозило, и самой мысли къ ср- цу моему входъ допустити, такова добра и блага чо- века за живота оставити, и никада га къ тому не ви- видити. А по нѣговомъ иреставленію веѣъ ништа ти ту не остаде, што бы ме задржало и уставляло.

У исто време случи се, да еданъ манастирскій ѣакъ, именомъ Аѳанасіе, намѣри поѣи у свой родъ у Хорватску; но знаюћи да нѣговъ стриць Діонисіе, кои га є ту довео быю, да га покалуѣери, небы га за гла- ву пустію; зато онъ науми и безъ остай съ Богомъ дома поѣи. И будући да є самномъ лепо живію, ка- же ми што є намыслію. То ти я єдва дочекамъ, од- кріємъ му съ подобнимъ повѣренѣмъ мою желю, да бы и самъ радъ кудъ далъ поѣи, и у кое му драго мѣсто, гди се млади люди уче; алъ не знаюћи ни на кою страну пута, замолимъ га, да ме поведе са со- бомъ до Хорватске; а оданде што Богъ да. Зашто небы? одговори онъ; у дружеству се много лепше пу- туетъ, него самъ. Дамъ му нешто новаца, те оде у Иригъ, и купи ми доламу плаветну и чакшире, и пр- вене айдучке опанке; пакъ сутра данъ рано нимало не оклеваюћи, айде съ нѣимъ заедно преко Раковач- ке планине; спустимо се къ Раковцу, но странпути- цомъ наоколо, ерѣ самъ я ту познатъ быю; пакъ ти све измеѣъ Фрушке горе и Дунава, путь Зеленграда. Ударимо на Осекъ, преѣемо у Славонію, и идући къ Пакрацу, у єдномъ селу случи намъ се нешто, чему се нисмо надали. Чуємо у єдной авліи пѣсне и ра- зговоръ мноштва люди. Знашъ ли шта є! рече ми

Аѳанасію, и тако самъ жеданъ, уђимо у авлію заи-
скати воде, и видити шта се ту чини. Улѣземо: кадъ
али ту свадба и веселѣ; на наше исканѣ воде,
мати женихова рече намъ: драги путници! овде се
данасъ не пѣ вода, него віно; и ако оћете, одите
унутра. Улѣземо, а кадъ сватовима кажемо да смо
поиздалека; *хее срића!* викне кумъ, *кадъ на овако*
веселѣ изъ далека госши долазе. Запытаю насъ, ка-
ко е у Срему жито родило? како віногради и прочая?
И тако разговарамо се лепо и людски, слушајући му-
зику, и гледајући веселу младежъ гди игра. Кадъ
етоти одъ некуда едне велике ђачине, кои башъ спра-
ма мене седне; попустиша неколико нашъ разговоръ,
пакъ онда окрене речъ къ мени, говорећи: по твоѣмъ
изговору чиними се да си ты шизматикъ. Нисамъ я
шизматикъ, одговоримъ му я слободно, него право-
славный хрістіанинъ, и больій одъ нѣга; ако е радъ
знати. Почнемо на ма, по обычаю дишпутъ о начал-
ству Папиномъ, и о старешинству цркве Грчке и Рим-
ске. О овомъ послу я самъ већъ читао быо некога
Максима Пелопонисіотскога кнѣигу, на влашкомъ ези-
ку, и знао самъ е као на изусть; могао самъ се о томъ
дишпутати, да се земля подамноѣ тресе. Бакъ се
нађе у великомъ сіясету самномъ, пакъ почне у свое
говоренѣ латинскій мѣшати; (одъ кога самъ я онда као и
прочи сватови чист био;) и уза сваку реч: пробо маіо-
ремъ, него міноремъ! виче. Кумъ, старый сватъ и
прочи сосѣдательи, сви римске цркве синовѣ; ништа
манѣ, мене почну сви единоголасно похвальивати, го-
ворећи, да штогодъ я беседимъ, то разумеду; а сво-
ме се ђаку зачну ругати, кои зове у помоћъ некакве

Маіоре и Міноре; а ту речъ ніе ни за Маіоре ни за Капетане, него за Хріста, за Петра, Папу и Патріаре. То онога тако огорчи, да почне претити, даће ме дати, послати везана у Пожегу. Ђва то изрекне, кадъ ти сви скоче на нѣга; горе жене него люди (зашто су сви престали бы ли одъ игре и музике, и слушали нашъ дишпутъ), нитко и ништо наричући га: кадъ се ты будешъ женію, реку му, на твоѣмъ веселю путнике вежи, а не у нашої кући и о нашемъ веселю! И тако ти га истераю изъ куће и авліе, а мени речу, да се я нимало не боимъ; и предузмемо опетъ мирно и лепо разговарати се као и пре. Было е већъ предъ ноћъ, и они добри люди не пусе насъ тай данъ одъ себе. Ту дакле преноћимо, и сутра данъ почасте насъ, и како да смо имъ сродни, любећи се и грлећи съ нама, любезно одпуста насъ.

Овако смо лепо дочекивани бивали, не само у време свадбе, нити на єдномъ месту, но свуда прелазећи преко Славоніе и Хорватске. Свуда се они добри люди радују видити кога изъ далека, да истымъ єзыкомъ беседи: ко годъ има доволно леба у дому, радуєе да му ко на ручакъ и вечеру дође. Странолюбіе нѣма є природно свойство; и ништа їи тако не раздѣлює и не отуђава, колико цркве Грчка и Латинска. Црква! коя бы дужна была већма їи присвоявати, и у любви и доброти саєдинявати! Небы ли дакле было одъ крайнѣ ползе добримъ людма сврхъ овога отворити очи? и казати имъ, да они могу бити и єдне и друге цркве, и ништа маѣ кумити се, пріятельити, почитовати и любити? Изъ Славоніе преѣмо у Хорватску, и не далеко одъ Гаревце дођемо къ

дому и брати мога друга; гди нѣга све сродство нѣгово, браћа, сестре и снае, тако весело дочекаю, као да е изъ некаква робства утекао. Ово е у есенъ было. У то време вођаше се седмолѣтна война међу домомъ Аустрійскимъ, Прусіомъ и Русіомъ. Браћа Аѳанасіева чуюћи мое намѣреніе, да бы радъ у Руссію прећи, науке ради; даду ми совѣтъ, да съ коимъ Регементскапеланомъ пређемъ у Германію; и будући да се ту наоди мноштво у Руской служби Србаля Офицера, лако ће кои мене примити, и оправити ме куда желимъ. Садъ, за наћи такова Регементкапелана, суди се за нужно у Загребъ поћи, и ту чекати; зашто туда Хорватске регemente пролазе. Задрже ме они любезни люди дванаестъ дана, и нипошто не даду поћи; едва се растанемо, као да смо мыслили до века живити скупа. Мой Аѳанасіе пође да ме отирати до Петринъ, и дође до Загреба самномъ; гди, у предградію при єдномъ купцу узмемъ єдну собу на месецъ. Каже намъ домаћинъ у вече, кадъ чуе мое намѣреніе, да у граду има Бискупа Влашкога колегіумъ, и да чекаюћи я прилику поћи у армію, могао бы међутимъ онде почети дячки (овако зову латински) учити се. Ово ми предложеніе мило буде, и пођемъ сутра данъ съ Аѳанасіемъ видити, какавъ е то ту нашега Епископа колегіумъ (зашто насъ зову Влае). Дођемо ту, одведе насъ предъ начальника, кои насъ учтиво дочека, и каже мени, чуюћи да бы се я радъ учити, да ће онъ тай данъ писати за ме Епископу, и да се узда изходатайствовати ми, да могу при њима имати квартиръ и препитаніе. Полюбимъ му я руку, и зафалимъ на таковомъ обећаню. Но валя да знашь

мой синко, рече ми онъ, да ако оѣнешъ, можешъ овде и неколико година све потребно имати и учити се; али валя да будешъ Уніятъ, како што смо и мы. А заръ сте вы Уніяти? речемъ му я, уплашенъ. Ёсмо, одговори, и да то нисмо, мы не само небы колегіумъ нашъ овде имали, но небы намъ дали ни пребывати. Кадъ є тако, речемъ му я, вы о мени ништа непишите Епископу; еръ я Уніятъ небу быти, да бы знао никадъ ништа не научити. Види онъ да самъ се я пренао, и тихимъ рече намъ речма: та небойте се люди! неѣмо мы васъ силомъ поуніятити; остане баремъ те ручайте съ нами, пакъ онда идите съ Богомъ кудъ оѣте. Опростимо се мы, и изиѣмо изъ нѣгове собе; рече онъ нешто латински другой деци, коя изиђу за нама, и любезно насъ моле, да останемо обѣдовати съ нѣма; време є ручку, веле намъ, не идите гладни одъ насъ! Алъ мени ніе до ручка, еръ ми колена подамномъ дркћу; не памтимъ како смо се изпричали; то знамъ да изиѣмо, пакъ бѣжъ изъ града. И садъ кадъ помыслимъ на онай случай, ужасавамъ се, каква є ужасна стваръ предразсуѣенъ! Они исти младићи, мои вршняцы, кое самъ мало пре съ неисказаномъ радости гледао, коликъ да су ми мила браћа и сродницы, како чуемъ да су Уніяти, учине ми се другоячїи, и страшни непрїатели, кои погибель мою желе и ишту! Преблагїй вѣчный Боже! Како, и одъ кудъ то людма быва, да иста любовь твоя сладка и вѣчна, коя бы имъ морала служити за союзъ свештенѣйшега сродства, вѣриѣйшега дружества, и срдечнѣйше пресладке любви, та иста лю-

бовъ твоя, кою люди криво разумѣваю и злоупотре-
бляваю, служи имъ на раздѣленіе и люту мрзость?

Извините, любимый мой долготу писма, но съ
онимъ, кога срце наше любви, и душа наша почитуе,
ни усменный ни письменный разговоръ никада ніе дуга-
чакъ; свагда е кратакъ!

У Шклову 1788.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Вѣрный мой другъ Аѳанасіе пребуде самномъ у За-
гребу шесть дана, и видеѣи ме намештена при до-
бримъ людма, седмый данъ одпратимъ га до преко
Саве, и ту се съ многимъ сузама растанемо. У дому
квартира мога, наоѣаше се еданъ ѣакъ, братъ дома
госпоѣе, именемъ Антунъ. Овай при Ёзуитама слуша-
ше филозофію, и кадъ годъ небы имао свога дѣла,
свагда бы заедно были. Онъ ми поклони свою грамати-
ку, (читати самъ могао латински) и зада ми прву милу
лекцію **Наес Musa!** Граматике се ту штампую съ изъ-
сненіемъ діалекта Хорватскога; то ми е помагало; но су-
дите, колика е радость моя была, кадъ наѣемъ у латин-
скомъ ѣзику велико подобіе съ влашкимъ, кои е мени изъ
детиньства у Банату како и нашъ Србскій познатъ быю!
Ту ми се сва зима не учини дужа него еданъ данъ.
Антунъ, кои ме весма любляше, предаваше ми съ
великомъ радости осамъ частій слова, даваше ми
сврхъ ный окупаціе, и толковаше ми неке Історійце.

Првый данъ Марта месеца, дође у истый домъ, гди самъ я, на квартиръ еданъ одъ наши еवेशтеника изъ Хорватске, и у разговорѣ каже ми, да е дошао куповати нужне ствари за путъ у армію, кудъ мисли по воскресенію поћи. А кадъ одъ мене чуе, шта я ту чекамъ, обрадуе се весма, и, Богъ насъ е овде саставіо! рече. Я самъ се (каже ми) старао, гди ћу ђака наћи, кои добро уме читати, и при црквеномъ правилу и служби помагати. Я му се обећамъ, да ћу га за годину дана вѣрно служити, а онъ мени да ће ми дати педесетъ форинтій, и ако прилике ненађе болъ, о свомъ трошку да ће ме отиравити изъ арміе у Русію. Ако си што овде дужанъ, а не можешъ исплатити, до 5. или 10. фор. я ћу ти дати; и за то ћешъ ми помагати овај великій постъ у цркви до воскресенія; а потомъ почеће се време наше године. Благодаримъ му, и да имамъ чимъ платити кажемъ. Рече ми да га пођемъ у томъ и томъ дому у Петрини чекати, и да ће онъ ту прекосутра бити. Мой любезный Антунъ одирати ме у сестре своє колесы до Турова поля; ту се загрлимо и излюбимо, и онъ ми даде свога познатогъ човека, кои ме доведе у Петриню. При реченомъ Свештенику пребудемъ до Ускрса. Овај намъраваше по празнику поћи, и одъ Епископа патенту на то узети. Кадъ на светлый вторникъ дође намъ невесео гласъ, да е другій Свештеникъ Епископу Грешлики неколико дуката выше дао, него ли е мой обећао быо, и патенту већъ узео. Кажу намъ къ тому, да онај Свештеникъ води за ђака свога синовца. Тай истый данъ, пригоди ми се и другій случай, кои ме здраво уплаши. У цркви смо на литур-

гѣи, кадъ етоти улѣзе младъ момакъ; подиђу ме мрави; мыслимъ у себи, ко бы другій башъ онде на образу имао Гавре изъ Вуковара, Владике Парѣенія ђака, великій младежъ? Радъ бы, или да е ко другій, пакъ на часть му младежъ; или ако е онъ, да ме како не позна. Како се служба сврши, и онъ ти управъ къ мени, кои му се као стидљива невеста и невештъ чиняхъ. Зовне ме на полъ, да ме нешто пита; одемо на само подъ еданъ растъ. За луду се ты поклапашъ, рече ми, я тебе познаемъ како годъ и ты мене; аль се ты ни мало мене не бой; заръ си ты заборавіо, да смо се мы свагда добро пазили? Добро си учиніо, што си одъ калуђера утекао, башъ као да си мене пыгао! Ты знашъ, да ко небы радъ свађати се докъ е годъ живъ, онде му ніе мѣста. Него кажи ми, кудъ садъ мыслишъ? Явимъ му я, у каквой самъ надежди быо, и коя е већъ сасвимъ исчезнула. Айде самномъ рече ми у Бечъ, я тамо идемъ гди службу искати, еръ бы радъ немецки добро научити. Кадъ самъ пошао, морамъ кудъ годъ ићи, айде кудъ ти драго; отговоримъ я. Вели ми да е чуо, да ће Данилъ Плашкій Епископъ поћи у Бечъ; да е онъ нѣму добро познатъ, и да бы съ нѣмъ до Беча могли доћи; те ти мы сутра данъ путь Плашкога. Кадъ ту дођемо, нађемо Епископа, кои насъ прими любезно, и принуди остати при нѣму два три дана. Овай блаженный божій человекъ! као да га самый Богъ на то упути, да ми да совѣтъ, кои ће благополучіе целога живота мога причинити, представи ми, да е мучна стваръ тако далекій предузимати путь безъ довольно трошка. За Гаврила е лакше; онъ неколико

и немачки зна, а службу оће, то ласно може наћи гди му драго; а за тебе, вели ми, најболѣ бы было, да гди школу држишъ; за две или три године можешъ стећи кою стотину форинтѣй, пакъ онда рецы, идемъ у Русію. Овай совѣтъ смилими се са свимъ. Гди бы нашао таково место, гди бы нашао гди бы потребу одъ мене имао ко? запытамъ га. Нигде тако као у Далмаціи, одговори ми; изъ различни мѣста ондешњи Свештеницы молили су ме, и често ми пишу, да имъ когъ магистра пошлѣмъ: и чини ми се, (приложи) да ћешъ у манастиру Комоговини наћи едногъ Свештеника одъ туда, съ коимъ можешъ тамо поћи. И само име Далмація полюбими се; као да бы предчувствовао у срцу, да ћу ту неколико веселы и спокойны провести гедина. Дођемъ съ Гавромъ до Комоговине, и ту се разстанемо; онъ оде путъ Беча, а я не нашавши ту вышепоменутога Свештеника, покажу ми великій друмъ преко Велебита, пођемъ и самъ покрай светога Микуле преко планине, путъ Лике и Крбаве. Пролеће, Красота време! Све пѣваюћи, да се горе и долине разлежу; іошъ да нисамъ се гдигди пастирски паса плашію, чинило бы ми се, као да на Пигасу, Велерофонтову коню яшемъ.

Петый данъ пређемъ Вучіякъ планину, и сиђемъ у Крупу манастиръ, и ту се уставимъ данъ два за одпочинути, и разпытати за какво мѣсто, гди магистра требую. Ту ми кажу за толика мѣста, да насъ е десеторо было, сви бы могли намештени быти. Но игуманъ Осодосіе будући особитый пріатель Протопопе Іована Новаковића у Книнскомъ полю, и нѣговога комшіе, попа Марка Бѣдова съ Пађена; пошлѣ

ме къ нѣма. Ови ме добри свештеницы єдва доче-
каю; и при цркви С. Георгія, башъ предъ градомъ
Книнѣмъ у дому церковномъ станемъ учить децу. Грчке
цркве народи у Венеціанской Далмаціи, неимаю Епі-
скопа; тако они одъ мірски свештеника, кои су по-
знати за свое честно владанъ, за добродѣтель, и за
природный здравый разумъ, ту су не само у своимъ
парохіама, но и у цѣлой провинціи како годъ Патрі-
арси и Епископи. Такови су были у време могъ он-
де пребываня Іоанъ Новаковићъ Книнополюскій, Авра-
амъ Симићъ Косовскій, и Кричка Дрнишскій. Нѣма
савршено приличествує оно слово Апостола Павла, да
когодъ добро управля домомъ и фамиліомъ своимъ,
тай ѣе и црквомъ, то єсть, съ црковнимъ обще-
ствомъ благоразумно управляти. Безъ науке, єръ є
нису имали гди получить; али (то што є важно и
велико у животу) не само безъ никакве злобе, но и
са свакимъ наравнимъ честнымъ свойствомъ украше-
ни. А ово є прекрасна мудрость! природный разумъ,
съ чистомъ любовію къ правди и къ честности со-
єдинѣнъ. Они су мене називали своимъ младымъ учи-
телѣмъ, за то што самъ я нѣову дечицу обучавао
читати, писати, и некима самъ предавао и толковао
Катихисисъ, како самъ могао; болѣгъ одъ мене ту
нїє было, за то самъ я морао найбільій быти: али
самъ я (и не мислеѣи тада о томъ) одъ нѣи исты а
навластити одъ Новаковића (съ коимъ самъ у ком-
шилuku живію, и све празничне дане у нѣговомъ
дружтву быю и проводію) найнужднїє и найлепше у
животу лекціє примає; то єсть, лекціє непритворно-
сти, чистосердечности, любезности и благонравія. Ка-

ково блаженство и рай на земљи съ онаковимъ свѣ-
тимъ и добримъ людма живити! Оно су прави Свецы!
а нити знаду, нити мысле да су. Што ѣу іоште о
њима реѣи, свакомъ ѣе мило быти чути. Овы Свеш-
теника не само фамиліе њіове, но и парохіалный на-
родъ сви су трудолюбиви, добри, правдолюбиви и по-
штени люди. При опредѣленной плаѣи што ми є свакъ
за своє дете на мѣсець давао, по њіовомъ устано-
вленію и обычаю, кадъ бы ко довео своє дете, донео
бы ми две меричице пшенице, и две оке масла, и
ѣданъ великій сирацъ; но мой любезный Протопопъ
Новаковиѣъ, попъ Марко Бѣдовъ, Трифунъ Синобадъ,
Симо Стефановиѣъ изъ града (кромъ други многи кои
бы ме радостно дочекивали) никада небы ми дали на
момъ квартиру залогай леба изести. Башъ као да су
ме подъ аренду узели были! и кадъ бы кодъ єднога
ручао, морао бы кодъ другога вечерати; нити є ме-
ни надежда избавлѣнія дозволѣна была. Да самъ се я
за њіову децу трудію, ово є менн нешто одъ приро-
де; како за себе што добро радъ самъ научити, тако
и што знамъ, другима предавати.

Три године, по погодби моіой, проведемъ съ
онимъ божіимъ людма; три миле године! коє свагда
съ услажденіемъ срца споминѣмъ, и коє самъ за ос-
нованіе свему слѣдуюѣему мому живлѣнію положію,
зашто самъ у њима не само опытомъ познао и на-
учію, него и у єстество себи претворію, како човекъ
у низкомъ станю може съ малимъ задоволянъ, добаръ
и благополучанъ быти! И кадъ самъ годъ на неко-
лико година по томъ, премудрога Фенелона у њѣго-
вомъ Телемаху, описаніе блаженоста сеоскога живота

читао, свагда ми е срце играло одъ радости, мысли-
ћи: овако су мой Новаковић! овако Симић! овако
Кричка живили! И мени овако дай Боже провести жи-
вотъ! По протеченію ове три године нађе се у мо-
јој кеси око сто Венетски цекина. Чуемъ, да у Атон-
ској гори на гласу Евгеније учитель предае на Елин-
скомъ ѣзику науке. Айде тамо, помислимъ, новцы су
ово! Пођемъ моремъ у Боку одъ Котора, да ту на-
ђемъ корабаль за Грецію; но у томъ се месту раз-
болимъ одъ грознице. Намери се на ме некій Игу-
манъ изъ Свете Петке изъ Маина; каже ми онъ, да
е бѣдна стваръ за грозничава мореплаваніе, како и
есть; позове ме къ себи, и наложи ми, да за мое
пренитаніе, кадъ бы ме грозница пуштала, четворой
децы лекціе даемъ. Епископи Црногорски, старый Сав-
ла и Василије, имали су и у Маинама свое домове,
винограде и маслине, и мало по далъ на Станѣвини
свой манастиръ и дворове; и тако бы често съ нѣ-
ма бывали. Тресавица како ми узяше за вратъ, ни-
пошто цѣлу есенъ и зиму неће да ме се прође; но
слакій трећій данъ етоти нѣ. О празнику Воскресе-
нія на Станѣвићи служимъ као Дяконъ съ Владикомъ
Василиємъ, и съ многимъ другима литургию; неимаю-
ћи на такій славный празникъ нигде никога да запо-
ни, оћешъ да те запонимъ? рече ми: баремъ да знашъ,
да си у Црној Гори быо. Што Вамъ драго, одгово-
римъ я; мени е све едно та садъ, та после. Ђдва
то изречемъ, онъ учини знакъ старому Архидякону
Стефану, а овай ти самномъ: *повели*. Немоћъ моя
врло ме разслаби, и принуди повратити се у Далма-
цію. Ужасне се мой любимый Новаковић, кадъ ме

види тако слаба и преображена, и имаюћи у својој парохіи некога доброга Свештеника Леонтіа, изъ Фрушке горе, за магістра, совѣтуе ме да се намѣстимъ у лепомъ месту при здравой и цѣлительной води, у ближньому селу Голубићу. Овде се погодимъ за две године учити децу; и за мѣсець дана савршено оздравимъ. У трећемъ мѣсецу друге године, будући ово мѣсто близу Босне, окуже се неке куће у Голубићу; онда ти кудъ кои може бѣжи; и я пређемъ у Косово, гди пребудемъ у дому Попа Авраама Симића еданъ мѣсець. Овай имаѣаше беседе Златоустога на Дѣянїя Апостолска; ту њи станемъ опетъ съ прилѣжанїемъ читати, и нека мѣста, која бы ми найугоднїя была, преписивати. Нѣгова найстарїя кћи Елена замоли ме, да њој што изъ те кнѣиге просто србски напишемъ. Тада я све оно што самъ већъ быо за се преписао, преведемъ на просто, и за учинити, да оной прекрасной дѣвицы читанъ тога буде прїятнїе, расположимъ то на главе, починюћи сваку по Азбуки. Она е то тако радо читала, и томе се толико радовала, колико да е сву мудрость Солѣмонову у она два три табака имала. То су други съ великомъ молбомъ одъ њъ просили и преписивали; и тако се разнесе и разплоди по свој Далмаціи подъ именовъ *Досишеровѣ буквице*. Ово е првѣй поводъ и узрокъ, да се у мени велика желя зачне и роди: да ми само Богъ даруе животъ, докъ што Србски на штампѣ издамъ, и прекраснимъ кѣерима и синовима рода мога сообщтимъ. Милостивѣй Богъ испунио е желя мою съ лихвомъ, сподобивши ме, за ово предпрїятїе любовь и похвалу

избранѣйше Націе наше, одъ кое сте и Вы, дражай-
шій мой! заслужити.

Они люди тако су ми добри и мили были, да
одъ толико година и данасъ срце ми за нѣма тужи,
као да самъ се съ нѣма юче растао! Любавъ къ
науцы морала е у мени силна быти, кадъ ме е одъ
нѣхъ отргнути могла. Безъ сумнѣ, ово слатко и бла-
городно свойство, тако неодложно и природно срцу и
души нашої, *любавъ* мора за нешто вѣчно опредѣле-
но быти; еръ бы скоро залуду было, кадъ бы само
за тако скороизчезаеме предмете бытіе свое получи-
ло. Изъ Косова преѣмъ у Манастиръ Драговићъ, гди
самъ два цѣла месеца некога Попа Лазу чекао, да съ
нѣмъ у приморіе доѣмъ; зашто, како самъ рекао,
будући у неки мѣсты кужный поморъ, самъ нисамъ смео
путовати: а овай свештеникъ држао е едну парохію
данъ ода дугу, гди кућа гди две а гди петъ, поиз-
мешане међу римске цркве людма. Онъ поѣе у ве-
ликій постъ свое люде исповедати и причестити: младъ
Свештеникъ као и я, дакле заедно исповедамо. Но
оне доброте людій нити е гди чути на свету ни ви-
дити! Доѣе са страхомъ да се исповеда, а никаква
зла у животу ніе ни помыслио; не имати ништа ка-
зати, разве да е кадъ у среду и петакъ во (за хіля-
ду глава небы ко погодіо, да му се не каже) *рака!*
ништа друго, или пасуля са зейтиномъ; зашто е у
приморю зейтина изобиліе. Ако ли е ко, на злу вре-
мену, несташне яриће сатериваюћи опсовао, тай ти
е међу нѣма найвећій грешникъ. Међу оваковы све-
ты грешницы проведемъ великій постъ и празнуемъ
Воскресеніе. По празнику одпрати ме Попъ Лазо до

града Трогира, кои е ту близу; одавде преѣмъ у Сплѣтъ, и ту се укрцамъ у єдну Месалонитску Тартану, за Корфъ.

У Шклову 1788.

S. S. Ово е шестый мѣсець, како се чека овде Типографчикъ; по свой прилицы неће одржати речъ. Зато намѣравамъ поћи у Лифландію, гди ћу се на добрама Господина Генерала Зорића мѣсець дана бавити; одатле ћете одъ мене слѣдуюће примити писмо.

ДРАЖАЙШІЙ ГОСПОДИНЕ МОЙ!

У Тартани, съ коіомъ поѣмъ путь Корфа, было е око двадѣтетъ кораблѣника, сви Грцы до єднога, а я грчки нигде ништа; разсудите, како ми е морало быти! А како сви сазнаду, да я нѣова не разумемъ езика, свима дође већа желя, да самномъ говоре. Добро за ме, што самъ при Книню неколико таліански научію быю; ово ми е ласно было ради великогъ подобія овога езика съ влашкимъ, те самъ се могао съ капетаномъ корабля и съ некима одъ кораблѣника разговарати; а безъ тога самъ незнамъ, шта бы чинію. Слушао бы съ великимъ вниманіемъ, небы ли найма-

нѣ што разумео; нигде ништа! Никадѣ довека, по-
мыслимъ у себи, не научи я овогъ езика? Што е
ситно ситно, преко сваке мѣре и разлога. Просиплю
имъ се речи изъ уста, како суште просо; нити се
могахъ доволно начудити, како се они могу међу со-
бомъ разумевати? Но што Богъ да, речемъ утѣша-
ваюћи себе; докѣ ово новчића имамъ, гледа ћу не-
бы ли се што научити могло; а кадѣ нѣи нестане,
я ћу опетъ у Далмацію. Лепо време, весма поспѣ-
шанъ вѣтаръ; и тако трећій данъ дођемо у приста-
ниште града Корфа. Платимъ капетану за превозъ;
а онъ зовне човека съ баркомъ, коему на место две
газете, што бы ме на брегъ изнео, дамъ му дваде-
сетъ, съ уговоромъ, да се постара наћи ми квартиръ,
гди се талиански говори. Овай узме новце, извезе ме
на брегъ, избацы замномъ мою торбу, пакъ отиде
своимъ путемъ. Зовемъ я! молимъ! онъ ништа; ва-
ля да е бью са свимъ глумъ. Останемъ на брегу пред-
градія, кое самъ потомъ сазнао да се Мандоѣъ зове;
обзирући се на десно и на лево, и не знаюћи ни кудъ
ћу ни што ћу. Сатъ по подне, сунце припекло, ни-
ти дае ту выше стояти. Упазимъ на краю предгра-
дія широку ограду зида, унутра зданія и лепа црква,
видимъ врата авліе отворена; уђемъ и седнемъ предъ
црквомъ, подъ торонъ у любкомъ ладу, съ намѣромъ
чекати ту, докѣ се поспусти сунце и данъ поразлади.
Овде замышлѣнъ и забринуть; одъ мореплаванія
(кое ми е првый редъ тако дугачко было) забунѣнъ
и чисто као піянъ, и не пада ми наумъ, да ни-
самъ ручао. Седећи наслонимъ се на зидъ и задре-
мамъ. Иза сна чуемъ шаптанъ, отворимъ очи: неск-

деръ ми садъ каже ко зна? шта угледамъ! множество красоте девояка, и међу њима гдикоя калуђерица поизређале се по пенцери. Шта ће садъ бити одъ мене, ко Бога вѣруе! помислимъ, но што самъ я кривъ, кадъ е авлія отворена? У тай ма, улѣзе у авлію и приступи къ мени съ дугачкомъ бѣломъ као снегъ брадомъ свештеникъ, кои, кадъ види да я грчки ништа не разумемъ, стане беседити талиански, и на питанъ каже ми, да е то манастиръ калуђерица, гди се кѣри госпoде Корфа уче и воспитаваю: отвори цркву, ту се поклонимъ и цѣлуемъ предивно изображене иконе; кадъ етоти пречестна вида старица, съ другима двема господичнама, любопытне знати ко самъ, кудъ и зашто идемъ? Кажемъ имъ; и како ме е онай нитковъ баркаруолъ оставіо на брегу. Сожале оне о мени, и рече ми старица, благодари Бога, што се ниси на горега намеріо, кои бы ти и торбу однео. На њіово пытанъ, имамъ ли трошка на тако далекій путь и у туђимъ странама: одговоримъ, да я новаца доста имамъ на две или три године. Онда стара госпођа заповеди своѣ капелану, (то е быо овай Свештеникъ) да ме узме у свой домъ: пробеседи нешто съ њимъ грчки, пакъ онда мени рече: можете стаяти у дому попа Марка, ако вамъ буде по вољи, мѣсець или два, докъ што мало грчки научите, зашто ћете доћи у такова мѣста, гди се талиански не говори; и за та два мѣсеца я ћу за Васъ платити, вы нисте му дужни ни паре дати; при томъ чувайте се да му ништа не дате у займъ, то му е сва мана, узаймлюе пакъ неће да врати: и докъ се годъ добро съ кимъ не познате, чувай те се одъ свакога! Зафалимъ іой на ма-

ернѡй милости и наставлѣнію, и кажемъ, да най-
выше ако се ту уставимъ, быће мѣсѣцъ дана, зашто
бы радъ колико пре у Аѡнѣ доѣи. Одведе ме Попъ
Марко у свой домъ, и нађе ми єдногъ младогъ сол-
дата Далматинца, кои добро грчки знаѣаше; погодимъ
га за цекинъ на мѣсѣцъ, да ми свакій данъ у реченый
часъ долази, и почнемъ писати съ нашимъ словима
нуждне речи и разговоре грчки. Овай солдатъ учини
ме сутра данъ познати се съ єднимъ поштенымъ чо-
векомъ Ерцеговцемъ, именемъ Антоніемъ, кои у гра-
ду имаѣаше два своя дуѣана, трговаше съ свакоякимъ
воѣмъ и зеленима, и ту оженѣнъ добро стояше; и
овай ми крепко наложи, да ни нешто моему домаѣину
ништа не узаймимъ; и ако ми што заиште, да ре-
чемъ, да су мои новцы у Анеоніа Шѣавуна на сохра-
ненію. Петый данъ мой попо заръ валя да є прегле-
дао, шта я имамъ у торби, и видеѣи да ту ништа не
стои него две три кнѣиге, неки рукописни папири и
преоблачила, запыта ме при ручку, гди я мое цекине
држимъ, говорѣи да нѣ *senza rischio*, то єсть безбѣд-
но, да ѣи са собомъ коєкуда носишь, но дай, да ти ѣи
сачувамъ. Я веѣъ на то приуготовлѣнъ, кажемъ му
у кога су. Поцрвени савъ као скуванъ ракъ, и гле-
даюѣи ме накриво рече ми: *Che maledetta diffiden-
za che questa! La madre Superiora quel che
ha detto, non miga 'l ha parlato da senno, so-
lamente per scherzo!* То значи: какво проклето не-
повѣренѣ є то! Мати Игуманія оно што є рекла нѣ
нимало говорила одиста, само за шалу! Будимъ я
мыслеѣи, шала, или не, ты башъ неѣеши ништа и-

мати! пакъ онда погледамъ и я нѣга, башъ као и онъ на ме, показуюћи му, да не маримъ за нѣга ни за нѣгову кућу: већъ я имамъ поштена познаника у граду, а новаца у кеси; то є мени доста.

По подне дође мой солдатъ, кажемъ му, што ми се є случило съ домаћиномъ; вели ми онъ: ако ниси радъ за овај месецъ заштедити три или четири цекина, можешъ у граду за толико имати квартиръ и трапезу. Нисамъ я овде дошао да штедимъ, но докъ имамъ да трошимъ, одговоримъ. Кадъ є тако: (счепа онъ мою торбу,) а ты айде самномъ. Пођемо крозъ ссбу попову, и кажемо му, да мы полазимо. Стане онъ молити, да му не чинимо те срамоте, да ће пропасти, ако то чує стара Госпођа; заклинь се да онъ ніє о злѹ мислю; увати за торбу, пакъ не пушта. А кадъ ли ти га почне мой солдатъ муштрати, грчки съ нѣмъ говорећи, смете се онай, па руку къ себи; за любовь божію, моли, да не пођемъ тужити се Игуменіи! По томе можешъ ты спавати спокоянъ, речемъ му; нисамъ я овде дошао процесъ терати. Дођемо у градъ къ нашемъ Ерцеговцу, кои смеюћи се рече намъ: я самъ добро знао, да ће то тако бити; зао є оно пошъ! Но стара госпођа добра душа, видећи га да плаче, кадъ служи литургію, вара се и мысли, да ніє сасвимъ opakъ. Има у граду лепъ манастирићъ свете Екатерине съ петорицомъ калуђера; каже намъ Антоніє, да они радо примаю стране люде на кость, на неделю и на месецъ; и будући да су бсзпослени, могао бы се и одъ нѣи ползовати у разговору. Пођемо къ нѣима, и погодимо се за 15 дана цекинъ и по. И ови сви по реду су ме исповедали, колико

имамъ новаца? одъ кудъ ми? и гди су ми? а како чую да су у Антоніа Шћавуна, то ніедномъ ніе мило было чути. А леньиви трбуси! мысляхъ у себи, ради бы да безпослени живе, и новаца да имаю! нека бы учили децу као и я, пакъ бы имали. Овай манастирићъ има лепе доодке, али се Игумну и калуђеромъ ништа у руке не дае, разве, што е уречено на трапезу и одѣло: а съ осталимъ миряни располажу, и троше на школе и шпиталь градскій, кои е великій и прекрасанъ. У овомъ мѣсту пребудемъ 45 дана, напишемъ и изучимъ на изустъ много различни разговора. Антоніе учини ми познанство съ капетаны и Маіоры у венеціанской служби, Далматинцы и Црногорцы, кои ме одведу Протопопи града; покажу му и изтолкую мое свидѣлственно писмо, и испросе да могу у цркви Свете Екатерине славенски кои путъ служити. У овомъ острову мирскій Протопопъ глава е свега Свештенства: кои му драго Епископъ и Патриархъ ту да дође, мора нѣму подчинѣнъ быти; будући да е светый Спиридонъ Патронъ Корфа, а овай е было мирскій Свештеникъ, то естъ Епископъ ожениъ; еръ у нѣгово време монаси іоштъ нису были са свимъ преобладали. У неделю кадъ самъ хотео првый редъ служити, дође ми Маіоръ съ друга два Офицера, и съ Антоніемъ; каже ми да ће Протопопъ, и многа Господа Грцы и Латини на мою службу доћи; него да даду пронети за ме тасъ, обнадеждавајући ме, да ће ми се скупити найманъ десетъ цекина. Нипошто! речемъ му, нисамъ я дошао овде срамотити себе и васъ. Майде калуђеру, свѣтао ти образъ! отвѣшта Маіоръ, и поѣмо у цркву. При полазку одав-

де нађу ми корабаль за Мореу, и спреме ми еданъ великій Александрійскій сепетъ, пунъ финога Венеціанскога бискота, избрани маслина и попржене рибе: предаду корабля капетану 15 бутеля шкопулскога вина; допрате ме око десеторица ный у корабаль, гди су јоштъ за рана дали спремити господскій ручакъ, ту по веселомъ обѣду, изгрлимо се, излюбимо, срдечно излюбимо се; и желећи да се опетъ видимо, (како смо се на петъ година потомъ и видли, кромѣ неки одъ офицера, кои су у Италију прешли были) и тако разстанемо се. У Мореу бы други или трећій данъ допливали, тако смо лепо време имали: но Капетанъ корабля имајући дѣло у Занту и Цефалоній, задржимо се на путу. Деветый данъ дођемо у пристаниште града Патраса у Мореи. Быяше неделя, и я рано пођемъ съ неки корабленицы на службу у цркву С. Апостола Андреа првозваного. У време причастне навале око двадесетъ калуђера съ сандучићи, и съ костима у нѣима, просити; међу којима зачудимъ се, кадъ угледамъ некога древнога Исаію Дечанца, кога самъ јоште у детињству моме у Чакову, гди на светого краля Дечанскога просаше, познао; и кои, да не бы мога тетка Николе, бы ме одвео у Дечане; потомъ Дякономъ у Опову, по Бачкой просити виђао самъ га. Овай суштый носи одну сребрну кутію, и сръбски иште говорећи: дайте милостиню на мошти свете Анне у манастиръ Савину! а нѣговъ дяконъ за нѣимъ проси за мошти С. Пантелеимона. Не знамъ, илъ ми є гадніє было старога погрѣбѣна, гди по цркви кашљъ и цыганчи, гледати, или нѣгова бѣднога дякона, здраву момчину углађену, съ дугимъ перчиномъ, кои му

сва леђа покриваше, и съ таковымъ слободнымъ очима, не као да жебрачи, него башъ као да нешто дели и раздае; тиска се кроз народъ, и за худимъ своимъ старцемъ пристае и людма мира не да. Полазећи изъ корабля, запитахъ, шта самъ дужанъ за превозъ платити? Капетанъ одговори, да е све плаћено у Корфу, и да я ништа нисамъ дужанъ. Конзулъ Венеціанскій, на кога самъ имао препоручително писмо, прими ме учтиво, и даде ми паспортъ, да ми небы нигде у Турской арача искали. Одавде свагда наодећи друштво, пођемъ одъ мѣста до мѣста лагано, за прегледати овай прекрасный, и у Історіи славнѣйшій островъ: коѣ кадъ бы хотео све подробно описивати. требало бы ми неколико табака напунити. Два цѣла месеца задржимъ се ходаюћи по различни неисказане красоте мѣсты, и крозъ Тріполицу, древлѣ зовому Мегалополисъ, отечество Філопименово, пређемъ у Навплеонъ, и ту нађемъ корабаль за Аѳонску гору.

Четвртый данъ стигнемо подъ Светопавловскій манастиръ; како изиђемо на землю, улѣземъ у єдну башчу, услаждаваюћи се красотомъ воћны дрва, обременѣны плодомъ; ту се проодамъ за разтрезнити се одъ морске несвестице. Не далеко подъ єдномъ маслиномъ учиними се да видимъ єданъ дугачакъ штапъ съ врха накривлѣнъ неисказане красоте; осіяваюћи га сунце, разны цвѣтова шарѣ чрезвычайно блистау се, као да е свакимъ видомъ многоцѣнны бриліанта изкићенъ. Чудимъ се, ко бы такову стваръ ту оставіо; приступамъ лагано, и будући одъ младости краткога вида, дођемъ око десетакъ коракляи близу, и ту самъ не знамъ, како се уставимъ; и на мѣ-

сто што бы ближе приступію, почнемъ натражке (све на ту стваръ гледаюћи) уступати. Два или три коракля измакнемъ се, и тада познамъ, да оно на врху накривлѣно, то є зла змія окренула была главу къ мени, чекаюћи ме да ближе дођемъ; а како види, да се я измичемъ, окрене одъ мене главу, и съ устрмленіємъ отиде. Благодарєћи благой промысла десницы на избавлѣнію, съ ужасомъ побегнемъ на полѣ. У томъ манастиру нађемъ неколико Болгара монаха, одъ кои єданъ одведе ме крозь карее у Хілендаръ. Како ми є жао было чути, да є Учитель Евгеніє, не могући трпѣти ту коєкакве калуђерске кабале, пре четири месеца, то чудновато мѣсто оставію, и ученицы се сви разишли. Како монаси живе у томъ мѣсту, то знамъ, да сте чули одъ други и да знате; ако ли не знате, іошъ болъ! Нађемъ неколико Србаля у Хілендару, кои се вавекъ века съ Болгары инате, и не могу да се погоде, чїи є Хілендаръ. Мой добрый Θεодосіє Карловчанинъ, и онъ се ту мора инатити! Ту проведемъ єсенъ и зиму; а на пролеће пођемъ опетъ на море, за прећи у островъ Патмосъ чуюћи да се овде предає Еллинскій єзикъ. Намѣри се коробаль за Смирну у Азїи малой; а одатле, кажу, ми, да се свакій данъ може, пригода имати за прећи у Патмосъ. Кадъ дођемо у Смирну, извезу ме у Франкомаалу; (тако се зове часть града, гди Европейцы пребываю.) При обѣду на момъ квартиру, дође ручати и єданъ Архітектонъ Гркъ. Овай, у разговорѣ чуюћи кудъ намѣравамъ, рече ми таліански, ако оћу, да ме одведе да прегледамъ грчку велику школу, и познамъ се съ учителѣмъ Іерооєемъ. У три сата по-

сле подне поѣмо, и наѣмо Учителя, гди мноштву ученика (одъ кои бяху неки Свештеницы съ великим брадама) толкуе нешто. Каково бы блаженство за мене было (мыслимъ у себи), кадъ бы и я меѣу ове могао пристати! Кадъ онъ сврши предаванъ, доѣе другій млађій учитель другой класси предавати; поѣмо у нѣгову собу, и како му кажемъ, што самъ, кудъ и зашто путуемъ, у Патму, рече ми, за две или за три године поарчиѣшъ све што имашъ, пакъ о чемъ ѣшъ после натрагъ поѣи? Остани овде, рече ми, гди ако и десеть година узстоишъ, за квартиръ и препитаніе неѣшъ ни новца потрошити. Ова школа рани 30 ученика; а изъ тако далека мѣста да сте петорица дошли, я бы васъ радо примію. Учиними се као да неко божество изъ нѣга говори: пунъ радости приступимъ, да му цѣлуемъ руку; но онъ ми рече: Богу благодари, кои те є овде довео, гди ѣшъ получитьи све што желишъ! Призове попа Аноима Аѣинейца, и рече му, да ме прими у свою собу, коя є за две персоне; а онъ є у нѣой самъ. Ево любимый мой! почетакъ, могу реѣи, мога благополучія на овоме свету, и мое давно желаеме науке. О момъ иребываню и упражнѣнію при овомъ блаженомъ божіемъ човеку, учителю и благодѣтелю моме, говори ѣу іоште у слѣдуюѣемъ писму.

У Сесъвегену у Лифландіи,

Іулія, 1-гъ 1788.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Ово што бы Вамъ радъ описати у овомъ писму, то-
лико є за ме знаменито, да ће ми немогуће быти,
представити Вамъ то, тако, како я у свему животу мо-
ме то исто чувствуемъ. Све остало, што самъ изъ
Баната изишао, а по томъ изъ мѣста у мѣсто прехо-
дію, и опетъ се враћао, и по томъ изъ нова одходію,
спрама овомъ случаю, толико ми се чини, колико оби-
чни догађаи, кои се свакомъ посведневно у животу
выше просто и случайно приключавая, нежели по пре-
дварителномъ намѣренію и плану дѣлаю и испунаяю.
Али да самъ у Смирну дошао, о којой нити самъ са-
няо, нити знао, ни мыслію; да самъ ту, гди ни данъ
ни два нисамъ намѣравао стаяти, три године пребы-
вао! (и да се прежня Руска и Турска не заче война,
іоштъ бы може быти три) и да самъ онога божест-
венога мужа, Новога Грчкогъ Сократа, то єсть Учи-
теля Іерооѳеа познао! нѣмъ милостиво примлѣнъ быо!
нѣгова благодарѣнія, любви и науке сподобіо се! у
овомъ видимъ и познаемъ таково лено плана распо-
ложеніе, кога, не само я самъ, съ дѣтиньскомъ мо-
іомъ памећу, него и отаць мой и дедъ, да су ми са
своимъ совѣтомъ помогли, небы могао тако измысли-
ти, расположити, и благополучніе у дѣйство произ-
вести. Овде дакле очевидно познао самъ невидиму
десницу благога промысла, кои ме води, и многу
управля.

По освоєнію Цариграда, кадъ се сви учени Гр-
цы по Італіи и по Франціи разбѣгну, и те земль за-
чну просвѣщавати, за малымъ є остало было, да се

Елинскій ѳзикъ и наука, у свомъ отечеству и дому своме, то єсть у Грчкой са свимъ не забораве и не погибну. У островима грчкимъ подъ Венеціанскомъ владомъ, єдва се іоште гдикои ученъ човекъ, да предає Елински, наодио, али кадъ Турцы Кандію, Ципаръ и Морею одъ Венеціана завоюю, тада и ту іи нестане. После тога ко є одъ Грка хотео свой старый ѳзикъ знати, принуђенъ є быо у Італіи, у Сициліи или у Франціи тражити га, или у малимъ островима Занту и Кефалоніи, кои су у Венеціана и до данасъ. При почетку осамнаесте стотине година, два монаха Макарій Патміосъ и Герасимъ Иоакисіосъ, како у вышеименоватимъ островима, тако и у Італіи получе лепу науку не само елински мудраца, наго и новіи, кои су у Европи до тога цвели времена. Дођу у Патмосъ, и ту съ помоћи Цариградски, Смирнейски и Хіотски трговаца, не само подигну лепа зданія за школе, но и домове удобне за пребыванъ ученика, и капиталъ доволянъ саставе, одъ когъ доодка да се могу како учительи издржавати, тако и неко число оскудны ученика препитавати. Изъ ове школе у неколико година изиђу многи учени Свештеницы и учителяи, кои по томъ саставе училишта у различни поглавити мѣсты Азіе и Грчке: одъ коихъ є быо єданъ и вѣчно блажене памети *Іероѳей*, Учитель Смирнейскій. Богочестивъ и благочестивъ безъ свакога суєвѣрія, простъ Монахъ, но монашески злоупотребленія, лажа и просяченія, и измышлѣны икона и мощію, за новце чудотворенія заклетъ непріятель и изобличитель. Како бы му казао, да є та и та икона чудотворна, онъ бы пытао, стои ли она сама собомъ на воздуху,

или е приковата, прилеплѣна за зидъ, или о ексерь привешена? И како бы чуо, да прво нѣ него друго; видишь да нѣ чудотворна! рекао бы. За такову свою фѣлософическу, и управъ благочестиву любоистинность сви калуѣри Іерусалимцы и Светогорцы, ко живъ зна што бы му учинили, да су могли! Али е нѣгова непорочность и добродѣтель тако позната быля, да не само савъ народъ Смирнейскій, Хрістіани, него и исти Турцы выше су га почитовали и любили, него све калуѣере на свету: и зато тешко бы оному было, ко бы у нѣга дирнуо! Митрополитъ Смирнейскій, Неофитъ, иначе благій, честный и добродѣтельный мужъ, но по несрећи, православанъ даже до суевѣрія, равно 15 година мрзіо е на нѣга, нити га е у све то време пуштао у цркви проповедъ говорити; и да е могао и власть имао, бы га не у Сибирію, него у Камчатку у заточеніе оправіо, или ко зна, ако небы и горе съ нѣмъ разположіо! зашто е страшна зверка ревность за православіе, а безъ разума! Да е у овомъ вѣку мода была саборе купити, и ко свашто не вѣруе проклинати, мой бы Учитель много горе прошао него истый Оригенъ, кога су проклели и анатеми предали, ни мало на то не сматраюћи, што су Василіе великій и Григоріе Назіанзинъ съ Оригеновымъ списаніяма цркву и благочестіе бранили. По протеченію 15 година видећи реченый Митрополитъ Неофитъ, да слава добродѣтели Іероѡеове не само у Смирни, него и по свой Азіи, Грчкой, и Архіпелагу расти, дође у чувство; наипаче како смо већъ рекли, будући добра срца и душе, ужасне се, како е могао за толико времена на такова добродѣтельна човека мр-

вити! Смири се, и съ Броеемъ любовь и дружба учини; и за тимъ преживили су други равно 15 година у крайнѣмъ пріятельству. Месецъ дана пре него доѣмъ у Смирну, представи се Неофитъ; зато, лицемъ нисамъ га познао. Блажене памети учитель Иерофей быо е родомъ изъ Иѳакѣ, Одисеова отечества, кои е маленъ островъ у Венеціанской држави. Пре мога къ нѣму долазка предавао е науке 30 година, а после мене 16. Онъ да е любитель богатства быо, могао бы се у таковомъ мѣсту и обстоятелствама весма обогатити; али онда небы быо то што е быо; нити бы се овако о нѣму писало и проповедало. Кадъ самъ у прекрасну Смирну дошао, знао самъ неколико грчки просто научивши нешто у Корфу, а нешто у Мореи и Хилендару, и могао самъ тако говорити, да ми се не само деца него и стари люди смею; али самъ се и я нѣма смеяо, чудеѣи се, чему се имаду толико смеяти? Како бы се лекціе свршиле, скупила бы се на чопоре деца око мене, како исто врабцы на просо, ко ће пре самномъ говорити; сви бы ме учили и наставляли; у овакомъ миломъ дружеству у четири петъ месецій могао самъ ласно беседити: а како получимъ ласность у простомъ езыку, Елински ми е было врло удобно. Псалтирь и све прковне кнѣиге, то самъ све са славенскога совершенно разумети могао; и тако на концу едне године наѣмъ се напредни, него другій, кои су три и четири године пре мене почели. Тада већъ дечица нису ме пытала као преѣе. „Попо! ко ше е запопо у време кадъ ниси знао кнѣигу? У дому школскомъ издржавало се око тридесетъ ученика изъ различни мѣ-

ста Греціє и острова; у мое три године ту, неки су одлазили, а неки долазили; и тако имао самъ начинъ познати изъ свою страна грчка свойства. Сви школски Алумнисти живяху у крайнѣмъ доброхотству и любви; нить бы ту ко узрока имао на кога разсрдити се и злобити. Учитель самъ будући као Ангелъ небесный и къ свима као чадолюбивый родитель, сви смо се старали, како ћемо таковой доброти већма угодити; а нѣму иначе ніе се могло угодити, развѣ чрезъ прилѣжность ко ученю и доброту нарава. Любима грчка младежь склонитія є и способнія къ науцы паче свою народа на свету. Природно хитри и остроумни, кадъ се изъ младости на добро управе, нема доброте и вредности надъ нѣовомъ: но изъ того самого узрока, ако се на зло упуте, ту се валя здраво на умъ узети; ербо, велика хитрость кадъ се на лукавство преобрати, велико є зло: али злу, пакостну, и лукаву, при Іеровеу ніе было станка ни пристанка. Друго лѣто, будући кужный поморъ у Смирни, провели смо у школски прекрасны домовы польски, окружены съ предивнимъ башчама, преиспунѣныма свакимъ родомъ воћны дрва, лоза, и зеленій, кое благополучна Азія раѣа. Трапезу смо сви имали заєдно съ учителѣмъ, и svakій одъ ученика, кои є віна хотео пити, имао є на обѣду и вечери по две чаше пріятнѣйшега вкуса віна: у елу и пићу никаква друга разлика ніе была, развѣ ако бы благодатный нашъ учитель чашу или две выше него прочи поію. Сви одъ већи ученика добровольно бы и радостно нижнимъ лекціє изяснявали, и неразумителна мѣста толковали, тако да svakій одъ насъ имали смо

не едного учителя, него дееетъ и двадесетъ, кои бы едва чекали, да насъ у чему наставе. Другій учитель за Іероѡеємъ быо е Хрисанѡъ, одъ првы нѣговы ученика, кои е и домостроитель быо. Хрисанѡосъ значи златный цветъ; но овога човека душа, таква е блага, сладка и добра была, да е достоянъ быо звати се райскій, небесный, божій цветъ! Мой камарадъ, попъ Анѡимъ Аѡинеацъ, быо е мирскій свештеникъ, но младомъ умре му супруга. Овай човекъ да се нѣе на науку за тимъ дао, безъ сумнѣ небы живіо! На дванаестъ година по смрти супруге свое, кадъ бы годъ по случаю изрекао речъ: „жена моя“, бы му потекле сузе, као да се тай данъ съ нѡме растао. Агапіе Пелопонисіотскій, Кипріанъ Критскій, Максимъ Ларсіотскій, никада нисамъ на ове люде погледао, да не помыслимъ: Овакове, вѣчный Боже! дай Хрістіанству Епископе! Но мучно ѣе одъ нѣи кои тамо доѣи; ерѣкъ тому они заната не знаду, а неѣе да га уче. Овакови су были Іероѡееви ученицы; и ласно е вѣровати, да за 45. година свога учительства много е добра учиніо. А кадъ су Грцы подъ лютимъ удрученѣмъ то кадри испунити, што се може одъ нѣи очекивати, кадъ буде божія воля да се ослободе, и доѣу у таква обстоятелства, гди сами *цесари* то изискую и налажу? Мога првога познаника Архітектона постоѣвао самъ, и свагда самъ му благодаріо, и докъ самъ годъ живѣ, благодари ѣу му, што ме е къ Іероѡеу одвео; Богъ га е самъ на то наставио. На истый начинъ доброга мога благодѣтеля, Господара Максима Куртовиѣа изъ Требиня у Ерцеговини, ту самъ найпре познао, и онъ ме е свагда радо виѣао, и на

свомъ квартиру дочекивао, и при полазку любезно обдаріо. При окончанію треће године мога ту сладко-поминаємога пребиваня почне се говорити, да ће Турцы Русіи войну объявити. Мене су многи називали папа Сербосъ, а многи папа Московитисъ; нѣма е то све едно было. Кажемъ учителю, да се я весма боимъ, ако се войска зачне. И мы се сви боимо, одговори ми; самъ Богъ зна што се овде може случити! Дакле болъ е мени, речемъ, уклонити се за времена? Я сожалуемъ, одговори ми божественый и блаженный отаць; али у оваковимъ обстоятелствама, не знамъ ти совѣта дати. То време Дяконъ Максимъ Ларисіотскій, Философическе классе ученикъ, спремаше се поћи дома; дакле и я съ нѣмъ у дружество. Нађемо корабаль Идріотскій за Мореу: цѣлуемо се и опростимо съ Оцемъ, милостивимъ благодѣтелѣмъ и учителѣмъ Іеровеемъ, съ добрымъ Хрисанеомъ, и съ прочи любими соученици и пређемо у корабль.

Света, блажена, богоугодна Іеровеева *душе!* Давно самъ я одъ Бога овай часъ желію, да могу за живота рећи: *Повѣмъ имя швое брашнѣ моеѣ, и посредѣ многихъ народовъ воспою шя!* Праведна душе! Ты се садъ водворавашь съ блажены духовы, у слави небеснога Отца, за кога си живила, и кога си свету испуњавала волю! Прими овай знакъ вѣчне мое благодарности и воспоминанія! Проповедаюћи и славећи я добродѣтели и име твое, славимъ самога Бога, кои е изворъ и первѣйше начало свакога добра и благодати!

У Сесвегену,
1788.

ДРАЖАЙШІЙ, ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Вѣтаръ смо имали поспѣшанъ, но одвѣхъ крепакъ за изићи изъ великога Смирнайскога пристаништа. Тартана Идріотска была е среднѣ величине, новоустроена и здрава, но одвѣхъ обременѣна; ербо осимъ обычнаго товара у стварма, наоѣасмо се ту около 50 персона пасажира, одъ коихъ половина е была жена и деце, кои сви прелазаху у Мореу. Пошли смо съ мѣста пре подне; око вечернѣ доба были смо већ у широкомъ мору; кадъ ти се подигне такова силна бура, да нисмо се нимало надали одъ потоплѣнія избѣѣи. Такове вриске жена и деце небы радъ већ у животу чути. Мой другъ Максимъ и я, нисмо о себи ни мыслити могли, сматраюћи на страхъ и жалость родителя о дечицы нѣовой; и да нѣ корабаль весма якъ быо, и корабленицы искуснѣйши люди, мучно бы се спасли. У зору престане и бура, и капетанъ озгоръ повиче намъ веселымъ гласомъ: „*Небойте се, нѣ выше опасности!*“ Тада сви, еданъ на другога наслонѣни, поспимо као полу мртви. Сутра данъ наѣмо се у едномъ великомъ но пустомъ пристаништу острова Митилине. Сви изиѣмо на брегъ, и срадуемо се еданъ другомъ о благополучномъ избавленію, као да смо една єдина фамилія. Ко бы могао описати ону чувствителну срца радость матера къ чадамъ своимъ! Рекао бы да су изъ мртвы воскреснули. Не губите времена! викне капетанъ; ту се лучше руча него у тартани; ручайте, пакъ ѣмо съ Богомъ путовати. Данъ е великій вторникъ, но сви смо имали различ-

ны морски посны припаса, попржены сипа, охтапода, острія, и вина довольно: ту сви у общте ручамо, и напіємо се како годъ да е воскресенія данъ, и треій часъ по подне съ тихимъ вѣтромъ дигнемо се, и на великій четвртакъ стигнемо у Навилеонъ; гди наѣмо друштво за Патру; наймимо и мы две мазге, и по суву доѣмо у Коринѣ. Сиѣмо къ мору, насъ око 15, наймимо велику барку, коя насъ довезе у Патру на самый данъ воскресенія. Овде одпочинемо сву светлу седмицу; намери се корабаль за брегове Епира, куда мой любезный другъ желяше поћи чрезъ Іанину у Ѳесалію; а мени бы одатле ласно было превести се у Корѣ: но одавде двадесетъ цѣлы дана имали смо непрестанно противне вѣтрове; и што е горе, разболи се мой Максимъ, а на мору боловати сахра-ни господи! У све време, ништа ніе могао у стомаху држати; доѣмо у Свете Четрдесетъ, спрама Корфа, и како изиѣмо на землю, лакше му буде, и у петъ дана предигне се; но доћи къ крепости, томе се оѣ времена. Албанези неки изъ Хормова пролазећи туда и видећи га такова, сожале о нѣму; и обећаю се повести га до Аргирокастра, а одатле близо му е Іанина. Известимо се ту, кажу намъ, да съ Хормовит-цы може ко преко цѣле Албаніе проћи, да се никога не бои: али га я тако слаба, одъ себе нипошто и никако небы могао одпустити; дакле наѣу намъ две мазге, и поѣмъ и я съ нѣима; прво допратити дру-га любимога до Аргирокастра, а друго, видити часть Албаніе. Хормовита было е до 20. момака, сви съ оружіємъ пѣшице, како лавови, а мы два на мазгама. Одъ Аргирокастра до Хормова нема выше него три

сата. Други данъ ода доѣмо у реченый градъ; ода-
тле безъ найманъи комплимента, простосречно зовну
насъ да идемо у нѣову варошъ, говореѣи намъ: Мо-
ре луди сте ако не доѣте! море такога мѣста нити
сте видели на свету, нити ѣте видети! Мы имамо
башъ у край вароши еданъ манастиръ светого Нико-
ле; десетъ калуѣра могли бы у нѣму лено живити,
а немамо него еднога; еръ мы Албанези неѣмо да
се калуѣеримо; ту ѣмо васъ држати ако оѣте и три
месеца или три године, да ни наре не трошите. Ако
ли вамъ се смили, останите съ нами за живота, на-
ми ѣе тако мило быти, колико да васъ е Богъ съ не-
ба къ нами послао. Видите ли какви смо мы момѣы!
(све намъ ово првый одъ нѣи грчки беседи) оваковы
насъ има у Хормову до две иляде, осимъ стары; ви-
ди ѣте ту одъ осамдесетъ година старце, кои иду
узъ гору подъ оружіемъ пѣваюѣи. Разиѣу се сви по
граду за свои послы. Нашъ квартиръ близу школе;
одемо посѣтити Учителя, именовъ Елефтерія; честно-
га мирскога човека съ женомъ и съ фамиліомъ. Ка-
жемо му, съ кимъ смо дошли, и како насъ позивлю
къ себи; но мы се побоявамо у вилаетъ далеко къ не-
познанымъ людма пуштати се; и овай намъ потврди
о нѣима то исто што смо пре чули. Айде дакле у име
Божіе, баремъ да са свимъ здрава любезнога мога
видимъ, и да се здрави растанемо.

Сутра данъ попнемо се на високе Хормовитске
планине; наѣмо прекрасну велику варошъ одъ седамъ
стотина домова, све камена зданія како кастели; са-
мо у вароши има око 50 извора, кои на край варо-
ши саставляю малену рѣку; ова башъ кодъ Манасти-

ра спушта се у преужасно дубоку стрмину съ таковымъ хукомъ, да самъ мыслію, ту човекъ никадъ до века не заспа! А по томъ самъ познао, да се нигде на свету лепше не спава. Спаваюћи чинити се да си на небу, и да ту пріятнѣйшу некакву музику слушаешь! Ти люди као да су насъ чакъ изъ Смирне ту дозволи да насъ часте! Прве старешине све по реду; а лако имъ е частити; ако се мрси, а онъ заколъ изъ свога стада овна, полакъ испече, а одъ друге половине начини две три пите съ скорупомъ; вина свакъ има у подруму, еръ га нема коме продавати; ако ли се пости, одъ рибе ту поста нема, пошлѣ два момка сатъ ода у долину, гди између планина велика рѣка тече, пуна пастрма и различни други преслаткога вкуса риба; за варенѣ ту нећеду да знаду, нити за чорбу море: зейтина преизряднога имаю до изобилія; зато и рибу или пржену еду, или съ питама, кое у постъ овако праве: обаре зелѣ, изcede изъ нѣга воду, разложе га съ питомъ у тепси, успу зейтина безъ штеднѣ, пакъ онда разређаю рибу озгорѣ, и тако се испече съ питомъ заедно у предивнога мириса зейтину; пакъ онда некъ се слободно предъ овакомъ питомъ сакрію талианске паштете и инглеске пудинге! Ко бы радъ знати, како се то куша? како ли се у усти топи? и какову пріятность у гортану, туда пролазећи, причинява? то неће изъ овога описанія ни одъ стотине одну часть познати. Ко ово приими за велерѣчіе, врло се вара, еръ пріятность, кою толико хвалимъ, не состои се у готовленю, него у природной сласти рибе, зеля и зейтина. Десетъ дана по нашемъ пришествію, старешине мѣста опредѣле

послати некога попа Ђику у Приметъ и у друга неколика мѣста къ некимъ Албанезскимъ Агама, ради обшти свои дѣла; ербо Хормовити имаю свое договоре и союзе съ многи поглавары и Пашама у Епиру и у Албаніи. Запросимъ, да ми дозволе съ попомъ Ђикомъ поћи, за прегледати мѣста куда онъ има пролазити. Море калуђеру да поѣшъ, тако ми Бога, имашъ шта гледати! одговори ми Дима Дука, еданъ одъ првы старешина. Реченый Свештеникъ, за четири или петъ дана, могао е свршити посао, и вратити се; но мени за атаръ, ходіо е овай човекъ самномъ равно петнайстъ дана, по такови мѣсты, гди су Хормовитски союзници и пріятельи. Свуда одъ Турака и Хрістіана Албанеза еднако смо были примани и чашѣни, и одъ мѣста до мѣста праћени. Попъ Ђика и два Хормовита съ нѣимъ были су, како валя, наоружани; но и тако гди гди бывало е сумнѣ, да се не намеримо на веће число Хормовитски и нѣовы союзника непріятеля; зато у таковы мѣсты давали су намъ по неколико момака съ оружіемъ за пратню. 15-тый данъ доѣмо дома, и наѣмъ мога друга весела, здрава и румена; но онъ се мени почне ругати, да самъ одъ сунца поцрнію: нека самъ, речемъ му я, кадъ самъ видію, што у момъ животу нисамъ мыслію видити! И заисто доста самъ одао, али таковы великолѣпны и божіе красоте мѣста нигде нисамъ видію. Блаженство се некаково чувствуе, само мыслити на онакова дивна мѣста; како бы дакле было, ту живити, да су нарави оны людій питоме, и да међу нѣима закони, правда и просвештенъ разумъ царствую и нѣима управляю? Непонятно и ужаено помыслити!

Докле ће онакови прекрасни, хитри, и храбри народи, и у онаки мѣсты, само за незнанѣ и слепоту ума, у варварству и у дивячеству нарава пребивати, и еданѣ другога, за багателу како истогѣ зеца съ пушкомѣ у чело или у срце погађати? Мени небы противно было, рече ми мой другѣ, єдну годину овде провести; и я ѣу съ тобомѣ, одговоримѣ я; навласти-то да бы чрезѣ тебе кѣ већемѣ савршенству Еллинскога єзика достигао. Дай руку! На! А кадѣ ово нашимѣ Хормовитцемѣ обзнанимо, срдечно се обрадуо; при томѣ кадѣ имѣ јоште кажемо, да мы благодаримо на нѣовой любви и доброты: али за луду лебѣ єсти, то нѣе право; него нека долазе кѣ нами десетѣ деце, да се што одѣ насѣ поуче, будући да ми за другій посао нисмо. Добро, одговори Дима Дука, кадѣ сте вы таки, и мы ѣемо знати, како ѣемо васѣ отпустити, кадѣ одѣ насѣ поѣете. У то исто време чуе се по свой Албаній, да є Стефанѣ малый съ Црногорцы Турке, кои су на нѣи пошли были, разбіо; и много се о нѣму говораше и казиваше. Проѣе то лето, и све се то выше о Стефану маломѣ почнутуда гласови разносити. Я самѣ већѣ могао доста добро албанезски говорити; нѣовѣ є єзыкѣ простѣ, и за то ласно се дає научити; а съ нашимѣ словима пише се, колико да су за нѣга начинѣна, и тако свакій данѣ бы писао по кои разговорѣ, и на изустѣ изучіо; томе се Албанези чуѣяху и радоваху, видећи што никадѣ пре тога нису видли, да се и нѣовѣ єзыкѣ тако лепо дає писати. (Я самѣ, на близо две године после тога, у Венеціи познао некога Попа Теодора, учителя Мосхополскога, кои є и на штампѣ из-

дао быо нешто албанезски съ грчкимъ словима; али съ овима не може се ни треѣа часть тако писати као са славенскимъ, зашто у Грка нема слова за изговарати жа, ча, ша, и ѣа, а ово е све неотложно, за албанезскій како годъ и за славенскій, нужно.) Ово прилажемъ овде за то, ако се по случаю ко нађе да прорече, да ѣе съ временомъ албанезскій како годъ и влашкій народъ съ славенскимъ словима кнѣига на свомъ имати езику. Таковый, човеческому роду доброжелательный прорицатель, нека се ни мало не бои, но нека слободно то пожелателно обште добро предсказуе и прориче! Стварь е то такова, коя се природно и ласно испословати може, и оѣе, кадъ се Богъ смилуе на ону храбру націю, и на оне прекрасне землѣ. Како е мени мило было, одъ исты Албанеза чути ди говоре: *Ко Србѣомъ облада, тога ѣемо и мы за нашега владѣтеля признаши; зашто србски краљи и наши су были.* Не далеко одъ Хормова наоде се нека прекрасна поля, коя Албанези не зову другоаче него: *Лепажѣша.* Пытамъ ѣи я, шта то значи? Не знамо, кажу ми; то е име поля; а кадъ имъ я то изясни, казуюѣи имъ да е србска речъ; *море калуѣеру!* одговоре ми; *не чуди се ты шоме: мы смо са Срблѣи еданъ родъ и племе у старо време были!* При почетку месеца Сентемвра запросе ме старешине Хормовитске, да имъ оправимъ неко дѣло не далеко одъ Корфа, о коемъ дѣлу морао самъ се бавити найманъ четири месеца. Поѣемъ драговольно; допрате ме двоица до Светы Четрдесетъ; они се врате дома, а я поѣемъ на мой посао, съ уговоромъ, да кадъ имъ пишемъ изъ Корфа, да доѣу узети ме.

За едно писмо, Любимый мой! мыслимъ да е
веѣь доста написано; ако ли се Вами выше него до-
ста учини, изъ тога желимъ, да ништа друго не за-
ключавате, него да сте Вы срцу моме весма драги,
кадъ Вамъ я толико пишемъ.

У Риги 3-гъ Августа,

1788.

ДРАЖАЙШІЙ, ЛЮБИМІЙ МОЙ!

Полазеѣи изъ Хормова казао самъ моему другу, кадъ
ми буде писати, да управи писмо на Антоніа Шнаву-
на у Корфъ, будуѣи да самъ я туда имао и проѣи и
повратити се. По петмесечному отсутствію доѣемъ у
Корфъ, и наѣемъ ту два писма, коя ме весма оскорбе.
Прво одъ Максима, гди ми дае на знанъ, да на три ме-
сеца по нашемъ растанку зачну се велике смутнѣ у
Албаніи измеѣу помѣстны Паша, у коя неотложно и
Хормовите морали су се замъшати; да онъ, видеѣи
сву прилику злы слѣдствіа, пре него се оганъ ме-
ѣусобне войне ужеже, одпуштень е быо и одираѣень до
Іанине, за преѣи у свое (по свой прилицы у подобнимъ
обстоятелствама) отечество. Совѣтуе ме и заклинь
вѣрный другъ, да нипошто не прелазимъ у Турску зе-
млю пре него се миръ заключи, и докъ не видимъ исте
Хормовите у Корфу; ербо Делфинскій Паша, чрезъ кога

владѣніе треба прећи, сложио се в съ другима. Второ писмо было в попа Ђике одъ стране Хормовита, кои ми то исто являю. Назначую ми, на кога да имъ управимъ писмо на Іанину; веле ми, да причекамъ у Корфу кои мѣсець, докъ се види што ће быти; и ако се по томъ небы хотео къ нѣма повратити, да ће ми послати мою торбу съ кнѣигама, кое су ми онде остале были. Садъ ми в већъ было у Корфу, како годъ да самъ у Банату; нити ми се в грчкій ѣзикъ чиніо одвећъ ситанъ, него башъ како валя за беседити съ Музама и Граціама. Нама' се познамъ съ єднимъ, око седамъ година старіимъ одъ мене, но у Еллинскимъ ѣзику и у наукама совршенимъ учителѣмъ, зовомымъ Андреємъ Петрицополомъ. Явимъ му желю мою, да бы весма радъ быо, у време мога ту бавлѣня слушати при нѣму изяснѣнія филологическа Ритора и Поета грчки. Овай добрый и благій мужъ, не само съ великомъ пріятности и любви, то што я просимъ, дозволи ми, него као да смо се одъ створенія света познавали и любили, моли ме јоште, да дођемъ узети и квартиръ башъ при нѣговой соби у школскимъ домовима, при цркви светого Іоана Крстителя; да смо свагда заєдно, и кадъ годъ време узима, да ми и приватне лекціе дає. Учини ме познати се са своимъ добрымъ пріятелѣмъ латинскога и італіанскога ѣзика учителѣмъ, Попомъ Хрисанѣомъ Закинѣійскимъ; при коємъ начнемъ (опетъ после Загреба) учити се латинской Граматики, кою онъ чрезъ таліанскій ѣзикъ у обште-градской школы предаваше, и классическе латинске списателѣ толковаше. Овде дакле, имао самъ се о чемъ полезно упражнявати, да ми

є слабо Албанія и на умъ долазила; но выше изъ са-
мога любопытства разпитивао самъ, што се тамо дѣ-
ла, одъ куда све смутніи и гори долазау гласови.
Таково є бѣдно станъ землѣ безъ разумнога правле-
нія; гди свакій Паша оѣе да є Царъ! Одпишемъ Хор-
мовитомъ о дѣлу, што су ми наложили были, и ка-
жемъ имъ, да я већъ у такове немирне землѣ не
желимъ никада доћи. При момъ добромъ и срдачномъ
Андріи пребудемъ годину и месецъ; и правда да ка-
ко онъ, тако и учитель Хрисанѣъ, а и мой стари прі-
ятель Антоніе Ерцеговацъ, слабо су ме пуштали, да
кадъ у трактеру ручамъ, позивлюћи ме къ себи на тре-
незу; но опетъ колико толико трошію самъ и самъ по
нешто, и доѣе већъ време, да видимъ мою кесу готово
изпразнити се; но размышляваюћи, да самъ съ помоћю
Бога выше получію, него самъ мыслію и надао се; чини-
ломи се да самъ топрвѣ богатъ постаю. Кажемъ Ан-
дріи моме, да намѣравамъ поћи у Далмацію; него да
поѣемо распытати за кои корабаль. То є найлакше, ре-
че ми; поѣемо пытати, и чуемо да проведиторъ Цефало-
ніотскій, благородный Венеціанъ, полази дома са сво-
іомъ фамиліомъ. Корабаль на полакъ празанъ; погодимо
се съ капетаномъ за три цекина, да ме одвезе у Венецію.
Кадъ дамъ ова три, остаю ми іоште само петъ. У
Венеціи треба стаяти на лазарету 21. данъ; ту се
троши. Одатле до Далмаціе требую баремъ одъ све
неволѣ три. Небы радъ казивати, да самъ у теско-
би, а боимъ се да после горе не буде! Али шта не-
ће нужда измыслити? Полазећи изъ Смирне даю самъ
быю начинити єдну горню альину одъ фине инглеске
чоє. Майсторъ ми є начини одвећъ и дугачку и ши-

року. Ову самъ све потезао са собомъ, а нисамъ е ни еданъ редъ обукао; у Корфу има трговаца, кои носе таке альине, а и Андрија такове носаше. Кажемъ му, да онде, кудъ я полазимъ нѣе обичай таке альине носити; стои ме око 40. піастра, а я бы е дао за 20 или за 15. до 20. Рече ми онъ: купићу е я; обуче е, таманъ како валя; радостанъ као да му се нешто весело случило, тай часъ изброи новце, а альину фалећи, и говорећи да бы у Корфу 50. піастрій коштовала, метне у сандукъ. Андрија мой, съ учительмъ Хрисанѡмъ, и съ честопоменутиымъ Антоніемъ у слогѣ, спреме ми толико провизіона, да бы четворицы довольно за 10. дана было. Еданъ великачакъ подъ локотомъ сандукъ пунъ само бискота; два велика сепета съ различнымъ стварма, и 20 бутеля вина. Дође данъ растанка! Ласно себи свакъ може представити, какавъ е растанакъ, за никада се већъ не видѣти, съ таковимъ сладкимъ душама, съ коима бы се за блаженство вменявало, савъ животъ овде на земљи провести! Али бы тешко моіой души было! да самъ са свимъ Корфъ оставію, неспоменувши Матеръ Андрину и две сестре нѣгове. Нѣгова родителница да ме е родила, небы ми могла боля ни милостивія быти. Она бы мы често рекла: „Сынъ мой има и други пріятеля, но таку любовъ какову къ теби има, я нисамъ видла у животу момъ! Старія сестра одъ две године за добрымъ и вреднымъ мужемъ, у кога бы морали сваке неделѣ по еданъ редъ сви заедно частити се. Млађа у 14-ой години возраста; имађаше и два брата наймлађа у фамиліи. Небесни Ангели да се покажу у човеческомъ виду,

заисто небы се могли ни лепшии ни болши показати одъ ове миле и предраге фамиліе. Наймлађему у све мое време ту, я самъ давао лекціе; зашто Андрія чрезмѣрно милуюћи га, дете не мараше толико за лекціе; а я, кадъ бы му е задао, само то бы му рекао: чуешъ Георгаћи! ако ми до то доба лекцію не научишъ, нити ми выше долази у мою собу, нити ћу я къ вами доћи! (ово е претня, кою и до данасъ моимъ ученикомъ чинимъ.) Никада ми то дете ніе безъ изучене лекціе дошло. Али самъ га и я умео лепо варати, даюћи му изъ почетка малене лекціе, а кадъ детешце добые вкусъ, научи у два три месеца око петъ или шесть листа наизустъ, за тимъ обикне, буде му много лакше, и само ми почне искати повеће лекціе; свако вече фалећи се зету, сестрама, и матери, шта га е научіо. Они бы се чинили, као да му не вѣрую, а онъ бы имъ на ма на изустъ очитао, за тимъ бы имъ толковао, и кое су части слова и сложеніе рассказивао. Често бы му се зетъ и сестре заклињале, да му вѣрую да зна, само да њи се прође! Како е ласно и пріятно учити, кадъ се лепо и разумно предае! Нити е муке учителю нити ученикомъ: но сохрани Боже одъ замршена и безпоредачна предаваня! Природно е мрзко и отвратително човеческой души то, што е замршено, тамно и одвећъ трудно. Напротивъ, пріятно јой се чини, мило и сладко све што е чисто, ясно, разумително, и чиновно расположено. Не валя ни оно што се Корфа каса прећутати: да како самъ ту дошао изъ Албаніе, желіо самъ поћи и устмено благодарити Старицы Игуманіи на доброты показаной ми, при момъ првомъ долазку

у тай островъ; алъ се она већъ была преставила;
Богъ іой дао вѣчно блаженство!

Корабаль за Венецію была е велика Нава одъ
линіе. Кромѣ проведитора, нѣгове госпође и служи-
теля, наођаху се ту іоште четири Официра съ жена-
ма и децомъ, кои на истый начинъ у Венецію иђа-
ху. Ёдва смо 17 тый данъ къ Венеціи дошли, има-
юћи по вышой части, или слабъ или противанъ вѣ-
таръ; ништа манъ време нѣ се дуго чинило при та-
ковомъ лепомъ дружству. У Корфу познао самъ се
быо съ еднимъ младымъ, веселе и благе нарави Све-
штеникомъ, именовъ Даниломъ Мораитцемъ, коме
кадъ кажемъ да љу у Далмаціи пребивати годину или
две, рече ми, да бы и онъ радъ за неко време изъ
Корфа изићи. Мое предложеніе да пође самномъ у
Далмацію, едва дочека. Живили смо у крайной любави
свагда за две године неразлучени. У Венеціан-
скомъ лазарету, ту се сврши мой бискотъ, и на дну
сандука нађемъ ону исту мою альину, кою самъ у
Корфу моме Андріи продао, и у овой писмо, у коему
се извинява и проси проштентъ, што ме е тако пре-
варіо. Зовемъ Данила, и речемъ му, да гледа и ви-
ди, ако не вѣруе! Шта љу гледати? нѣта ме; май-
сторію и хитрость Андрину, одговоримъ: купію альи-
ну и платію, пакъ е сакріо на дно сандука подъ би-
скотъ, као да е украо одъ некога! Зато међеръ онъ
мени наручаваше, да сандукъ не оставлямъ отворентъ,
догодъ не потрошимъ савъ бистокъ, зашто морнари
краду како сотоне! Я самъ по томъ слао неке дарке
нѣму; али то за ништа не држимъ спрама овой хи-
трости, коя се управъ може назвати грчке любави и

дружства хитрость. Онъ ни тренуће ока ніе штудирао ни мыслію, него како я изреко, да ми та аљина не-треба, и да бы е за полу цѣне продао, на ма аки бы за дуго о томъ домышљавао се: што ћешъ е другомъ продавати, кадъ ћу е я купити? ево ти новцы! Благородна душа! лепо, прекрасно, сладко срце Андрие мога! Да е богатъ бую, нека бы тако поступао! но онъ поштено и лепо живяше, али съ своимъ трудомъ; нити имађаше за разметанъ. Я му мою потребу ни еднимъ словомъ нисамъ открио; но паче дрзновенно самъ му толико крaтъ казивао, да до Далмаціе довольно имамъ, а онде самъ дома! (у копіяма овы писама о штампи иишта нестои; но садъ издавајући ии на типъ, гди што придодаемъ.) Или е заръ нѣгова сладчайша, небесна душа предвидила, да ће се то дѣло на 20. година за тимъ штампи и вѣчномъ спомену предавати? Но како е онъ могао знати, даћу я за толико живити; ово блаженство дочекати; ову сладку утѣху имати; и таково благородно, дружеске любви дѣло, кое бы у Персіяну или у Татарину съ сладости срца на велику човеческу похвалу описивао, одъ Андре любимога мени истомъ показано и сотворено, описати, проповедати, и блаженой вѣчности предати и посветити? Света добродѣтели! Божественна, вѣрне дружбе и пріятельства любви! кога сте вы рода и племена? кадъ вы такова чувствованя у нами побуђавате! тако силно у прсима нашимъ дѣйствуете! И колико већма време живота нашего пролази и изчезава, толико се вы болѣ и већма помлађуете, процветавате, разплођавате, у саму, саму вѣчность коренъ свое углублявате и разпростирете, и превыше самы

небесны высина стабла, граи и благородне врхове
свое дижете и узвышавате! Сласти! тѣлесна угодія
и воспріятія! богатства, славе, и величества! кадъ
веѣ премину и кадъ ѿ нестане, есу ли икада ка-
дра оваке за собомъ оставляти слѣди? Ево нѣковы
чалѣны слѣдїи: яо и уви! Суета суетаа! и ништа
него суета! Сиромѣ и бѣдный човечакъ на божіой зе-
мљи мора онай быти, кои, кадъ се обазре за собомъ,
нема ништа друго видити него суете! Ехъ камо пу-
ста младость! гди су віна, паштете и печеня! Ала е
яданъ човекъ ништа на свету него магла, сѣнь и су-
ета! Мора овако мыслити, и говорити, кои непознае
и не чувствуе у себи моралну и духовну часть себе.
Може ли се при читавой памети реѣи, да е онай жи-
вію, кои у све време живота нити е душу свою ни
Бога познао! *Ихъ же Богъ чрево и слава въ срамошѣ
ихъ.* Никада ѿ нико небы тако лепо описао као Апо-
столь. Прекрасный мой Андрїа Петрицополось Корфі-
оть, любеѣи добродѣтель, Марїину е онъ часть из-
брао, коя му се довека неѣ узети! Добро е онъ знао,
што е радїю! И ако онъ нїе предвидїю, да ѣе се ова-
ко о нѣму и нѣговомъ дѣлу на двадесеть година по-
сле писати и штампати, али е онъ добро и предвидїю
и предпознавао, оно, што е безчисленократно веѣе и
болѣ одъ овога; а то естъ оно, што е вѣчный и бла-
женный творацъ уготовао, обеѣао и одредїю благополу-
чнымъ одъ синова човеческихъ, кои любе Бога и до-
бродѣтель. Славеѣи я Андрїю мога, добродѣтель сла-
вимъ, кое се похвала, честь и слава къ самоме Оцу
небесному относи, зашто е онъ самъ по естеству ко-

решъ, начало и изворъ свакога добра и сваке чисте и вѣрне любви.

Изъ Венеціе преѣмъ съ Даніиломъ другомъ моимъ у Задаръ, првый и поглавитый градъ у Далмаціи. Мени е познато было, да овде има довольно Србаля Офицѣра и Трговаца, и да самъ се съ коимъ годъ одъ нѣихъ познавао, може быти да бы ме ту задржали: али я природно страшливъ и стидливъ, никада нисамъ могао себе препоручивати, и у познанство другихъ утискивати се и наметати. Зато ти я поитамъ у она моя блажена села и поля, гди самъ веѣтъ добро познать, и гди безъ найманьи, ни съ єдне ни съ друге стране церемонисаня, комплиментираня и у милость препоручиваня єдва ћемо се дочекати. У Котари негде око Надина, намѣра ме намери на некогъ Спиридона Торбицу, Драговићанина: айде крашаный, рече ми, самномъ у Плавно! Ты знашъ какво е оно лепо и здраво мѣсто; онде самъ ти я съ нашимъ Мелетіємъ Протосинѣломъ на капеланіи; кућа црковна има за школу; тако ми леба и соли, што смо заєдно ели, оћемо стаяти онде како Наше! Добро, речемъ му, докъ сте вы двоица онде; али ты добро знашъ, да се ви често променюете; пакъ ако после дођу какве кавгаціе на мѣсто, и узишту да ми игуманишу и заповѣдаю, а мени тога нѣ фала Богу, нужда трпѣти? Шта! мы отићи докъ си ты онде? Нипошто Обѣхамъ се и дамъ руку. Пролазећи поѣмъ на Косово, поздравити попа Аврама Симића съ фамиліомъ, кое съ великомъ радости наѣмъ еве у здравлю. У Кнѣинскомъ полю нисамъ те радости имао, еръ мой любимый протопопъ Новаковићъ тешко боловаше. На неколико недѣля зовне ме изъ

Плавна, синъ нѣговъ попъ Лазаръ, да му доѣмъ на погребъ; гди самъ му изговоріо, како самъ лепше могао, похвално надгребно слово. Онаковомъ добродѣтелномъ мужу, ласно е было вѣнацъ похвале саставити, еръ савъ путъ живота нѣгова было е покривенъ съ цвећемъ благонравія и добродѣтели. Стоѣћи у Плавну, у сва три Далмаціе манастира и у друга различна села и вароши на црковне празнике позивали су ме проповѣди говорити. То е мени врло ласно было, еръ самъ довольно на то потребны књи́га, како на грчкомъ тако и на талианскомъ езику имао. На друго лето, оно исто што самъ я предрекао збуде се; дигну изъ Плавна речене капелане, а на нѣово мѣсто дођу неки, съ којима ми нѣе было мирно. Ђдва то Скрадиняни дочекаю, и зовну ме къ себи за проповѣдника. Овоме самъ радіи быю, ради мога друга Дани́ла, зашто е онъ деликатнѣга стомаха него я, и у селу нѣе наученъ быю живити; а у граду, павластити при мору, како што е Скрадинъ, лепше се живи. Кад онде доѣмъ, наѣмъ нечаянна препятствія. Бискупъ латинскій, благородный Венеціанинъ, супротиви се моме, ту, подъ тимъ именомъ пребиваю, зато, што нисамъ Венеціанскій поданикъ; нити оѣу на то да се подпишемъ. Одавде одемъ опетъ у Венецію къ Аѣиму Жарковиѣу, првому одъ наши трговаца у Скрадину, кон е пре мене отишао быю, за искати одъ Сената дозволенъ, да ми е слободно кою годину ту пребивати, подъ реченымъ именомъ, и као капеланъ. У Венеціи се дѣла брзо не свршиваю. Одемъ у Задаръ чекати конацъ. Овде су већъ были чули за мое проповѣди по Далмаціи, и за мое дѣло у Венеціи, запросе ме да имъ у неделю

проповѣдъ речемъ, и кадъ учинимъ, смили се то некимъ Официрима Црногорцима и Сарайліама, торговцима. Учине ми предложенъ, да се обеѣамъ остати при нѣима, ако не дуже, за годину. Я се тога не одречемъ, но съ изятіемъ, ако Скрадиняни не получе дозволенъ, да ме могу имати, и будући да се оно не допусти, тако останемъ у Задру, гди доѣе къ мени и мой Даніилъ, и пребудемо ту цѣлу годину. У Скрадину найжаліе ми є было разстати се съ єднымъ торговцемъ, Маркомъ Параскевомъ, кои ми є велику любовъ и доброту показивао; и съ прекрасне науке Докторомъ у медіцини, Господиномъ Леонардомъ Вордони, родомъ Гркомъ изъ Корфа. Ова двоица были су главна причина, да самъ у Скрадину желію кою годину провести, наипаче зато, што ми се реченый Докторъ обеѣао быо, лекціе у математикѣ предавати. У Задру колонель Майна, Капетанъ Юво Грблянинъ, конте Зорзи Габо изъ Кандіе, Госпоѣа Анна Рапсоманиѣа и мой любимый Лазаръ Славуєвиѣ Мостаранинъ, съ своимъ другомъ Симатомъ, и прочи куицы Сарайліе, сви су ми ови тако добри и мили были, да ми ніе могуѣе словомъ нѣіову благость и доброту описати. По свршетку године, предрагій мой Даніилъ Морайтскій поврати се у Корфъ, отечество свое, а я преѣемъ у Тріестъ, и одавде у нашъ славный царствующи градъ Бечъ. Што самъ овде радіо, то ѣу Вамъ у слѣдуюѣемъ явити писму.

У Класену у Курландіи,

Авг. 28. 1788.

ПРЕЛЮБИМЫЙ И ДРАЖАЙШИЙ ГОСПОДИНЕ!

Кадъ у Бечъ доѣмъ, нигде никога не познаю-
ћи, немецки нимало не знаюћи, поѣмъ къ грчкомъ
капелану, Попу Анѣиму, изкажемъ одъ кудъ идемъ,
и зачимъ, и да бы желію, ако бы се могло кою го-
дину у Бечу пребывати, и чему полезномъ поучити
се, докъ самъ іошть младъ. Овай ме любезно прими,
новѣдаюћи ми да е и самъ у младости, безъ роди-
теля и убогъ будући, доста странствовао и намучіо се
за постигнути Еллински списателя и езика познанство.
Онъ имаѣше свой квартиръ у дому єднога одъ пр-
вы у Бечу, међу Грцы, трговаца, именовъ Николая
Димитрія Стойчо; кога запроси дозволити му, да ме
прими при себи на квартиръ. Не само обиталиште, од-
говори благій и добрый Господаръ, него и трапезу съ
нама некъ има, докъ се овде позна и намѣсти. Об-
надежди ме попъ Анѣимъ, да не само кою годину,
него и савъ животъ могу у Бечу провести, ако узи-
мамъ волю и усрдіе, лекціе еллински предавати. Та-
да се ту наоѣше єданъ искусанъ у томе учитель,
но преко разлога винопія и спавачъ; слѣдовательно
дошао си, вели ми, у наиболъ време, башъ као да
си знао. При томъ обзнани ми, да се у Бечу наоди
нашъ Архієпископъ Іоанъ, и да е нужно, пре него
се у какво упустимъ дѣло да му се явимъ. То е
найлакше, отговоримъ, и тай истый данъ отидемъ и
прикажемъ се нѣговимъ млађимъ. Ови за изиграти
свою комедію, сутра данъ, равно у дванаестый часъ,
кадъ знаду да е Митрополить одъ сви прочи 23 часа

найлюбіи на свакога, за кога не мари да му у то време дође. И што е најгоре! реку ми, да га дочекамъ башъ у сали, гди є трапеза намѣштена. Удари 12 сатій, чуемъ гди заповеди митрополитъ: ело на асталъ, и изиђе у салу. А кадъ и мене ту опази, чисто се упропасти и ужасне; ко є оно опетъ садъ овде? ко га є звао! Каже му протосинѣлъ нѣговъ, ко самъ одъ кудъ самъ дошао, и да бы радъ у Бечу пребивати. Таке вике и исовке у момъ животу нисамъ поднео ни претрпію. Иди кудъ ти драго и чини што ти драго. Заръ ты мыслишъ, да я немамъ другога посла у Бечу, него дасамъ тебе ради овде дошао? И тако ти ме отера. Изиђемъ изъ саале и изъ Марієнхилфа безъ обзира; улѣземъ у градъ и нађемъ мое домаћине іоште при ручку, кои се здраво изсмею чуюћи мое приключеніе. То є добро, рече ми Господаръ Стойчо, садъ си безъ бриге и ты и мы. По обѣду одведе ме и прикаже Конзиліару Филиппиду, даде ме записати гди надлежи, ко самъ, да ћу ту, и ради чега пребивати. За два три месеца сакупи ти се къ мени около 12. ученика; одъ свакога имао самъ на месецъ по дукатъ. То є мени довольно было. Уземъ и за се два учителя, єднога за французскій а другога за латинскій єзикъ. У овимъ мени драгимъ и сладкимъ упражнѣніяма проведемъ у Бечу око седамъ година. Треће године и лекціє самъ на французскомъ предавао єзику, наодећи се трговаца, кои су предпочитовали мене, другима болымъ одъ мене, зато што самъ имъ я могао грчкимъ предавати діалектомъ и кнѣиге толковати; кое Французи небы могли. Тако и талиански различне самъ обучавао. И ова предаваня одъ велике су ми ползе бивала, не само за

плаћу, кою самъ зато получавао, но много болше, што самъ себе у све то веће искуство и савршенство у реченимъ езицима доводио. Мой последній у Французскомъ езику учитель быо е (на велику мою ползу, човекъ, преизреднога, у читаню кнѣига, вкуса и познанства. Овай ми даде познати избранѣйше, не само Французске, но и съ енглезскога на овай езыкъ преведене кнѣиге. У исто време слушаюћи одъ латинскога учителя Логику и Метафизику, одъ тога времена читанѣ кнѣига стало ми е бивати и много пріятніе и полезніе, будући у станю о предметима читаюћимъ судити, нити свашто, тако како е написано примити. Чрезъ обхожденіе и разговоре съ достойнѣйшимъ прекрасны наука, пространнѣйшега искуства и вѣжества, честнѣйшегъ житія и непорочнѣйши нарава, у исто време доброхотна и любезна срца мужемъ, Господиномъ Аѳанасіемъ Секерешомъ, много самъ се ползовао; будући е ово и до данасъ моя начална и владичествуюћа страсть и похоть, болѣ и ученіе одъ мене люде съ крайнѣимъ услажденіемъ и вниманіемъ слушати, и одъ нѣихъ се ползовати. Съ славнымъ, у націи нашої, Генераломъ Микашиновићемъ и съ нѣговомъ Госпођомъ (съ коима самъ и едно путешествіе у Хорватску и Славонію къ топлимъ не далеко одъ Пакраца водама учиніо) многе самъ веселе и блажене дне провео; даюћи при нѣима двема прекраснимъ Господичнама, Мартицы Продановића и Екатерины Сапланцаи на Французскомъ езику лекціе. Могу слободно рећи, ово (кое знамъ да ће ми свако чувствително и благородно срце посведочити и потврдити) да неисказано благополучіе и чувствител-

нѣйше услажденіе живота мога у овоме се состояло: ко ми се е годъ показивао да ме радо има, я већъ нимало не сумняюћи, да онъ мене совершенно нелюби, умирао самъ за нѣимъ, и чиними се да животъ мой престао бы ми пріятанъ и сладакъ быти, кадъ бы я икада могао престати, оне, кои су ме радо имали, любити. Нити бы я две крайцаре за мой животъ дао, кадъ небы више имао, о комъ мислећи радовати се и услађавати. У овомъ пункту нека ми нико не дође зановетати, да самъ я простакаъ быю, и да самъ се варао по тому што хитри люди вредни су показивати, да радо имаю онога, башъ за кога не маре, и притварати се да мрзе на онога, кога у срцу весма любе. Ове су речи ништа и за ништа! Чинесе као да на нешто звече, а са свимъ ни найманъ што не значе: зато, што е ово изванъ, и противъ натуре, и одъ стотине, едва ће се у едномъ случити случаю, и кадъ се случи, мора быти, Богъ зна за какова обстоятелства, за неволю и силомъ; а то што не иде одъ срца, него изъ усиляваня и притворности, то ће свакаъ ласно познати, ванъ да е сасвимъ цепаница; а такови фала Богу, међу людма едва ће се наћи одъ десетъ иляда еданъ. Умѣрене умности и разума човекъ, природно већма мрзи и отвращава се одъ они, кои се чине да га любе, не любећи га. Валя знати, да е мое овде говоренъ за такове люде, кои лене и мирне склонности имаю, и добро како себи тако и другима желе; а о противнима, то естъ, лукавствомъ и злобомъ покваренима, овде ніе ни слова, и одъ оваковы самъ се я на свакій начинъ клонію и отуђавао. Ласно може ко помислити, какву самъ я тайну имао, множество

оваковы добры людій наодити, и себе у нѣово благоволеніе унѣдрити? Никаква тайна на свету! но простымъ природнымъ путемъ ту самъ долазіо. Людій добры и благи свуда има множество; само да човекъ са свое стране гледа да е поштенъ, некористолюбивъ, добаръ и разуманъ, и слѣдуюћи овимъ качествама да се съ людма влада; пакъ онда умѣрено добри нѣму ѣе бити са свимъ добри. Како самъ я у себи увѣранъ быо, да мои пріятельи нису ме ради ни у чемъ увредити, тако самъ се и самъ одъ тога свагда чуввао; а ово ми е ласно было, зашто самъ познавао, да ми е найполезніе. За нѣове и нѣовы други пріятеля тайне нимало нисамъ маріо знати, и ово нѣе ми ни длаке мучно было, еръ спокойство ерца и внутренню духа тишину весма желећи и любећи, на любопитства, подозрителства, и на интриге мрзіо самъ како годъ на отровъ. Узямъ што искати никада нисамъ потребе имао, разве пре две прошедше године, кадъ самъ се изъ Инглitere повратіо, прво, што нисамъ имао съ чимъ предиздану кнѣжицу са свимъ изплатити; друго, нисамъ имао съ чимъ до Беча доћи; и ово што самъ узайміо, пре самъ съ великимъ, као на великомъ дару, благодареніемъ, повратити могао него ли самъ обећао. Никомъ живу нисамъ се наме-тао, нити самъ могао, ни времена имао онде долазити, гди ме не желе. У дужности преко силе мое нисамъ се увозіо; а што самъ могао и подватіо се, то самъ радо и вѣрно испуњавао.

Шестъ полезны и радостны година проѣу ми у Бечу како шестъ дана. Умѣрено живећи нисамъ никада узрока имао боловати. Непрестанно у пріятномъ

упражненію, или другима лекціє предаваюћи или свое учећи, само у неделю и на празнике учинили бы ми се дни као да су подугачки. По моме сложенію и начину мышления морао самъ, у таковомъ прекрасномъ граду као што є Бечъ, благополучанъ быти; дѣла моя и дужности радо и весело испуњаваюћи чинило ми се, да самъ у совершенѣйшей независимости и слободи; нить самъ кому есапъ давао, нить одъ кога узимао. Савъ градъ Бечъ чинію ми се мой, ерѣ самъ могао по нѣму шпацірати, колико самъ годъ хотео. Аугартенъ, Прадербъ, све шуме наоколо и ливаде по између нѣи были су у моіой власти; сваке неделѣ и праздника могао самъ по нѣима на све четири стране ходити, колико ми драго. Сви славун у Аугартену у пролеће, и кадѣ бы я самъ ту быю, пѣвали бы колико да су найвећа господа у нѣму. Шенбрунъ, наши прославлѣны и велики Цесара и Цесарица предивна летня обыхалишта! и у нѣму лабиринтоовидне неисказане красоте башче и равни! Белведере! безсмертнога Принца Евгенія дворови и сади, све є то было мени отворено! Предградія сва око Беча, и вертогради, были велике Господе или грађана, гди є годъ слободно было улазити, ту ми нико нѣ смео стати на путь! За она пакъ мѣста, гди нѣ дозвољно было улазити, нимало нисамъ марію, колико да їи нема на свету, нити бы я ту ушао, да ме ко куми! кодъ толики други лепши мѣста. Нека ми нико не баца преко носа, да самъ по вышой части пѣшице одію; занто ово є много болѣ за ме было, ради многи узрѣка; но ова два коя їу казати, стотине вреде. Прво, што є за здравлѣ много полезніє, пѣшице одити, него у колы;

а шта е болѣ на свету одъ здравля? Друго, ко е у колесы, ако ће быти праа да се загуши, онъ мора онымъ путемъ ићи, кудъ остала кола иду, ако му се и неће; друга се произређаю по сто една за другима, да се не виде одъ пра; кои су годъ онда у колесы, пуне имъ се не само очи, уши и альине правомъ, него и носови и уста, зашто мораю дисати и отдисати. Пакъ ако најпредня кола стадоше, сва за њима ако ће ии иљада быти, ту валя да стоє, гди су се нашла, и незнајући ни за колико ће ту стаяти. Они су све то принуђени трпити, а я не! зашто я и проче мое друштво пешацы, (има насъ доста чала Богу) нами е лакше и обколити, и преко прећи, и гди годъ видимо ладъ или одъ кућа или одъ дрва, или ако ће и одъ плотова, а мы на ма у ладъ, пакъ идемо лепо господски по ладу. Ко невиди, да е ово и полезне и лепше? Али, рећи ћешъ ми, кадъ е блато и киша? А заръ я теби не могу рећи, а кадъ се у твои колы осовина сломіе? Я те молимъ нека свашта не споминѣмо! Ко се кише и блата бои, некъ се не рађа на овай светъ; то му се све пре каже, некъ не рече после, да ніе знао. Имао бы се јоштъ съ многима стварма фалити, као на примѣръ, да самъ слободно могао у свы вишеречены мѣсты прве и најлепше Бечке госпође, колико самъ годъ хотео, гледати, и нико, за обадва своя ува! зато небы ми смео речъ рећи! али ово некъ стои, само љу јоштъ едно казати, пакъ љу овай періодъ заключити. Редутъ Бечкій, кои е оглашенъ на свету, комедіе, опере талианске, музике, Царске Библиотеке, све ове веселе и полезне за-

баве и наслађеня, могао самъ уживати, и уживао самъ, како годъ еданъ одъ велике господе.

Садъ рецы любимый мой! но по души и совести рецы! Нисамъ ли я у оно шесть година у Бечу благополучанъ быо? Но како све овога света тече и пролази, тако и нѣма дође време те прођу. Али ии я не жалимъ, за две причине: прво, што и до данасъ споминюћи ии радуемъ се и веселим; еръ, „То значи два редъ живити, кадъ може и прежњимъ услађавати се животомъ.“ А второ, што е јошъ лепше, болъ и слађе, да у то време што самъ знао, другима самъ предавао; што какъ нисамъ знао, одъ други самъ примао и учію. А ово е свагда была врховнѣйша намѣра и свагдашній нишанъ мога по свету ходаня, кое неки, изъ нѣове високе милости, скитанѣмъ називати удостојаваю. Што самъ я кривъ, што они неће овако да суде: да безъ посла одити, то се зове скитанѣ, (ако оће бити само по едномъ селу) а съ посломъ одити, то люди паметни другояче зову. Ако ли су ти исти, дома седећи, себе и друге болъ ползовали, я имъ то честитамъ, и заисто не завидимъ; но и съ мое стране, имамъ зашто, благому небеснога Оца промыслу, докъ самъ годъ живъ благодарити, што ме е сироту, безъ очина и материна совѣта и пристараня доведе наставію и довео; и знамъ, да ће ме и до конца временога водити живота; и помоћи ми, да свагда, вѣчнымъ, нѣговомъ премудрости предписанымъ правилама слѣдуюћи, поступаю и живимъ.

Седме године у Бечу пребываня усудимъ се већ и у немецкога ѣзика увести ученѣ. Кадъ у трећій овога мога предпріятія месецъ, дође у Бечъ нашъ

Архієпископъ Викентіе Іовановићъ Видакъ. Овай Господинъ не само съ милостивымъ, но іошъ съ любезнымъ къ мени начиномъ са свимъ ме присвои къ себи, предложи ми, да поѣмъ у Модру къ нѣговимъ двома синовцемъ, Ђоми и Павлу, предавати имъ французски и талиански за годину, обећаваюћи ми зато, да ће ме, на годину, или найдалъ на две за тимъ, съ нѣима заедно о свомъ трошку у Германію у коиhibудъ університетъ послати, а по томъ и путъ еданъ у Францію, Инглитеру и Італію учинити. Кадъ я чуемъ за Германію, и прочая, обећао бы се служити му не годину или две, но толико година, колико в светый Патріархъ Іаковъ за прекрасну Рахилу Лавану тасту своје служіо. Доѣмъ у Модру, и ту самъ, не само младимъ Видакомъ но и прочимъ Митрополитовимъ питомцима лекціе на вышепоменутимъ езицыма предавао, и съ нѣима заедно у школу, Баумайстерову філософію слушати, одлазіо, а одъ Коректора на немецкомъ приватне уроке узимао. У дому єднога благородна господина, првога у граду, зовома Такача, весма самъ любезно примлѣнъ бывао, и често у леномъ дружеству съ офицеры и господомъ частію се; и при нѣму самъ се съ прелюбезнымъ моимъ Ритмайстеромъ Бешинеомъ познао; съ коимъ самъ у селу близо Модре, гди є онъ на штаціи быо, често по неколико дана проводіо. По свршетку овде године, преѣмъ съ мои младићи у Карловце. Одавде поѣмъ, по двадесетъ година отсутствія, у Банатъ посѣтити сроднике мое, поклонити се гробовима родителя мои, и цѣливати мени свету землю, у коима нѣюве почиваю кости. У Бечкереку по случаю доѣмъ

у домъ едного благообразнаго господара, именовъ
Філипа Селяковића, кои ми се каже, да е ближній
сродникъ оца родителнице мое Круне. Овай пречестный старый, кои бы и туђина радо причекао, како е мене приміо и угостио, то сваки Србинъ може себи ласно представить. У Итебею пођемъ искати сестру матере мое Евру, но не нађемъ е, еръ се давно была преставила. Попъ Давидъ, уякъ мой, пође самомъ у друштво. У миломъ Семартону, предрагом селу, и месту рођеня сладке родителнице мое отидемъ на ма' къ цркви съ попомъ Радуломъ, порохомъ села, кога самъ іоште у дѣтињству ту познавао. Овай ми покаже гробъ матере мое и миле Юле сестрице! Мати! Мати! и рођена сестрица! какова су то чудна имена! и садъ ми ово пишући изъ самога срца извиру сузе, и наводняваюћи очи мое едва ми даю писати. Паднемъ на ону пречестну землю, излюбимъ ю и сузами њи оросимъ. Молимъ Свештеника, да зове кога, да ми помогне разкопати землю, да видимъ кости богинъ мое! чрез кою ме е Богъ на светъ произвео. Но онъ ми каже, да я всеу то желимъ! да за толико година ту су и други многи соплеменицы стари и млади погребени; и ко ће кости одъ костію разазнати? Кадъ ово чуемъ, и чрезъ излитіе суза себе облакшамъ, дођемъ къ себи и помыслимъ: Боже мой! како смо ми люди свагда къ земљи прилепљени! На мѣсто што бы подизали умъ нашъ къ безсмртнимъ любезныхъ нашихъ душама, ми иштемо кости нѣіове; кое се мораю съ другимъ подобнимъ костима помешати, изгубити, и наипосле чрезъ ститине година у ништа обратити. Ево на кои су начинъ постала сва обоженія и поклоненія мошчїю и икона.

Гореѣа и срдечна любовъ и високопочитаніе, само едан коракляй потребуе за обратити се у любимогъ и високопочитаємогъ предмета обоженіе. Овимъ природним и краткимъ путемъ долазили су люди къ идолослуженію и къ свимъ суевѣріямъ, кадъ годъ просвештенъ разумъ съ нѣма ніе управляо. Зато толика старость и вика за гроблѣ и гробнице! Шта е човеческо тѣло безъ словесне и разумне душе, коя га оживлява, и у нѣму мысли? Ништа него смрадна альина, опредѣлена за црве, за трулость и за уништоженіе, было на кои му му драго начинъ. Ова размышляня тада ми се топрвѣ представе, кадъ сву надежду изгубимъ, останке Круне мое и Юле наѣи. Онда ми падне на умъ и разговоръ премудрогъ Сократа пре смрти свое. Овай добродѣтельный и божественый человекъ, одъ свои граѣана неправедно осуѣенъ, да отровомъ убіенъ буде, зашыта га нѣговъ любимый Критонъ, како, и гди жели да га саране? Тада се онъ окрене къ прочима, кои ту быяху, и рече: како худо мой Критонъ о мени умствуе! мыслеѣи, да почемъ я отровъ исцїемъ, и остане ово тѣло ту пружено и бездушно, да ѣу и тада я овай истый быти, кои садъ съ вама беседимъ. Неѣе веѣъ оно, Критоне мой! Сократъ быти! но само альина нѣгова излишна, и ни нашто непотребна; закопай е гди оѣешъ, и предай землю земли, закопай е само дубоко у землю, да тамо иструне, и да воздухъ смрадомъ своимъ не труе. Сократа ты укупати неѣешъ! Простите, (самъ у себи попогледавши къ небу и мыслеѣи речемъ) О вы моме срцу свете, божествене и сладке душе! Простите слабость и неразуміе мое! зашто васъ иштемъ я у земли, знаюѣи да су

праведне душе у рукама божіима? Ђдва принудимъ честнога Свештеника Радула, да узме неку багателу одъ мене за споменути ѿи на служби. Я бы нѣи и безъ тога споменуо, рече ми добрый Свештеникъ, али да Богъ да, да и моя душа буде гди су нѣіове. Преноѣимъ у дому Уяка мои, Павла и Ђуке, и сутра данъ поѣемъ къ Чакову.

Любимый друже мой! Я се небы усудіо комъ другомъ, кромѣ теби овако дугачко писати писмо. Нѣж-ность твоя къ мени позната ми є, и увѣранъ самъ, да ѣешъ ты башъ тако радо ово читати, како є мно-rado написано. А уздамъ се, да се не варамъ, мы-слеѣи да и другій ко, само нека представи себи свое-родителъ, пакъ онда читаюѣи ово, неѣе за безместно судити, што я овако мыслимъ, чувствуемъ и пишем, о оной, коя є после Бога Творца мога, светѣйша, че-стнѣйша и сладчайша души и срцу моему.

У Кенигсбергу,

Септ. 14. 1788.

ЛЮБИМЫЙ, ПРЕДРАГІЙ МОЙ!

„Никаква стваръ у людій нѣе посшояна;
какавъ є годъ лишѣа родъ, шакій є и людій!“
Истину овога Омирова стиха никада и нигде у жи-
воту нисамъ тако почувствовао, како, кадъ на толи-

ко година после, дођемъ у мило мѣсто рођеня мога. Упутимъ се управъ къ родителскомъ дому, пред којимъ нађемъ у глубокой старости стрица мога Грую, познамо се и поцѣлуемо: кћи стричева, кою самъ при сиси оставіо, она садъ домаћица и са синомъ великачкимъ. Пытамъ за еднога комшию, чичу Міяила, нема га, давно се преставіо! За другога съ друге стране чичу Лазу, и онъ такођеръ. Децу у неко време, и мое врстнике поизналазимъ прве у вароши, едне са синовы на женидбу, а друге съ кћерма на удаю. Дечица, којима самъ бабинъ чувао, и по томъ у наручи носіо, садъ су оцы и матере. Ето ти га, помислимъ у себи, иди садъ те се калуђери, пакъ ћешъ и ты быти човекъ на свету! Алъ оће наметно момче да се посвети, и да твори чудеса по Срему! Но већъ што му драго, што е учинѣно, то се не одчини. Я самъ већъ быо и прошао, и свакъ ће ласно погодити, да я ово выше за друге него за себе говоримъ. Пре тридесетъ година нека се нико за главу не калуђери; а кадъ му буде толико, опетъ некъ не нагли; некъ пречека јоште десетакъ, кудъ е прошло тридесетъ, некъ прође и ово десесъ, и некъ се не бои да неће проћи, прошло бы да ји е јоштъ толико. Ко се годъ опари, а не каже друштву да чорба жеже, нје добаръ за друштво, а кадъ онъ каже, после други некъ чине што имъ драго. Две ствари што самъ познао башъ у комшилуку, съ едне и друге стране родителскога дома, толико су знамените, и тако се касаю интереса цѣлога човеческога рода, да бы заиста смртный грехъ быо, да ји овде не споменемъ. Зашто, кадъ се ово могло случити башъ у момъ комшилуку, не даљ, него у пр-

ва два дома; а да шта нема далъ и далъ у вилаету. За то предлагемъ ово на разсуѣненіе Богу, и Цару и свимъ паметнимъ людма, кои маре, и коима е све то важно и велико, што се човеческога каса рода.

Речь е овде о двема женама, о коима никада не могу помислити, да чувствително мое о њима не соболъзнуе срце. Бдна е Јованка кћи чиче Лазе; ова се уда за некога, кои роди съ њомъ (не памтимъ добро) едно или двое деце, пакъ е онда остави, оде некудъ и степе се, и за неколико година нема му ни гласа ни трага. Жена јоште здрава и млада, слѣдоватално за раѣанъ людій. Пытамъ е, заръ не може другога мужа наћи? Каже ми сирота уздишући, нашла бы я давно себи мужа, али веле да црква не допушта. О люди, што васъ е годъ на свету! Докле ће се коекакви пустиника и монаха закони за цркву држати? У Цариграду и у Смирни, очима самъ моима гледао, да Црква и Патріарси за много маный узрокъ дозвољаваю женама, за другога поћи мужа. Нје ли ово управъ противъ божіе вољ, слѣдователно противъ свакога паметнога закона, забранъивати да се люди на божіи светъ плоде и раѣаю, и Бога славе и познаю. Али ако првый мужъ дође? Ако дође, томе ласно има лекарство, некъ узме себи другу, пакъ некъ е болъ чува; алъ ако не дође, какво ћешъ онда лекарство наћи? Съ друге стране Марія, чича Міаилова кћи; около тридесете године возраста, но гледајући на ню, бы се заклео ко, да јој нема выше него двадесетъ. Млада, здрава тѣломъ и разумомъ; прекрасна до удивленія; поштена и благодарна; и овой будући и трећій умрео мужъ, выше

се удати не може. За правду божію! Шта е жена крива, ако се случи, да іой три мужа умру? Шта ли мужъ, ако му три жене не живе? Ђсу ли они владѣтели живота и смрти, и могу ли другъ друга одъ смрти избавити? Али су свети оцы тако узаконили! Ти исти свети оцы, кои су то установили, были су пустиницы и калуђери, заклеті непріятельи брака и чадародія; зато да се они у туђе после нису мешали, ияду бы пута паметніе учинили. Ово е посао мирски людій, старешина и поглавара, кои су не само словомъ него самымъ дѣломъ прави свети Оцы. Ко е мени (за Богомъ) найвећій светый отацъ, разве онай, кои ме е родіо и одраніо? Да се онъ (сачувай Боже) ніе оженіо, и мене съ моіомъ сладкомъ родителницомъ да ніе зачео, мене не бы на свету было; нити бы ми миліонъ светы отаца помогло! То е све залуду, постъ и молитве децу не рађаю, него честный и светый законный бракъ, еръ тако оће Богъ, и тако мора бити во вѣки вѣковъ, а не иначе. У почетку овога писма рекао самъ, да смо мы люди, као лишће; у пролеће се рађамо, а у есенъ зрелости спадамо. Ово се дакле не говори толико за Марію и Іованку; и оне ће у мало времена увенути и преминути; али е праведно постарати се за будуће родове. Ово исто случава ће се и у напредакъ многима и многима; пакъ люди и браћо! зашто да синови и кћери, и унуцы ваши страдаю, да уздишу, и да су злополучни, у чему нимало су криви? Я самъ о овомъ послу, како годъ овде пишемъ, покойномъ Митрополиту Викентію говорію; ево што ми е одговоріо: *Я знамъ да е шо тако; али нека они ошвѣтъ Богу даю,*

кои су то тако узаконили; *мы садъ морамо слепо држаши.* А која ће полза бити онима што страдају, одъ тога, што ће други ответъ Богу давати? И зашто? за кои узрокъ и нужду слепо држати едну стваръ, кадъ се већ позна да е безъ разлога и слепа? Знаме да ће ми на ма кои намргођеный меланколикусъ и тврдоустъ рећи: *што се тако кодъ насъ нашло, иакъ тако народъ оће да то сшои.* Но зна се и ово, да тешко ономъ обществу, гди се никакво исправленіе не уведе, догодъ не соизволе и неусхоћеду, и касани, и бакали, и т. д.! Зашто свако общество има свое поглаваре и управителъ, разве да њи слуша, и да имъ се повинуетъ? Ко не зна, право е да се да упутити и научити одъ онога, кои зна; а гди ово не бива, ту морају ствари ићи наопако. На примѣръ, стара баба, која већ ніе за рађанъ деце, некъ се не удае ни првый редъ, некамо ли трећій и четвртый? А човекъ и жена јоште при младости и снаги, кои могу чада рађати и ранити, а несрећни су были у три брака, безъ сваке њіове кривице; зашто да не могу и у четвртый, (и ако по несрећи буде потреба) и у петый ступити? Намъбра и конацъ брака мора бити чадородіе и воспитаніе, и кадъ годъ за овај конацъ бива, онъ е по божіемъ закону и уредби. Безпосленъ и лудъ, остави жену своју младу и здраву, оде, изгуби се, и нема му ни гласа ни трага! Зашто да жена стои шесть година за луду? Она бы ласно за толико времена троє дечице имала; и рада њи е имати, доити и ранити. Зашто дакле ова створеня светъ божій да не виде? Човекъ паметанъ ни овцу ни краву ялову за толико неће држати, не камо ли

жену свою. Но сохрани Боже робства, или немоћи! ово има свой узрокъ.

Изъ Чакова вратимъ се у Карловце, за чекати долазакъ Митрополитовъ изъ Беча, (гди е позвать было ради Вршачке смутнѣ) у надежди, како дође, да ће насъ оправити у Германію. Дође Архіепископъ, и я пођемъ съ братомъ нѣговимъ Г. Инспекторомъ Трифуномъ у Даль къ нѣму; али се нашъ путъ опетъ отложи, ради смутня, кое се у Германіи тада Баваріе ради догоди; и тако проведемъ другу годину у Карловцы. По берби винограда отправе насъ у Пожунъ, гди заедно съ млады Видацы десетъ месецій пребудемъ. Они постигну доста добро французски и талиански, а я већъ умѣрено могахъ немецки говорити. Међутимъ постане совршеный миръ у Германіи, ништа манѣ, о вышереченомъ путу нико не мысли. Пишемъ Митрополиту о томъ, и наипосле явимъ му, да е већъ доста три године, и да выше нећу чекати. Ни одговора. Чудна е стварь, кадъ слабый има съ съ якимъ погодбу! зашто еданъ чини што оће, а другій принуђенъ е трпити. Ове три године были су ми найнепріятніе у животу; и срећа моя, што су, мой Оома и Павле сасвимъ добри были, кое самъ совршено любіо како и они мене; а безъ тога іоштъ бы ми горе было. При томъ, добро за ме што самъ, како у Модри, тако и у Пожуну гдикогоъ ученика имао, те нисамъ сасвимъ остао быо безъ новца. Тада самъ весма жаліо на Архіепископа; но на неколико месецій за тимъ познао самъ, да е много болъ учиніо не испунивши обећанъ; еръ будући науміо скоро преставити се, да насъ е послао быо тамо, бы се у

великой заплетки нашли, неимаючи одъ кога вексле чекати. Моя надежда, поћи у Германію и далъ, за садъ утиша се, но не изкорени. Я самъ већъ дугимъ опытомъ познао, да валя, да се добро чувамъ, да не наумимъ кудъ поћи; еръ ако науми, одо, самъ незнамъ како! Пређемъ у Трстъ. Овде господа Конти Войновићи и прочи господари трговцы запытаю ме, бы ли хотео ту кою годину децу учити. Радо и весело за петъ стотина форинтій на годину, одговоримъ; више, ако оћею, могу ми дати колико имъ драго, узеху; али не манъ за главу. Обнадежде ме да толико могу имати. Међутимъ за некій политическій узрокъ реку ми да се пођемъ проодати по Венеціи, и у 15. дана да се вратимъ, и да ће све быти готово. Одемъ; а кадъ се вратимъ, нађемъ посао горе него кадъ самъ пошао. Каже ми мой Харалампіе, будући да се ніе могао успѣхъ у некомъ надѣемомъ предпріятію имати, више ми се неможе дати одъ триста ф. то значи: 500 манъ 200. Зафалимъ и одкажемъ. Я добро знамъ, да има таковы мѣста, гди могу имати 500 съ више 200, зашто бы дакле узимао съ манъ? Али ево неволъ, нема се съ чимъ дотле доћи.

Одъ кадъ е Триестъ на свомъ мѣсту, у болъ време за ме ніе у нѣга могао доћи Господинъ Варлама, Рускій Архіандритъ, съ намѣромъ поћи у Италию. Обећава ми платити да пођемъ съ нѣимъ, и да га поучимъ талиански. Не иштемъ никакве плаће, обећамъ се быти съ нѣимъ сву зиму, само изъ Ливорна да ме отпрати на пролеће у Цариградъ, гди знамъ да се французски и талиански езикъ (навластито кадъ и

ко съ грчкимъ уме предавати езикомъ) добро плаћаю
Незнамъ, одъ насъ двоице, ко е себи за већу срећу
држао: онъ ли, што се е ту, у таковимъ моимъ за-
мршенимъ обстоятелствама, на ме намѣрио! Заисто,
да смо се за дуго распытивали и тражили, бољ не
бы се могли напытати и наћи. Влашки е знао како
правый Молдованъ, зашто е у той провинціи изъ де-
тиньсва до савршенога возраста живіо; и ту е у про-
шастой войны Русіи лепе учиніо заслуге; и зато, одъ
велике Екашерине многоцѣнный на плаветной пантльи-
ки крстъ и господску пензію за живота получіо.
Што кажемъ да е влашки знао, чрезъ то даемъ зна-
ти, да е у таліянскомъ езiku на по пута быо. На ма-
у Триесту почнемо, онъ мене частити, а я нѣга учи-
ти. У овакомъ лепомъ послу проведемо ту цѣлый бо-
жиный постъ; и таковъ лепъ постъ небы се човеку
за дуга живота омразіо. По божићу у Венеціи кар-
невалъ; луди бы были, кадъ бы у Триесту стая-
ли! Айде у Венецію. Да намъ е и ту лепо было, то
свакъ зна, да му се и не каже. Четвртакъ прве не-
делъ поста укрцамо се у кнѣгоносну лађу за Боло-
ню; сила божія музиканта и комедіанта, мужкога и
женскога рода и племена. Преко данъ, лепо време,
такове музике и пояня, ванъ да опеть ту. Око неко
доба ноћи пођемо крозъ широкій каналъ; кадъ ти ту
нападе на насъ такова страховита бура, да нико ніе
већъ мисліо главе на суво изнети. Те музике опеть!
и тога пѣнія! ко ніе чуо, некъ не жели чути. Да
насъ срећомъ яка не одржа лађа, мышлясмо се сви
заєдно утопити као мишеви; съ овакимъ дружествомъ
утѣи, то се зове Харону рећи *мацъ!* Свима самъ

сутра данъ рекао: чуйте браћо и сестрице! кадъ овде шкапуласмо, заисто оћемо јоштъ кои данъ поживлѣти. Одавде све изъ канала у каналъ, на Ферару до Болонѣ. У овомъ предивномъ мѣсту и граду задржимо се до воскресенія латинскогъ. Што е годъ достојно было видети, како у граду тако и наоколо, све смо видели. Кадъ бы све хтео описивати, какovy смо се неизказаны и неописаны красота нагледали у Болонѣи, Флоренціи, у Пистой, у Луки, у Пизи; и просто у свемъ ономъ земномъ у Итали раю, велика бы се књига хотела. Преко високи Апенински гора, и крозъ именовате градове предивне Тосканске државе, друге неделъ на наше Воскресеніе дођемо у Ливорно, гди одпразнуемо не три дни него равно три неделъ дана. Већъ пролеће тихо и лепо, за мореплаваніе најлепше, но нами се мучно растати; али што мора бити, то валя да буде. Нађе се корабаль за островъ Хиосъ. Мой любимый Архимандритъ Варлаамъ плати за ме капетану, за превозъ и препитаніе до тога острова; и башъ излазећи изъ корабля, гди ме е допратіо быо, метне ми у цепъ пруслука самъ своіомъ рукомъ, 12 венетски цекина.

Капетанъ корабля Дубровничанинъ, поштено ме е и господски држао. Овай имаюћи свои дѣла, у различна се мѣста навраћао како у Корсику, у по томъ землѣтресеніемъ разореный градъ Мисину у Сицили. Прођемо и покрай горе Етне гди цѣлу едну ноћъ нисамъ хтео лећи, за нагледати се онога чудеснога видѣнія. 21-вый данъ одъ Ливорна угледамо островъ Хиосъ, и тай данъ улѣземо у пристаниште града. Да самъ хтео, могао бы тай часъ у други корабаль пре-

ѣи за Цариградъ, но увѣраваюѣи ме капетанъ, да се ту свакій данъ може пригода за то мѣсто наѣи, намыслимъ остати овде кои данъ, за прегледати тай предивный островъ. И будуѣи да противъ свакога намѣренія и чаянія, на мѣсто десетакъ дана случи ми се пребывати ту равно толико месецій, а зашто се то случило, и што самъ у то време чинію? наодеѣи достойно Вашего любопытства, и подугачка описанія, заключавамъ ово писмо пребываюѣи и пр.

У Берлину Септ. 30.
1788.

ЛЮБИМѢЙШІЙ И ДРАЖАЙШІЙ МОЙ!

У Граду Хію, узмемъ на 10 дана подъ кирію одну собу у Іерусалимскомъ метоху башъ при мору, и наймимъ сутра данъ момка, да ме води по острову. Овде како се изиѣе изъ града, на ма починю велике башче пуне лимунова и поморанчій, съ прекрасны савиданы, и различне бое мрамора украшены домовы. Рекао бы ко, наодеѣи се овде, не да е у Турскога владѣнія острову, него у средъ Тоскане. Граѣани Хіотцы, кои су почти сви купцы богати, имаю свое башче, и у нѣима лепше домове него у граду. Казивали су ми, да само одъ лимуна и поморанчій, полъ миліона піястрій има овай островъ доодка, кое свуда съ корабљи, а найвише у Цариградъ разшилю. Цѣлый островъ дакле, кромѣ са стране высоки камениты планина, представля се, као чрезвычайне ширине градъ,

пунъ съ велики камены зидовы окружены садова, и у нѣима кастела, у коима одъ месеца Марта до Новембера фамиліе живе. Овде е найвећа зима као кодъ насъ у Банату другда у Октомбру. У лето ту за шесть месецій нема кише, и врућина бы была врло велика, да свакій данъ морски вѣтрови не разлађую воздухъ. На онима, лимуна и поморанча дрвима, чрезъ сву годину види се цвеће съ зеленымъ и сазрелымъ плодомъ. Свака башча има свой бунаръ съ преизобилномъ водомъ; рекао бы, да у свой той земљи, на неколико фатій дубльине, ништа нѣе него вода, кою, свако ютро и вече чрезъ малене каналиће крозъ сву башчу навраћаю и дрва напаяваю. Воду извлаче на чекркъ; вежу мазги очи, да не види што чини, запрегну е и потераю; ова како ти пође, све иде и путуе, мыслећи ко зна куда, а не зна да се све на едномъ мѣсту око бунара окреће.

Свакъ може себи ласно вообразити, како е одъ Марта до конца Новембра по овомъ острову ходити! Мирисъ такови плодова и цвећа, да бы чисто помыслио ко, да е у раю. У почетку Юнія дошао самъ овде, петый данъ за тимъ дођу гласови, да у Цариграду куга мори. Иди га садъ у Цариградъ! помислимъ у себи. Но ништа не маримъ, у добромъ самъ мѣсту: свуда Грцы наипаче имући, любе Музе и странне ези-ке, само валя дати имъ се познати. Пытамъ домаћина Архімандрита Іерусалимца, какове се школе и учителя у мѣсту наоде? Овай ми каже да су ту две школы, у коима се Еллински предае, и да у лето учителя предаю у свои домови садовними; одъ коихъ е еданъ близу града. Сутра данъ пођемъ къ

ближньому; представимъ му у каквой се сметнѣи на-
одимъ, не смеючи у Цариградъ на кугу насртати; и
да бы радо докъ она тамо престане, талиански и фран-
цуски лекціе, кадъ бы имао коме, предавао, само да
могу свой трошакъ добивати. Не само трошакъ но и
пробытакъ можешъ имати, одговори ми учитель: ме-
ни ћешъ првомъ французски предавати, а знамъ да и
одъ мои ученика има ћешъ неколико за талианскій
езикъ, кои є трговцыма весма нужданъ. Рече ми да
останемъ съ нѣмъ обѣдовати, и међутимъ докъ онъ
сврши предаванъ лекція, да се или съ коіомъ кнѣи-
гомъ забавлямъ, или поѣмъ по башчи одати. Наѣмъ
при нѣму єдногъ свештеника изъ вароши, у Елин-
скомъ весма искусна, съ овимъ поѣмъ у садъ; гди
ходаючи и разговараючи се покаже ми се човекъ лю-
безанъ и благопріятанъ. Зовну на обѣдъ; мой новыи
познаникъ, Попъ Аганіе, поѣе у комшилукъ къ єдномъ
одъ првы трговаца, на обѣдъ, а я останемъ съ учи-
телѣмъ. При ручку сазнамъ, да овай словесный мужъ
доста добро латински разумева, и у своіой библиоте-
ки избранѣйше на овомъ езику снисатель има. Обра-
дує се кадъ га увѣримъ, да разумѣваючи латин-
ски, у шесть месецій получиће совершенно разу-
мѣніе французскога, будући є овай діалектъ онога.
За толико времена, рече ми, извѣстно ты ћешъ мо-
рати овде пребывати, ерѣ кадъ годъ кужный поморъ
касно у лето у Цариграду почне, чрезъ сву зиму че-
сто не престає. Докъ се мы овде разговарамо, п-
вишеименоватый Попъ Аганіе оправи ми другій лешъ
посао. Онъ є съ таковымъ усрдіємъ о мени овомъ
купцу беседію, да човекъ обећа не само за свога най-

млађега одъ седамъ синова плаћати ми, но савыше у свомъ дому, у саду и у граду, докъ самъ годъ у Хію, квартиръ и трапезу давати. Зовну насъ на кафу, и ту се познамъ съ моимъ будућимъ домаћиномъ, честнымъ старцемъ одъ 74. године, іоште при снаги и здравлю, зовомымъ Миссе Маноли Стратинетрокино. Пренесемъ мое ствари изъ метоха; слѣдуюћій данъ преда ми учитель, зовомый Николай Аргентіосъ, свои 12. ученика, за обучавати їи у таліанскомъ, и онъ почне французски. У овомъ предивномъ острову пребудемъ до конца идућегъ Февруарія у великомъ задовольству; прегледамъ цѣлый островъ и богатый царскій манастиръ, зовомый Неа Мони, и у нѣму древну грчки рукописны кнѣига библіотеку. Мои ученицы получе одъ мене све што су желили, а я добыемъ око 60. дуката. Іоште у Децембру получимъ извѣстіе, да е куга у Цариграду престала; али за већу ползу мои ученика, и за дочекати лепшій за мс-реплаваниѣ путъ, изостанемъ повыше. Последнѣгъ Февруара поздравимъ мое добре пріятелъ, ученога медика Господина Скилицы; старога Инглеза Самуела Брецибридчъ, кои одъ много година ту живляше, любимого попа Агапія; учителя Г. Николая Аргентіа, и провогъ Марта пређемъ у корабаль за Цариградъ. Неваля премучати, да Хіотцы имаю на najlepшемъ мѣсту предградія при мору, преизрядноустроенный шпиталь съ широкимъ садомъ за 50. болны, страны или домаћи. По далъ одъ града велика зданія за лазаретъ, и око по милъ далъ, другій шпиталь, зовомый светогга Лазара за прокажене.

Путуюћи къ Цариграду было самъ у лепомъ друж-
ству трговаца Хіотски. Спрама острова Мармаре ду-
не якъ, нама противанъ вѣтаръ, и задржи насъ у
ѣдномъ маленомъ пристаништу овога острова 15. да-
на; едва се одавде отиснемо, и съ великомъ мукомъ
дођемо у Константиновъ градъ. Квартиръ самъ у Ва-
леде хану съ Хіотски торговцы имао, не далеко одъ
С. Софіе и царевы дворова. Мои Хіотцы водили су ме
свуда по Цариграду, по мору и по суву, али ко ће
ту ужасну величину града обићи! Познамъ се у Па-
тріаршіи. Протосингелъ патріаршескій рече ми, да
причекамъ докъ прође цветна и велика неделя, и да
ће ме по воскресенію съ таковимъ двема или трима
фамиліяма упознати и при нѣима намѣстити, да ћу
моћи на годину найманъ иляду піястрій имати. У Пе-
ру и Галату мало кои данъ нисамъ прелазію, и ту
самъ се приказао Цесарскоме Министру. Кадъ ти ве-
лике неделъ, почне се по граду разглашавати куга.
Смуше се мои Хіотцы, и неки почну се спремати да
бѣже у Хіосъ, а я ти онда бѣжи у Перу; но и овде
што ћу? Сви се дворови елчійски позатвараю, кудъ
се годъ окренешъ, страхъ и ужасъ! Аратосъ речемъ,
Цариграда, и колико е годъ у нѣму иляда пара, пія-
стра и русія! Ако ме гди куга заквачи и счепа, што
ће ми онда піястре помоћи! Она нимало за шалу не-
зна, нити ће марити што я іоштъ нисамъ Паризъ ни
Лондонъ видію! Наймимъ момка, да ми понесе мое
ствари до мора; ту узмемъ барку, да ме одвезе у
кои му драго корабаль за црно море; иде ли у Кримъ
или у Трапезонтъ, или ако ће и у Каквасъ, и я ћу
съ нѣимъ; само некъ нисамъ онде, гди е куга, ерѣ

съ нѣомъ за главу небы се радъ пріятельити ни па-
чати! Првый корабаль, гди запытамо кудъ иде, кажу
намъ у Галацъ у Молдавію. Запытамъ управителя,
оѣ ли ме повести, и шта ѣе искати дотле? Пенъи
се овамо, не пытай рече ми: ако дашъ найвыше за
превозъ и за рану, даѣшъ петъ или шесть піястра.
Корабаль е празанъ, само едногъ пассажира имамъ,
кои е закупио сву велику собу, и добро ми плаћа, али
ево неволъ незна човекъ ни турски, ни влашки; а мы
сви што насъ е годъ у кораблю, незнамо оно што онъ
зна! На мѣсто 10 пара, по погодби, дамъ моме бар-
каруолу што ме е тако лепо довезао, 30. Улѣземъ,
наѣмъ ту великогъ некаква прелата Польскога, кои
имаю фермане, да одкупую изъ Турске сваке године
роблъ Хрістяне одъ Турака. Овомъ кадъ кажемъ ла-
тински съ нѣимъ говореѣи, да и грчки и влашки знамъ:
ахъ кариссиме, рече ми, Богъ и мое молитве су те
овде донеле; ништа ти недамъ потрошити до Галаца
и до Яша, само да ми помажешъ съ овимъ людма бе-
седити. Овай е млаѣега свога попа съ откуплѣны
робовы оправіо быо по суву, и за убѣѣи великогъ
труда, намѣри до Молдавіе моремъ доѣи. Противни
вѣтри задрже насъ измеѣу Дарданела 20. дана. Овде
се случи, да смо предъ Капетанъ Пашу излазили, и
съ нѣимъ чрезъ Мавроіени драгомана нѣгова беседили.

Ту намъ е добро было. Одъ куге смо утекли;
ести и пити до изобилія, што намъ годъ срце заиш-
те; на едной и на другой страни брегова прекрасне
башче и домови цариградске господа; славуя сила не-
изчислима, кои намъ неусипно пѣваху. Доѣе и нашъ
вѣтаръ, изиѣемо 25. данъ Априла у ютру; тай данъ

легили смо како на орловы крилы, кадъ на ноѣ чисто се помами вѣтаръ, и море сасвимъ побесни. Ту самъ најболъ почувствовао, што ће рећи зло море и непостоянство волна и вѣтрова, кои кадъ насъ почну дизати у высину, рекао бы, одосмо живи на небо! А кадъ ти насъ почну низъ брдо терати, тога опетъ летеня и сјасета, нитъ самъ чуо ни видіо! Шта е бездна и пропасть? ништа, спрама ономъ кудъ смо мы пропадали! Ништа ніе ядніе слушати, него гди даске око насъ шкрипе, и балвани исподъ насъ ече. Чудо дивно, како се не разглаве! те бы насъ было до ушію поквашены. Ништа се ту толико не жели, него да се о какавъ каменъ у мору не лупи, еръ не бы намъ остало ни ноге. Кадъ бы се годъ пеняли узъ брдо, онда ти мой прелатъ чита брзо брзо, башъ као да се съ моремъ утркуе, а кадъ бы доле полетили, онда бы заборавіо читанъ, и стаяло бы га вика: кариссиме, одосмо, пронадосмо! Веѣъ ми е досадіо было пытаюћи, што говоре они озгоръ? Шта ће говорити? псую се, ето ти га: О безбожны люды! рекао б л латински, пакъ опетъ почне читати. Правда, да е было страовито, но ништа манъ морао самъ се неколико реди мога Прелата вики и плашњи смеяти. Около поноћи послаби мало вѣтаръ, и поутиша море, онда ти се мы почнемо инатити. Виче Прелатъ на ме, зашто се и я Богу не молимъ, него се іоште смеѣмъ. Чекай речемъ му, некъ дође лепо време; ако се и самъ своіой плашњи и вики не будешъ смеяо, некъ самъ другій! А у овакимъ обстоятелствама я за друге молитве нећу да знамъ, развѣ: Благій, премудрій создателю Боже, буди света твоя воля! Ако

допустишъ да се утопимъ, прими у милость и у отеческа твоя недра душу мою! Ниси ни то говоріо, вели ми. Молимъ га да ме се прође! што ђу а съ Богомъ говорити, заръ е Богъ као човекъ. Онъ бо-лъ види и познае, што е у срцу моме, него я истый.

Прелашъ: А ніе ли ти жао да те рибе изеду? *Я:* Шта га самъ и я риба изео, кое чудо, да и оне мене еданпутъ изеду! *Прел.:* Али су рибе за човека створене, а човекъ ніе за рибе. *Я:* Ако се овде утопимо, онда ћемо быти башъ за рибе и за морске раке. Душа моя знамъ да ніе за нѣи, то ми е доста знати; а за тѣло, та га црви изели, та рибе, мени е то све едно. *Прел.:* Какавъ си човекъ, дакле ты све ово за шалу држишъ? *Я:* Нећу ти лагати, и я се и плашимъ и боимъ; али да ми е могуће, да се башъ ни мало не боимъ, много бы больій и паметніи быю; и самъ бы себе по ияду пута выше почитовао. Ніе ли паметніе и поштеніе онде не страшити се, гди страхъ ни найманъ мрве нити ползуе нити помаже? *Прел.:* Заръ ты за смртъ ни мало не маришъ? *Я:* Маримъ те веома! А да зашто самъ изъ Цариграда побегао? али овде моя марня ништа ми не помаже. Ко се просто смрти бои, у горемъ страху валя да живи него зецъ, и ништа да не чини него да се плаши, зашто се свакій божій данъ умрети може. *Прел.:* Кариссима, ты или си лудъ, или си правый светацъ, тако мыслеѣи. *Я:* Да ми опростишъ Господине! Светацъ знамъ да нисамъ, а лудъ небы радъ быти; али овако мыслити желіо бы срцемъ и душою! Свакій, не само поштенъ офицеръ, него и найпоследній солдатъ, овако валя да мысли, ако жели да е свога зва-

нія достоянъ. А то што є нѣма поштено, зашто и нама небы было? Поѣхати мало добрый прелать, пакъ онда ми рече:

Dulcissime amice, beata illa hora, qua tu ad me venisti!

то єсть: „Сладчайшій друже, блаженъ онай часъ, кадъ си ты къ мени дошао!“ Замоли ме, да ако се како могу до канавета довуѣи, и стакло съ ракіомъ извадити. Могу то, како небы могао! рече ми да найпре нагнемъ; и у овомъ га радо послушамъ, видеѣи да ми срдечно допущта. Прекрасна ракія съ Хіотскомъ мастихомъ. Напѣ се и онъ, и я спремимъ стакло. Чисто двоинномъ оживимъ одъ пріятнѣйшегъ ликвора, за кои ни мало не маримъ развѣ кадъ самъ на мору. Не боймо се господине, речемъ му, я мою главу полажемъ, да се неѣмо утопити. Заклинѣ ме да му кажемъ, како я то знамъ! Искусствомъ, одговоримъ му, познао самъ да є море лажливо; веѣтъ ме є до садъ выше одъ десетъ редій уплашило, пакъ после престане и буде лепо, зато га се веѣтъ не боимъ, нити вѣруємъ ни нѣговой доброты ни злоѣи; при лепомъ времену чекамъ ружно, а после овога чекамъ олетъ лепо. Вѣтаръ іоште здраво дуваше, али онога првога зла ни полакъ; овако разговараюѣи се и шалеѣи заспимо, а кадъ се пробудимо по десетомъ часу, видимо прекрасный данъ, и угледамо бело море одъ смесе съ водомъ дунавскомъ, у кои после подне и улѣземо.

Узъ Дунавъ путуюѣи иде се лагано, но мирно и безбрижно, нити є другогъ страа развѣ одъ кома-

раца, а нѣхъ тада іоште не быяше: слѣдовательно дођемо мирно све частѣи се и разговараюћи, до Га-лаца. Овде, по обычаю, пођемо се приказати управителю вароши, єдномъ младомъ господину одъ првы фамилія боярски у Молдавіи, зовомомъ Балса. Овай господинъ прими насъ съ великомъ учтивости. Прелатъ нађе лепо дружество Руса и Поляка за прећи во своя, и овде се съ нѣмъ съ великомъ любви раста-немъ, ерѣ трецій данъ пође съ Богомъ. Мене реченый господинъ оправи къ брату своему у Фокшане, првомъ Снатарию, Θεодору Балси, кои ту Староста быяше, и потребу одъ учителя за сина свога имаѣаше. Овде се найпре познамъ съ Епископомъ Романскимъ, господиномъ Леономъ Ђиукомъ, кои ми є томъ великій пріятель быю. По неколико дана пођемъ съ моимъ ученикомъ у Яшъ, у домъ великогъ прин-ципскогъ Вестіарія, Господина Георгія Балси. Одъ ове благородне фамиліе прекрасно самъ издржаванъ и лепо награђенъ быю. Архіепископа Молдавскога, Господина Гавріила Калимахи, синовцемъ лекціє на французскомъ езыку предавао самъ, и одъ нѣга самъ добру плаћу имао. Мой любимый Романскій Епископъ дође зимо-вати у Яшъ; и како бы лекціє изпредавао, све самъ проче съ нѣмъ време проводію. На друго пролеће пређемъ съ ученицы мои у Романъ. Како самъ овде оно блажено пролеће и лето провео, описати ніє ми могуће. Къ есени полазе торговцы за Лайпсикъ; а я имамъ близу триста дуката! ево дакле оно желаемо време за Германію и далъ. Совѣтую ме мои добри пріятельи да останемъ іоштъ годину, и да сте-чемъ выше. Не! нипошто, ерѣ се боимъ да се неу-

сладимъ у новце и у спокойство, пакъ оста ту до гроба.

Како самъ далъ путовао, и у пожелѣна мѣста дошао, и што самъ ту радіо; за ово видите сами любимый мой, да се оѣе особито писмо. Зато, любеѣи Васъ сердечно, пребывамъ,

У Витембергу,

Октомб. 8. 1788.

ДРАЖАЙШИЙ СРДАЧНЫЙ ДРУЖЕ!

Оставляюѣи Молдавію, мой добрый пріятель, Романскій Епископъ наложи ми, кадъ доѣмъ у Саксонію, да примимъ у мое надзирательство нѣгова два младиѣа, Александра Тиуку синовца нѣгова, и Герасима Дякона, кое е быо пре мене тамо послао. Путь намъ е быо крозъ Лембергъ, Польску и Шлезію. У Бреславіи торговцы имаюѣи дѣла свога, задржимо се седамъ дана, и крозъ Лайпсикъ преѣмъ у Халу, и примимъ вышереченне младиѣе къ себи. Овде се преобучемъ у светске грешне альине, као и остали люди човече-скога чина; дамъ се записати у каталогъ Університе-та, и поѣмъ слушати филозофію, естетику, и нату-ралну еологію, у славнѣйшега у Германіи филозофа Профессора Еберхарда. Сматраюѣи у овомъ, муса и сваки божественны наука сѣдалишту, како се выше одъ хиляде млады людій уче! како непрестанно изъ

еднога у другій колегіумъ трче! како се сва прекра-
сна и благородна душевна способствія размршаваю,
просвештаваю, и у многообразнимъ знаніяма разши-
раваю и разиростиру! а срањиваюћи ова мѣста и
люде, съ прекрасномъ но бѣдномъ варварскомъ Алба-
ніомъ! съ колико дражимъ и милимъ, толико већегъ
сожалѣнія достойнимъ земляма, Србіомъ, Босномъ и
Ерцеговиномъ, уздисао самъ и често горке проливао
сузе, самъ са собомъ говорећи: кадъ ће у онимъ пре-
краснимъ земляма овака училишта бити! кадъ ће се
и она младежъ съ оваковимъ наукама напоявати!
Милліони народа! Ядни Турцы чекаю да што паметно
чую одъ дервиша! А бѣдни и удручени Хрістіани одъ
калуђера! Но шта ће имъ ови казати, кадъ нигде
ништа друго подъ небомъ незнаду, него: дай мило-
стиню! дай све што годъ имашъ, а ты умири одъ
глади, и мрзи и проклиньи све люде на свету, кои
твое вѣре и закона нису? Гледаюћи какве се овде
књиге свакій данъ саставляю, пишу и на светъ из-
даю! жалость нападаше на мене, кадъ бы годъ по-
мыслио, како кодъ насъ вичу: дай носи књиге изъ
Руссіе! А какве књиге? За оне, коє се ту преводе
съ учены езика, саставляю и издаю на славенскомъ,
ни каталога нейма, баремъ да имъ се имена знаду.
Размышляваюћи непрестано о овима стварма споме-
немъ се јоште у Далмаціи зачете желъ и намѣре,
да є крайнѣ потребе и нужде дѣло, на обштемъ на-
родномъ езику што написати и издати. Я самъ чисто
предъ очима имао, какву су буру и метавицу на се-
бе сви они привлачили, кои су се усудили найпре и
найпре подобна представленія народу чинити; но мо-

ра се кадъ годъ ко, еданпутъ, наћи! Айде у име божіе некъ се почне. Сила се никомъ никаква не чини; нека каже ко што наоди за добро и полезно; а разумни люди и садъ и после о томъ нека суде. Знамъ да ће неразумни и невѣже псовати и ружити; неразумни ревнителѣи проклина ѣе и претити. Али съ друге стране знамъ и ово, да разумни боголюбительи, истинолюбительи и обштега добра и ползе желательи, благе душе и поштена срца люди, црковни и мірски, поче ѣе се разбуђивати, и сврху овы стварій съ већимъ проницателствомъ разговарати и разсуђавати; а ово е почетакъ къ исправлѣнію, и то што се за садъ жели. Пакъ шта ће изъ тога слѣдовати? (рећи ѣе ко) Да се опредѣленимъ на свештенство, безъ свакогъ далѣгъ оклеваня и закосѣнія науке и такове кнѣиге даю, кое читаюћи, ученіи да постаю, и да су кадри себе и народъ свой учити, на добро наставляти, и просвештавати; ево шта ѣе у име божіе слѣдовати!

Наумивши дакле што годъ издати, на пролеће пређемъ заедно съ мои младићи у Лайпсикъ, будући да ту и штампа славенска има, (гди се и за исту Русію неке кнѣиге штампаю) и Університетъ како и у Хаали. Овде на истый начинъ запишемъ се у каталогъ Університета, пођемъ у Профессора Борна слушати Фѣзику, и почнемъ издавати мало сочиненіе, о моимъ приключеніама, у коему самъ две поглавите намѣре имао. Прво: показати безполезность манастира у обштемъ, а второ, велику нужду науке, самага способнѣйшега средства, избавити люде одъ суевѣрія, и привести ихъ къ правомъ богопочитанію, къ ра-

зумномъ благочестію и къ просвѣщенной добродѣтели, чрезъ кою словесный човекъ на правый путь свога временога и вѣчнога благостоянства долази. Чрезъ „Совѣще Разума“ хотео самъ, на кратко и во обште, само почетакъ наравоучителне филозофіе дати. О овомъ забавляюћи се прођу ми кое у Халли кое у Лайпсику равно две године. Радъ самъ быо, ради млады Молдавана и трећу годину у Лайпсику заостати, но предвидѣи да ако то учинимъ, оста ћу безъ новаца, пакъ после како бы у Паризъ и Лондонъ пошао? Свагда о овы градовы читати и слушати, овы просвѣщенни народа кнѣиге у рукама имати, а нѣихъ уобште не познавати, и нѣіова поменута мѣста и градове не видити, то бы за ме толико значило, као у мраку живити. Не остае ми выще него 50 дуката; за такова мѣста мало, и ништа, али што му драго, (помыслимъ у себи) нећу я ни првый ни последний быти, кои е по Франціи и по Инглитери пѣшице одію. Мога благороднога и любимога Романскога Епископа већъ самъ о моіой намѣри предувѣдомію быо; онъ ми пише, да нѣгове питомце съ трговцы отправимъ у Молдавію; и мени на даръ пошалъ 35 дуката. Триста у друго време небы ме тако обрадовали, како су ме ови садъ. Предамъ младиће купцемъ изъ Яша, и наѣмъ преизрядна калеса, што су довезла трговце у Лайпсикъ на пазаръ, и коя празна у Франкфуртъ на Майну назадъ одлазаху; у овима іоште съ еднимъ живописцемъ Талианомъ о малой цѣни поѣмъ. Преѣмо крозь различне државе, градове и лепа мѣста Германіе, кое кадъ бы хотео подробно описивати, одвећъ бы дуго было. У дивномъ граду Франкфурту

задржимъ се съ реченымъ Таліанцемъ (кои и самъ у Паризъ иѣаше) четири дана, ходаюћи по граду и наоколо. Манхаймъ у Палатинату, и онъ насъ задржи двадни у себи; по томъ чрезъ Алсацію стигнемо у Страсбургъ, гди прегледамо университетъ и каѳедралну велику цркву, за кою кажу да є правлѣна 120 године; и ако ѣемо право рећи, выше одъ триста иляда светаца, анѣла, и различни свакояки образа и видѣнія, одъ камена као да су одъ воска изрезана, и одъ нѣи сва црква, као градъ некакавъ, одъ дна до врѣа сазидана, чудо да су є и за толико докнадили и свршили. Овде погодимо кочіяша съ каруцама башъ као интовъ (у таки се колы овуда путує) до Париза съ уговоромъ, да се сврати у неке градове, изванъ друма, како у Люневиль, Нанси и Мецъ, да ѣи видимо. Кочіяшъ нашъ кадъ доѣе да се погодимо, я самъ мысліо да є господаръ, кои слуге свое съ колесама шалъ; тако лено баше обученъ: а кадъ поѣемо, меѣеръ онъ истый съ перукомъ. Кадъ бы другда покрай коня касао, све бы му кеса паруке по леѣи скакала. Смеяо самъ се мыслећи, да овай види нашегъ бачкогъ кочіяша, ко бы се одъ нѣи другомъ веѣма чудіо? То знамъ, да бы му бачванинъ на ма онсвао кесу. Изъ Меца поѣе съ нами у дружество єдна госпоѣа Адвокаткиня, коя у цѣломъ своемъ животу ништа не піє, то єсть што се піє, ни воде, а савршено здрава и прекрасне крви и вида. Кадъ бы гди по лепы мѣсты пѣшице одили, ишла бы ова жена, као да є вѣтаръ носи, но на мѣсто пиѣа, єла чорбо-вита, зелъ, и воѣе єѣаше. Мой Таліанъ и я, ни мы нисмо хотели ништа друго пити, него шампанско ви-

но; овуда є изобилно и єфтино. Паризъ ме є задр-
жао три неделъ равно; да самъ се могао у кесу по-
уздати, бы и три путъ три месеца. И ово є ништа!
Триста година да живишъ, имашъ туда шта гледети.
Петъ дуката самъ дао само момку, кои ме є свуда
водію. Свакии божіи данъ одъ ютра до ноћи ту се
све одило; ручали бы онде, гди насъ подне затече,
а пило бы се гди се годъ ожедни. Ко бы радъ быо
знати, шта самъ овде видію, ево поглавитый узрокъ,
зашто га у томе не могу послужити. Табакъ єданъ
наштампати коштує ме 12 талира, а за овай посао
хотело бы се найманъ десетакъ табака. Дакле, ко
оће то да зна, а далеко му се чини поћи и видити,
а онъ ако не зна французски, нека научи, пакъ не-
ка купи кнѣигу, зовому описаніє Париза и Версаля,
са свима знаменитима стварма у нѣима и наоколо.
Ова кнѣига ако узкоштує два форинта, неће выпе;
то є ништа; и ту ће све наћи, што самъ годъ я ви-
дію. Краля Францускога, Лудовика шестнайстога и
предивну Кральицу, блаженнѣйшега спомена наше пре-
славне Цесарице *Маріє Терезіє* кѣерь, и ню самъ ви-
дію у Версалю. Ово не валя премучати. Новый Лу-
връ, дворови кралѣва Французски, кои є миліоне кош-
товао, и може се назвати єдно одъ седамъ чудеса на
свету. Половина овога зданія опредѣлена є за библио-
теку и за Академіє високи знаня. Ево людій на све-
ту! гди Цареви своє дворове кнѣигама, мудрости и
наукама даю и посвећую! и себи за високу вменяваю
славу, съ мусама заєдно обитавати. Некъ изиђе садъ
ко, да ми каже, шта я нисамъ видію! Како ми є муч-
но было изъ Париза поћи! Али што бу, нужда є твр-

ѣа одъ челика; каквы бы прекрасны кнѣига ту могао накуновати! Чиними се да самъ ту првый редъ за живота, на оне кнѣиге гледаюѣи, зажаліо што немамъ новаца. Одъ Лайпсика съ ове три неделъ у Паризу оде четрдесетъ дуката; камо гди е Лондонъ? Ніе до станя, напредъ! Намере се два поштена трговца управъ за Калее, съ коима о маломъ трошку до Инглезскога канала могахъ доѣи. У Камбрею посѣтимъ гробъ блаженога и светого Архієпископа Фенелеона, Телемахова списателя. Разговараюѣи се путемъ съ трговцы, кажемъ имъ, да я нисамъ ништа друго, не-го грчкога, и таліанскога єзика учитель; да идемъ у Англию, за поучити се колико будемъ могао инглезскому єзику, и предвидѣи да ѣу ту сасвимъ остати безъ новаца, самъ се чудимъ што ѣе одъ мене быти. При томъ, да я нити самъ кадъ имао другога капитала, нити садъ имамъ, развѣ учеѣи децу добывао самъ гдишто, и съ тимъ одъ мѣста до мѣста прелазіо, и што самъ могао научіо самъ. Куражъ мой ами! одговори ми еданъ одъ нѣй; Промысао небесный, кои те до садъ ніе оставіо, неѣе ни одъ садъ. Кадъ све потрошишъ, штогодъ имашъ до последнѣгъ новца, ако меѣутимъ не наѣешъ начинъ, да можешъ ту дулъ пребывати, отиѣи ѣешъ томе и томе кунцу, моме корреспонденту, на кога ѣу ти я дати писмо, и онъ ѣе те отслати о момъ трошку у Калесъ. Овде ѣешъ годину дана у момъ пребывати дому, и моимъ двома синовомъ на таліанскомъ єзику лекціє давати. Я ѣу ти дати за годину 50 дуката и трапезу; а іоштъ то-лико можешъ одъ други заслужити; я ти за то стоимъ добаръ; пакъ на концу године има ѣешъ доволь-

но за поћи кудъ оѣшь. Зафалимъ му ердачно на овомъ утѣшителномъ совѣту, и тако безъ сваке бриге и мысли превеземъ се крозь каналъ, и Децембра 1. 1784. доѣмъ у првый Инглitere градъ Доверъ.

Ово бы писмо могло и подуже быти, али и у краткомъ, доста самъ протрчао: одъ Молдавіе до Инглitere подоста є проћи; време є већъ одпочинути. Желећи Вамъ дакле любимый мой! свако добро, остаємъ,

У Лайпсику Окт. 20.

1788.

ЛЮБИМЫЙ, ПРЕДРАГІЙ ДРУЖЕ!

Ево ме већъ, фала богу, у одавно чувеной и за дуго пожелъной Инглитери, у граду Доверу! По Франціи одећи и пролазећи, чиняше ми се на некій начинъ и земля и люди познати, єръ езикъ нѣовъ знаѣхъ, и са свакимъ могахъ говорити? а овде, нигде ни слова! Старо и младо, жена и дете, све ти то инглезки говори, нити имъ можешъ разабрати, шта ти люди мысле шта ли оѣ! Гледамъ жене, и девойке: лепа су то створеня, да ништа на свету нити є могуће видити ни помыслити! Иляду очію да самъ имао, и за иляду година небы іи се могао нагледати! Колико іи выше гледашъ, толико ти се лепше чине! Оѣшь ли да си читавъ? иди своимъ пу-

темъ, нити ѿ гледай, еръ ако диже очи и погледа, већъ не оде далъ; ту ћешъ остати до века. Та и по другимъ земляма има лепота, али су свуда, по вишой части, лепе поносите, пакъ како ѿ човекъ види да се горде, и чудеса о себи мысле, не мари за нѣи, некъ иду своимъ путемъ; алъ ево чуда овде, гди рекао бы, да оне нити маре, нити знаду да су прекрасне; него гледаю на свакога съ таковымъ природнымъ простосердачнымъ очима а у исто време, съ отворенымъ, пріятельскимъ и благохотнымъ лицемъ, башъ као да га одавно познаю. Садъ нека представи и вообрази себи ко може, како е мени морало бити, кадъ самъ се међу оваковымъ божіимъ прекраснымъ створеніемъ нашао, не могући съ нѣима ни речи проговорити! Милостивы благіи Боже, мышляхъ у себи, тешко ли су ти люди сагрешили были, кадъ си имъ толике и тако различне езике дао! То ти е нѣима нѣювъ торонъ докѣо, и пре времена на небо пенянь, као да имъ е мало земль было да по нѣойзи оде! А кадъ се већъ здраво на оне прве изсрдимъ люде, онда топрвъ почнемъ се самъ на себе срдити; гди толики живише, и живе и данасъ, безъ инглескогъ езика и кнѣига, а мени се не може живити, ако не сазнамъ шта мысле ови люди! како живе! шта ли се и у нѣювимъ наоди кнѣигама. Оћешъ Инглитеру? Ево ти е, айде садъ говори съ людма! Душа человеческа има ово у себи добро свойство, како е о чемъ ни будъ оскорбљѣна, она природно, бржеболъ тражи способно средство, како ће себе утѣшити. Изъ овога заръ узрока и мени дођу на паметь неки лени латински стихови, но нишѣшто не памтимъ, ни гди самъ

и читао, нити ко е њиовъ списатель; доста они мене утѣше; ово еу:

Non quisquam fruitur veris odoribus,

Hyblaeos latebris nec spoliat favos,

Si fronti caveat, si timeat rubos;

Armat spina rosas, mella tegunt apes.

Нико не ужива пролећне мирисе,

Изъ Хиблейски пећина не извлачи сате,

Ако чело чува и бои се купине;

Вооружава трњ ружицу, медъ бране пчеле.

О неваляло малодушіе! (помыслимъ у себи) Ако неznamъ инглески, а я самъ башъ онде гди валя, за научити; многоцѣнне ствари не купую се за малу цѣну. Еданъ младъ Свештеникъ Римокатоликъ изъ Ирландіе, кои се е у Франціи учіо, садъ иѣаше на-трагъ у свое отечество, и путъ му быяше на Лондонъ; съ овимъ поѣмъ у дружество. Предъ вече станимо се у древнѣйшемъ Англитере, на предивномъ високомъ положенію граду, зовомомъ Канторбери, за преноћити овде. Имали смо пре ноћи два часа времена, за обићи велика зданія Архіепіскопіе и великолѣпну старинску цркву; тако и по бедены града ходѣи, немогохъ се довольно нагледати, сматраюћи различно устроєнно положеніе околостоећи мѣста; и тако преиспунѣнъ внутренѣйшега чувства и удивленія дивнаго въ дѣлѣхъ своихъ Творца, у саму ноћ доѣмо на квартиръ. Како ми е пакъ было сутра данъ съ высоки мѣста, на ужасне величине, непрегледа-

Ногъ пространства, краснѣйшій и славнѣйшій на свету градъ Лондонъ гледаюћи, о овомъ не знамъ ни речи рећи. Свештеникъ Ирландезъ и я, имали смо прво сѣдалиште у великомъ инглезскомъ интову; но полазећи изъ Канторбера, дао самъ мое мѣсто другомъ, а пошао самъ сести на покровъ интова (и ту се на лепомъ времену comodно седи) за моћи болъ свуда гледати. И самъ се себи крстіо и чудіо, у какавъ ме е блаженъ часъ мила мати моя зачала! Гди самъ я ово садъ? ко ли самъ я? чиняше ми се као да самъ се изъ нова, у некакавъ новій светъ родіо! Необычно представляше ми се постигнути, есамъ ли я онай истый, кои пре неколико дана съ моимъ компаніомъ Никомъ Путникомъ изъ Баната, све покрай Бегея у Сремъ, а одавде у првены айдучки опанцы съ Аѳанасіемъ покрай Дунава у Хорватску, у великой итости иѣхъ? Садъ на покрову таковогъ интова, (у кои, за улѣсти валя се пеняти по мердевинама) седимъ као некій Римскій Диктаторъ, и побѣдивши люту скудость и суровогъ мучителя убожество, као у побѣдоносномъ тріумфу улазимъ у славніи лепшіи градъ, него е икада Римъ быо! Вменяваюћи себе тако благополучна зато што га видимъ и у нѣга улазимъ, аки бы савъ мой быо прекрасный *Лондонъ*.

Любый мой! Ласно е предвидити, да Сарда-напалскаго духа и мудрованя любительи и почитальи, кои све блаженство у наслади гортана и у пріятномъ и изобилномъ преиспунѣню црева полажу, и кои, по теготи кесе и злата, цѣну душе и достоинство ума мѣре и цѣне; такови ће се безъ сумнѣ овомъ момъ хвалѣню и диченю, не само као дитинѣ-

скомъ и простачкомъ, него као безумномъ посмеевати. Но съ друге стране, они, кои познаю небесно и божественно благородство словесне и разумне душе, кои умею разпознавати несравнѣно отличіе безсмертнаго и вѣчнаго богатства разума, срца и нарави, одъ привременога и земнога; они (были Инглези были други) кои Списанія Адизонова, Свифтова, Попе, и овима подобныхъ, безъ свакога сравненія выше него сва зданія Лондона града почитую и цѣне, заиста неће се посмевати, но весма ће похвалити и даће ми право. Ево овоме просто и осязательно доказательство, кое и слепъ, ако не видити, а онъ оинати може. (Нека свакъ примѣти и нека не заборава, да се овде, само у онима богатство и тѣлесна услажденія опочаваю, кои за преимущества душе и разума нимало не маре.) Ко є быо икада већій и богати одъ царева Персійски, Македонски и Римски? Ко се є већма у сласти валяо одъ Сарданапала, Криса и различни други Султана, Хана, и Сатрапа? Пакъ гди є то све садъ? Нигде! Нестало, пропало и изчезло, да му ни трага нема, како годъ ластавицы, коя крозь воздухъ лети! А списанія просвештены наукомъ умова, нећу ни Омирова ни Аристотелева споминати, зашто нѣовы има одвећ много, него само неколико стихова Симонидовы, Фоцилидовы, Солоновы, и Менандровы, коихъ є врло мало, али су свету полезни, и народу овы речены людій славни, него све, оны вишепомнуты сласти, богатства и суетне помпе. Изъ истога овога узрока дакле, и на овай самый простый начинъ, већа ће полза нашимъ Срблѣмъ быти, докле њи годъ Богъ на свету буде држати, ако имъ (на при-

мѣръ) я, съ помоѣю премудры божественны инглезски кнѣига, само десетакъ вретій што полезно и разумно после себе оставимъ, него да самъ я савъ Лондонъ, и као Соломонъ илѣду найлѣпши жена имао, и съ њима се веселіо, и у сласти до преко ушію пливао. Но, *о семь дозѣбъ*; (што но речъ) айдемо опетъ онде одъ кудъ смо изишли, у славнѣйшій света градъ Лондонъ. Свештеникъ Ирландезъ учини ми любавъ, и позна ме съ єднимъ Магистромъ деце, Инглезомъ, кои умеѣаше коєкако французски. Съ овимъ се погодимъ да ми дає лекціє, квартиръ, и рану за три гинее на мѣсець, то чини око 25 фор.. Купити нужне кнѣиге, и за то се оѣе неколико; кадъ учинимъ мой есанъ, наѣмъ да имамъ трошити за три мѣсеца. Плаше ме, да є изговаранъ инглезкогъ єзика весма мучно, а њѣга є разумѣти єдномъ кои зна немецки и французски, притомъ и латински, весма ласно. Што Богъ да, мыслимъ; кадъ є мени разумеванъ єзика готово, њѣговомъ изговору преодолѣху я, ако ѣе онъ быти седамдесетоглавна Идра! А кадъ ли ме почну учити, чисто ми се кожа узме єжити, и длаке узъ гору дизати; загазіо самъ, айде напредъ! Трудолюбіє, у дружствѣ съ постоянствомъ, многѣмъ послу доѣе на край. Овай се узао не да пресеѣи као Гордієвъ; самъ Александеръ овде да доѣе, морао бы га размршивати; маць њѣговъ небы му ништа помогао. И да самъ самога учителя имао, о єдномъ сату на данъ, ништа небы учинію, но велико добро за ме, што самъ по васданъ у куѣи, за сваку речъ, и по много редій за исту речъ, имао кога пытати. Старица мати учитѣлѣва, жена њѣгова, сестра, братъ, снаа, и ко бы

годъ у кућу изъ комшилука дошао, сви су то были мои предраги и мили учители; и желимъ имъ сердечно благополучанъ одъ Бога животъ; любезно су ме и радо наставляли и учили; и често бы се отимали, ко ће ми што болъ и лакше казати. Кадъ бы годъ лепи дни бывали, и домаћинъ мой, Мастеръ Лардъ зовомый, кадъ небы лекціе давао, свагда бы ме водіо, кадъ по одной страни града кадъ по другой. У комшилку познамъ се съ единымъ купцемъ зовымъ Іанзономъ, кои не само латински лено говорише, но доста добро и Еллински, и чисто изговараше; и овай ми є у моимъ лекціама помагао, и често частію; чрезъ овога познамъ се съ единымъ благороднымъ Гркомъ, родомъ изъ Ципра, одъ древне фамиліе Лузиніана зовоме, коя є у неко време съ тимъ островомъ владала. Овай Господинъ одъ много година у Лондону живляше, коега познанство было ми є полезно. На овай начинъ, данъ по данъ, прођу три месеца, и я потрошимъ скоро све што самъ имао. Последнѣ тримесечія неделѣ одемъ поздравити господина Лузиніана, и явимъ му, да намѣравамъ вратити се у Калесъ; представляюћи му, да самъ изговоръ езика одъ части постигао, а што ми јоште недостає, могу и на другомъ мѣсту наћи учителя. Бданъ мой добаръ пріятель, говори ми Г. Лузиніанъ, коме самъ о теби казивао, просіо ме є, да те поведемъ сутра на ручакъ, жели да те позна; онъ є инглезске порцелане трговацъ, но ученъ човекъ, и великій любитель еллинскога езика и кнѣига, како онъ тако и госпођа нѣгова; уздамсе да се нећешъ одрећи, поћи къ нѣйма на ручакъ. Бути Бога ти, одговоримъ му; та людѣ

бы было, кадъ бы се къ добримъ людма на ручакъ одрекао поћи, къ коима бы и безъ ручка радостанъ. пошао. Насмеесе онъ на мой одговоръ, и тако проведемо то послеподне, а затимъ съ пунчомъ, разговараюћи се о Греціи и о нѣзинимъ приключеніямъ. На концу увѣраваюћи ме онъ, да ће ми драго сутрашнѣ познанство быти, у само вече пођемъ дома; подалеко ми є было ићи, аль се види лепо одъ безчислены фенѣра, а путъ ми є познатъ. Пре него опишемъ ово, о коемъ є речъ, за ме знаменито познанство, обу слѣдуюће примѣчаніе предположити. Они люди, кои немаю за свою потребу нужны новаца, а неумеду, или за кои му драго узрокъ нису кадри стећи, были учени философи, или неучени простацы, кои оде издрпани, леже на крпятинама, и живе у непочишћеномъ мѣсту; пакъ на мѣсто што бы се зато стидили и скорбили, іоштъ се тимъ поносе, воображаваюћи себи изъ тога некаково достоинство; седе, и као одъ некаквы велики и дубоки наука намргођенымъ лицемъ чине различна примѣчанія свержъ суєте, богатства и новаца, іоште су къ тому такове деліє, да се ругаю онима, кои су кадри стећи, и не само спокойно но и лепо живити. Таковима, свакъ ласно може видити, да мозакъ ніє на найправіємъ мѣсту. Али кадъ видимо Праведнога Аристида, кои є све богатство побѣђенога Персійскаго цара у руку имао, и найславніимъ, у свое време, на свету владѣніємъ управляо, да сирома умире и да се нема съ чимъ, по свомъ достоинству, погребсти; Кадъ видимо божественогъ Сократа да дарове славолюбиваго Алцібіада шалъ на трагъ; и на конацъ, кадъ упазимо славногъ Фоціона, да самъ

изъ бунара воду прии и себи ноге пере, докъ му при томъ жена нѣгова хлѣбъ меси и вечеру готови, а у исто време посланицы великогъ Александра одъ ютра до мрака за нѣмъ пристаю, моле га и заклиню, да не чини Александру такове обиде, не примаюћи сто иляда талира, што му онъ на даръ шалъ. О овимъ, у самой ствари и истини, великимъ людма, ко има само зрно памети, са свимъ другоячіе валя да мысли; а ко їи годъ съ онима првима почне мешати, некъ ни мало не чека, да га воде у шпиталь лудій, него нека самъ иде, еръ му є онде право мѣсто. Єсть начинъ у стварма! ово ни у чему не валя заборавляти, и по овомъ правилу о свачемъ судити и изреченія чинити.

Одъ кадъ є годъ градъ Лондонъ онде гди є, не-знамъ єли ико у нѣму, само зато што новаца нїє имао, тако благополучанъ быо, како што се є мени случило быти. Какавъ є то галиматіасъ? (замршено говоренъ) рећи ће ми кои усекнута носа оштроумацъ. Разсудимо само, пакъ ће мо видити, да нїє галиматіасъ, него су чисте и поїятне речи. Да самъ имао у нужди новаца за обстаяти іоште три месеца ту; и тако може быти да бы се съ овимъ людма, о коима ће слѣдовати речъ, познао; али бы їи само мимогредъ и слабо познао; зашто, неимаюћи никакове потребе одъ нѣй, небы нишошто быо у станю доброту и благость срца нѣова, и прекрасно благородство душе нѣове искусити и познати. Остао бы при момъ учителю, докъ бы оправіо свой посао, пакъ бы се вратіо своимъ путемъ; и тако бы за вавекъ душа моя лишена остала сладчайшегъ познанства, кога самъ у

животу имао, и многоцѣннѣйшегъ сокровишта честности, добродѣтели и пріятельства овы благи и божественны у Англіи людій. Около еданаестогъ часа дође къ мени Г. Лузиніанъ; оѣмо ли поћи? пыта ме. Я самъ већъ давно готовъ, одговоримъ му, и све самъ се бояо, да Вы не одете безъ мене. Насмее се онъ, говорећи: за добра смо времена, има ћемо цѣли сатъ одити, но и тако ће мо за рана доћи; познато ти е, да Инглези у два и у три сата по подне обѣдую. Прођемо покрай Лондонске фортеце зовоме Тауеръ, јоштъ Богъ га знао кудъ, докъ едва и едва дођемо у страну града именуему Хермитечъ, у домъ нарицаемый Чайне Хаузъ, то естъ хинезска кућа. Овде кадъ улѣземо, нађемо дома госпођу, гди нешто одъ финога беза шіе; по обычномъ поздраву рече намъ да седнемо, и она седне, шіуюћи као и пре. Почне разговаратисе съ Г. Лузиніаномъ о томъ, што е читала у новинама (кое стаяху јоште на асталу) о дѣлима Парламента, о Индіа компанији, о новопришедшимъ одъ туда корабљима, о трговини, пакъ најпосле и о новоизданимъ књигама; кое су; какови су люди овы књига списатели; и о чему пишу: све то она каже просто, ласно и чисто. Да е нисамъ гледао моимъ очима да шіе, бы заисто мысліо да она чита изъ књиге. Све нисамъ могао разумевати, али за чисто и ясно нѣзиго говоренъ мало ми е што утицало. У овомъ разговору прођу два сата, колико да ѿи ніе ни было. Кадъ бы што Г. Л. почео говорити, едва бы чекао да онъ престане и да ћути, а да она говори; цѣлый божи данъ небы маріо за ручакъ, кадъ бы само она беседила, да не престае. Могао самъ е слободно у све

то време гледати, ерѣ она мало бы кудѣ гледала кромѣ у свой шавѣ. Она не бѣше оно што се свойственно зове Инглезска лепота; али съ друге стране, кадѣ бы кои Апеллесѣ или Рафаилѣ хотео невинность, доброту, и оно блажено спокойство срца и чисту душе непорочность изобразити, нигде заисто таковогѣ оригинала небы нашао, како у образу тако и у погледу ове Инглизскинѣ. По второмѣ часу поставе трапезу, и доѣе господарѣ дома, мой новѣй прѣятель Мистерѣ Юанѣ Ливи; съ нѣимѣ се поздравимѣ и почнемѣ разговарати латински, коимѣ езикомѣ онѣ бесеѣаше съ предивнимѣ краснорѣчіемѣ и исправностию. Одѣ кадѣ самѣ изѣ Молдавіе изишао, нисамѣ быо тако весео као у овай данѣ. Нисамѣ нимало знао, а башѣ као да е и кромѣ мога знаня, душа у мени предвидла, да ће се одѣ овога дана почети тримесечно мое благополучіе у Лондону. Но како небы быо весео, видеѣи на лицу и у очима овы блажены людѣй такову чистосердечность и доброхотство? Као да су ми роѣени братѣ и сестра, и као да се надусилую, ко ће ме одѣ нѣи двое любезніе, милостивіе и слаѣе гледати, гласомѣ душе и срца свога чрезѣ любки очію свои погледѣ казуюѣи ми, како су ради и задовольни, што смо се по тако давномѣ разстанку нашли, састали и видели, да се опетѣ еданѣ другога нагледамо! При ручку Г. Л. почне нешто казивати, тако да не имаѣше времена ести. Госпоѣа често опоминяше га да руча, да гладанѣ не остане; онда я речемѣ домаѣину: мени Госпоѣа іоштѣ ни еданпутѣ нѣе рекла да едемѣ, ерѣ види да я не чекамѣ да ме нуде. Да се то овомѣ човеку на змей, да се неколико минути мо-

рао смеяти. Пыта домаћица: уатъ исъ доать? уай ду ю лаафъ со? Шта е то? Зашто се вы смеее тако? А кадъ іой каже, учини се всеобшгій смей; ко бы насъ видіо, небы рекао да смо ту дошли ручати, но смеяти се. Кадъ ово престане, вели ми госпођа Ливи, да ме е Г. Л. весма фаліо, и да похвала нѣгова ніе лажна. Рекнемъ я мужу нѣномъ латински: „Навластито гди е о ручанію посао, никомъ не уступамъ.“ За луду іи я увѣравамъ, да безъ сваке шале то кажемъ; они све удри у смей. Но све ово ништа ніе было. Кадъ топрвѣ по пріятнѣйшемъ пиву бургундско вино донесу, и почнемъ имъ я нешто инглезски казивати, и за не чинити іи дуго чекати, гди што небы могао погодити, то бы на ма съ немецкимъ или съ французскимъ надокрпію. Овога чуда онетъ! Сви бы ме іошть съ толикимъ ушима слушали; и по томъ бы се они међу собомъ инатили, ко ће болѣ мой новый езикъ изяснити. Овде бы на ме редъ дошао смеяти се, видећи да нико одъ нѣи управъ незна, што самъ я казао. На кратко казати, овай е данъ быо данъ савршеногъ веселя. По обѣду запитаю ме, да имъ правый узрокъ откріемъ, зашто, будући таковъ любитель нѣова езика, тако скоро изъ Англіе полазимъ? Съ оваковымъ люда чистосрдечну не быти, ово бы точно светотатство было. Кои ћете правіи узрокъ одъ овога одговоримъ, него прво што немамъ новаца, а друго ни одъ кога на свету ніе ми вексела чекати! Ако е то само, рече ми Мистеръ Ливи, ніе нужда да одлазишъ; я ћу ти свакій данъ по ручку лекціе давати, а ручати и вечерати можешъ съ нами. По неколико дана нађу

ми и квартиръ башъ у свомъ комшилуку. Ово е доказателство онога, што самъ по више рекао, да единствено за недостатакъ трошка получио самъ познанство овы неписане доброте людій. Знакъ савершене доброте у томе се састои, да колико више добаръ човекъ коме добра твори, толико му е тай истый милии и дражій какогодъ што су чада родительима своимъ. Одлазио бы у домъ мога господина Ливи свакій данъ у десетый или у еданаестый часъ предъ подне; и съ помоћу и наставленіемъ нѣгове пречестне супруге, читао бы изговора ради, а по томъ преводио бы кою Езонову басну съ грчкога езика на англиски. И она бы свакій данъ по еданъ сатъ што грчки читала; кои езикъ, она, као и мужъ нѣнъ весма любляу, и тако бы се проводило време до обѣда, то есть до два часа по долудне. За тимъ до саме вечере, Г. Ливи (кадъ небы кудъ за дѣломъ своимъ изишао), бы ме учио. На месецъ дана по оваковомъ мени полезномъ и радостномъ упражненію отиде у Харвичъ са супругомъ своимъ посѣтити Таста свога; (у ово време сваке године обычаваху посѣђавати га) и пребуду у нѣга 15. дана, кои градъ отстои одъ Лондона 20. немецки миля. Мене препоруче своме калфи, доброте и леце науке младићу; съ овимъ бы у дому ручавао, и по ручку до вечере онъ бы ме учио; кои ме тако радо имађаше и срдечно любляше, какогодъ и господаръ нѣгобъ. Трапеза бы се свагда господски давала, како да су исти домаћини дома, и Мистеръ Клааркъ да могаше, бы ме у свои нѣдры носіо, но се свимъ тимъ, како я, тако и онъ едва дочекамо, да наши мили домаћини стигну. Они исти за свою ве-

лику доброту къ мени, изпросе се одъ старога господина и петъ дана пре дођу нежели бы дошли. Незнамъ у животу моме разве ако самъ кадъ детомъ быю, да самъ кога съ таковымъ чувствительномъ жельомъ и чезнућемъ чекао; и едва ѿ дочекамъ.

На неколико неделя за тимъ дође изъ Харвича госпође Ливи сестра, Мистрисъ Теларъ и братъ нѣзинъ, Г. Коокъ на посѣту. Већъ после тога свакій данъ бывале су како у нѣиовомъ дому, тако и кодъ други нѣиовы пріятеля части и веселя, и проођаня по najlepши мѣсты града и наоколо; куда самъ и я скоро свуда морао одити. Ово бы ме неколико чинило дангубити, но съ друге стране было ми е мило и полезно, даюћи ми начинъ, болъ познати любведостойнѣйша свойства и не преухитрена но просто- и чистосрдечна обхожденія Инглеза. И кромѣ овы гостию мой пріятель Г. Ливи свакога вторника частію бы неке свое пріятель одъ учены людій; а свакога петка бывали бы, у довольномъ дружтву на части у господина Гуліелма Фордайцъ, медика, и златнога руна Кавалера, коме е Краль ово достоинство дао, за нѣгову отмѣнность у медицинскомъ знаню. Овай достойнѣйшій Господинъ бѣше срдечный пріятель мога благодѣтеля Ливи, и како ме чрезъ нѣга позна, постане и мой особитый Патронъ, наложивши свое любимому, догодъ будемъ у Лондону, да ми дае на нѣговъ конать, што ми годъ буде одъ потребе за кнѣиге, или за альине и за прочій ситный трошакъ. Све ово благородно великодушіе, и вѣчнога спомена достойну доброту Инглеза, небы могао искусити и познати, да се нисамъ у потреби нашао. Одъ мене е

садъ зависило, да самъ хтео, за живота остати у Ин-
глитери, зашто, како я радо лекціе предаемъ, како
бы ѣзикъ мѣста савршено постигао, могао бы весма
лено ту живити. Човекъ одъ колевке до гроба мора
имати какову нибудъ поглавиту желю, коя нѣимъ са-
вршено влада. Дете низашто тако не мари као за
игру; младићъ жели науку, или другу кою забаву;
како се ко на што да и окрене; добро за онога, ко
избере то, што е честно, похвално и полезно. Моя
е желя у ово време сва у томъ состояла се, да јошъ
кои листъ на момъ матернѣмъ ѣзику издамъ. Самъ
самъ по себи судію, како бы мени у мојой младости
не толико полезно, но и мило было, што паметно на
момъ познатомъ діалекту читати! Како бы я благо-
даранъ быо оное одъ рода мога, кои се е за то по-
старао, и што е самъ съ доволнымъ трудомъ, и по-
задуго времена постигао, то исто уму и души мојой
безъ труда и у кратко време приподае! Ово исто да-
кле, што бы я о другима мыслію и чувствовао, то
ѣе природно други о мени! Каково ласкателно пред-
слућиванъ! какова сладка безсмртнога живота на-
дежда! Съ Богомъ дакле некъ остане не само Лон-
донъ и Паризъ, него кое му драго на свету место,
гди я ову мою верховнѣйшу желю испунити небы мо-
гао. Зато како и друга три месеца прођу, познамъ
изговоръ ѣзика инглезскога, и видимъ себе у станю,
да могу и самъ о себи у напредакъ напредовати,
јавимъ моимъ пріятельима и благодѣтельима да мо-
рамъ поћи.

Богъ самъ зна, како ми е жао было, ове пре-
сладке люде оставити! Већъ самъ ту рекао, да ѣу се

одъ садъ крепко чувати, да се съ никимъ живимъ тако не пріятельимъ; кадъ се морамъ растати и жалити, што съ нѣма нисамъ до гроба. Господинъ Гуліелмъ Фордайсъ наложи Г. Ливи, да ми купи кнѣга лешы, и да се извести, колико се оѣ трошка по мору до Хамбурга, и одавде до Лайпсика, и да ми то да. Бданъ трактатъ на латинскомъ ѣзику зовомый

Fragmenta chirurgica et medica,

у коєму онъ свое свойственне важнѣйше опыте опи-суетъ, и кои е у мое време ту, на штампу издао, за особити и свагдашнѣи споменъ даде ми. У овой кнѣжицы овако се обоица подпишу:

Dositheo Obradovics Serbiano, viro linguis variis erudito, sanctissimis moribus morato, Anglis, apud quos per sex menses diversatus est, perquam dilecto, Fragmenta haecce, parvulum quidem at amoris sincerissimi et amicitiae pignus, libentissime merito obtulerunt.

Londoni VIII. kal. Iunii M,DCC,LXXXV.

GULIELMUS FORDICE.

IOANNES LIVIE.

Друга два млада Господина, Хенрикусъ Торнболъ и Гуліелмъ Валіотъ, и ови ми дарую неке преизрядне кнѣиге. Намѣри се корабаль великій трговачкій за Хам-

бургъ, у кои 27. Маія. улѣземъ, и поѣмо рѣкомъ Темсомъ. къ мору. При Гравезанту, гди є велико пристаниште, и гди се великолѣпна рѣка Темсъ у море спушта, стигне насъ и Капетанъ корабля у барки, и тако съ споспѣшнымъ вѣтромъ упливамо у море. Улѣзши у корабльну собу капетанъ вручи ми едно потежко писмо, кое кадъ отворимъ, наѣмъ у нѣму петъ гинеа съ овымъ вѣстма:

I do assure you, my dear Sir, it has been matter of some consideration with me, in what way (the least to hurt your delicacy) I should contribute my mite towards alleviating those pecuniary wants, which have deprived us of you and which you ought not to know. Do not scruple, I beg of you, to accept of the inclosed small sum, and be persuaded it is offered by a man who esteems and loves you. Favewell. Consider me as one of the friends you have made in England who holds you dear in his remembrance and to whom nothing will be more welcome than accounts of your prosperity and happiness.

London 27. May 1785.

Henry Turnbull.

(Преводъ овога писма)

Я увѣравамъ Васъ мой драгій господине, да самъ я о томъ у себи размышлявао, на кои бы начинъ (безъ май-

манѣ повреди Ваше нѣжпости) могао употребити мою малену помоѣ къ облакшаню оны новчаны недостатка, кои су насъ лишили Васъ, и кое (недостатке) небы требало да Вы познаете. Не буди Вамъ противно, я Васъ молимъ, примити овде заключену малену суму, и будите увѣрени, да Вамъ се пошилъ одъ човека, кои Васъ почитуе и любви. Здравствуйте. Сматрайте на ме како на єднога одъ пріятеля, кое сте Вы учинили у Англіи, кои Васъ садржава драга у свомъ спомену, и коме ништа неѣе быти пріятніе одъ извѣстія о Вашей среѣи и благополучію. Хенрикъ Торнболъ.

Ево ти ми опетъ другій Андрей Петрицополосъ изъ Корфа! Овай бѣше младъ человекъ, около 25. година возраста; званіемъ Секретаръ при некомъ Господину; пріятель Г. Ливинъ, къ коему често долазаше, и ту самъ се съ нѣмъ познао. Изъ нѣгова писма видити е, да е онъ желію мени по возможности своіой помоѣи, (и самъ не будуѣи богатъ) но нѣе се усудію, за не повредити, како пише, мою нѣжность; ерѣ поштена и благородна срца суде по себи, да нѣе свакомъ ласно дарове примати. И то, што се у присутствію нѣе усудію учинити, нѣе се могао побѣдити ни уздржати, да у отсутствію не испуни. На овай деликатный начинъ дати, то, у очима онихъ кои пристойно о стварма суде, узвышава нѣгови 5. гинеа цѣну сврхъ петдесетъ редій толико.

Четвртый данъ доѣмо у Хамбургъ. Овде зауставимъ се кои данъ, прво за писати моимъ пріятельма у Лондонъ: явити имъ, да самъ благополучно море прешао, и благодарити на нѣовой доброти; втого за прегледати овай знаменитый трговачкій градъ и лепа наоколо мѣста. Одавде самъ свимъ моимъ пріятельма писао: Г. Лузиніану Еллински, Г. Кавалеру

Фордайцъ и моме предрагоме Мистеръ Ливи, Г. Іанзону, Кларку и Г. Гуліелму Валіоту латински; коя пиема кадъ бы Вамъ хотео сва спріобштити, было бы Вамъ (може быти) много читати. Два обаче што самъ инглезски писао, едно учителниці и благодѣтелниці моіой, Госпоѣи Ливи: а друго Г. Торнболу, морамъ превести и спріобштити Вамъ, зашто ѣте изъ нѣй найболѣ моѣи познати моя достодужна чувствованія къ онимъ блаженнымъ, великодушнымъ и божіимъ на лицу земному людма.

1.) Писмо Госпои Ливіи.

БЛАГОДѢТЕЛНА ГОСПОЖЕ!

Какогодъ остала чувствованія срца, тако и благодарность, не може се савршено речма представити. Кадъ годъ мы съ пристойнымъ вниманіемъ, о милости и любвепунимъ наши благодѣтеля дѣлма размышлявамо, душа наша осеѣа нешто таково у себи, за кое езикъ неможе равномѣрна изясненія наѣи. Често и то што бы се могло реѣи, нѣ намъ слободно; боѣи се да се веѣма неблагодарни не покажемо што се усилявамо съ простимъ речма за показана благодѣянія награду чинити. Зато нити я намѣравамъ, нити Вы госпоже моя, немойте мыслити, да я чрезъ ово благодарственно писмо Ваше благодѣяніе наплатити иштемъ. Я самъ подалеко одъ Вашего пребыванія, широко море разделяе ме одъ Васъ, и безъ сумнѣ у животу моме неѣу Васъ къ тому видити. Зато се не боимъ де ѣе мое речи, ни по видимому, найманѣмъ ласкателству подложне быти. Мени веѣ не остае, што бы одъ Васъ желію, ерѣ оно што ми е на свету пожелателнѣйше и дражайше было, то самъ Вашомъ милостивомъ помоѣу получію; и у станю се (ѣала Богу и Вами) наодимъ, Адизонова, и други Ваше просвѣщеніе иаѣіе Списателя кнѣіге разумевати. По томе, Вы сама

благодѣтелице моя видите, да овде ласкани и никакве нибудь користи желанія, никакво подозреніе места имати не може. Ко се годъ ничему нема надати, нити има шта веѣхъ ожидавати, онъ природно, неѣе ласкати, слѣдовательно нѣгове речи мораю, неотложно, изъ другога кога извадити и произходити извора. Докъ самъ я при Вами быо у Лондону, за толику Вашу као милостиве матере и любиме сестрице доброту, мени нѣе дозвољно было ни съ единомъ речи Вами зафалити; Ваша благородна душа наодеѣи сву свою награду у своіой уроѣеной доброты, нити е могла ни хотела о чемъ другомъ чути. Овде пакъ гди самъ я садъ, не можете ми выше заповедати, да вамъ не благодаримъ; садъ ми е слободно чинити што годъ оѣу, и могу Вамъ благодарити колико ми срце жели. У све време мога при Вами пребыванія како Вы, тако и любимый Г. Ливи супругъ Вашъ, Вы обое, нисте Вашой къ мени доброты никакова предѣла полагати хотели, нити е Вами довольно было, да ми Вы сами толику любовъ показуете, него сте ме сврхъ тога и Вашимъ достойнѣйшимъ пріятельима препоручивали, кои су ми морали; Вами за атаръ, добри быти; зашто ко небы ономъ кога Вы двое фалите, кои сте иста на земљи доброта, добаръ быо? Право е дакле да и на ме редъ доѣе, да и я Васъ Сестромъ, Матеромъ, и Минервомъ моіомъ милостивѣйшомъ, и благодатиѣйшомъ зовемъ и наричемъ, и како такову да Васъ славимъ и проповедамъ! Молимъ Васъ, изкарайте здраво господина Торнбола; гледайте само нѣговъ посао! као да мени нѣе доста жао было съ таковы срдечны растати се пріятельи, седне и напише ми некаково прелюбезно писмо! метне у нѣга неколико гинеа, пакъ га пошлѣ у Гравезантъ замномъ у потеру! Господину Кавалеру Фордайцъ, моме патрону, и я ѣу нисати и благодарити: но Вы, съ Вашимъ любимымъ Супругомъ наиболѣ ѣете му умети за ме зафалити, кои сте ме нѣму и препоручили. Прекрасной госпоѣи Теларъ, милой сестрицы Вашой, како и Господину Кооку, брату Вашему, мое свегдашнѣ высокопочитаніе молимъ назначите; а увѣрена будите моме срцу пречестна и предрага двоице, да докъ се годъ ово у прсима

моима двизати буде, Ваше же сладко воспоминаніе имена и доброта, како драгоценѣйшій залогъ Вашего ангелскогъ пріятельства къ мени, у нѣму сохраѣна быти! И пребы-
вамъ Вашъ и т. д.

2.) Писмо Г. Хенрику Торнболу.

ДРАЖАЙШІЙ ГОСПОДИНЕ!

Бы сте са свимъ особитый человекъ! Одъ кога Вы научисте, кажи те ми просимъ Васъ! ударати на люде съ златнымъ оружіемъ? и изненада таково нападеніе съ гинеама умышлявати и чинити? Ели се икадъ чуло, да е ко у овомъ подмесечномъ свету таковомъ оружію противостати могао? Та Вы добро знате, да су такове стреле cadre были непо-
бѣдимога Агесилая изъ Азіе изагнати. Сверхъ тога іоште, за учинити Ваше гинее сасвимъ побѣдоносне, посла ли сте ии на ме у неизказане любви и пріятельства преиспунѣномъ Вашемъ писму! Ко небы помыслио, да Вы чрезъ то ништа друго ниете наумили били, развѣ убѣдити ме, да се опетъ у Лондонъ повратимъ? И кромѣ тога, дражайшій мой! Вы сте мени любве достойнѣйша свойства срца Вашего доволь-
но показали, како и сви прочи, кое самъ имаю честь у Лондону познати. Увѣрени будите прелюбимый Господине, да любовь Ваша и пріятельство, кое Вы на такавъ благород-
ный начинъ къ мени показываете, неће се никада изъ мое на-
мети изгладити! Я ѣу тада себе за благополучнѣйша на свету држати, кадъ вамъ будемъ могао дѣломъ засведочи-
ти, да пристойно умемъ цѣнити, какову похвалу и незабо-
равно на свету прославлѣніе таковъ Вашъ благородный ин-
глезскій характеръ заслужуе. Остаемъ и т. д.

Изъ свега овога видите любимый друже мой
какови су непостижими пути небеснога промысла! Он-
де гди самъ се мыслію у найвеѣшемъ недоумнѣнію у
животу момъ наѣи, непознанъ, у далекомъ мѣсту,
езика незнаюѣи, безъ новаца, ту самъ найблагополу-

чній быо. Ђзикъ самъ постигао, не само за разумѣ-
вати кнѣиге, него и говорити нѣимъ могао самъ; съ
довольнимъ кнѣигама провиѣенъ, и съ выше трошка
него ми є до Лайпсика потребовало. Изъ Хамбурга ше-
стый данъ поѣемъ чрезъ Хановерь и Брунсвихъ, и
доѣемъ благополучно при концу Іунія месеца у Лай-
псикъ, башъ одакле по случаю и садъ Вамъ ово пи-
смо пишемъ; кое, будући се доста протегло, опоминѣ
ме да престанемъ, наричући се Вашъ срдачный лю-
битель.

У Лайпсику Новем. 15.
1788.

ЛЮБИМѢЙШІЙ МОЙ!

Ово ће быти последнѣ писмо о моимъ путешествіа-
ма: („еръ причина ове године крозь Полонію у Бѣлу
„Руссію, а одтуда крозь Лифландію, Курландію и т. д.
„у Лайпсикъ путованя, іоште не имаюћи свога окон-
„чанія, отложиће се на друго време. Премда и мени
„самомъ овай последный догаѣай сасвимъ особитый
„ми се показує: рекао бы као да самъ се за путова-
„нѣ на овай светъ родіо, по тому што ове исте го-
„дине, кадъ нисамъ мысліо ни петъ миля правомъ ли-
„ніомъ учинити, выше одъ 500 немецки прещао самъ
миля). Кадъ у Лайпсикъ доѣемъ, наѣемъ при Г. Брайт-
копфу єдно писмо изъ Шклова на ме, у коме госпо-
динъ Стратиневичъ налаже ми одъ стране Генерала

Зорића, да дамъ на знанъ, гди се наодимъ. Одма одпишемъ, да ђу овде чекати дружба съ коима поѡи у Шкловъ. Месеца Септемвра дођу трговцы одъ туда, али мени буде за луду чеканъ; кажу ми да се до Беле Руссiе оѡе найманъ 40 дуката, кое я нисамъ имао. Изъ узрока што самъ се надао, даѡе ми на есенъ одкудъ годъ новцы доѡи, ходао самъ по najlepши градовы у Саксонiи, Дрезди, Алтенбургу, Цайцу и прочимъ; и тако отиду инглезске гинее у вѡтаръ, а я останемъ опетъ као и пре безъ ништа. Поѡемъ дакле у Бечъ; овде опетъ по момъ обычаю почнем лекцiе давати. Овай самъ првый редъ у животу у тешкомъ дугу быо. Типографчика iоштъ нисамъ быо сасвимъ изплатiо, неке кнѡиге немецке накуповао, и трошакъ до Беча натрпа се кое съ чимъ до 200 фр. Не сумнямъ ни мало, видеѡи како ми мои ученицы поштено плаѡаю, да до десетакъ месецiй мени ѡе ласно претеѡи толико новаца, да се сасвимъ одужимъ и чистъ останемъ; али ми е мучно, да люди тако дуго чекаю. На сваку руку мыслеѡи, доѡе ми на умъ, да пишемъ у Молдавию, и да иштемъ у займъ одъ мого доброга прiятеља, Епископа Романскога, ову суму. Онъ, знамъ да има, и радо у займъ дае, одъ кудъ зна да ѡе му се вратити: едно ме плаши, боимсе да ми iи не поклони, а одъ онакова любезна човека поклонъ одреѡи се примити, то е немогуѡно. Неволя е яча одъ стида! Што му драго, помыслимъ, та у займъ та поклонiо, ово се мора искати. Седнемъ и напишемъ писмо; и ако не вѡруете, ево Вамъ га! Читайте.

*ЛЮБИМЫЙ И ПРЕДРАГІЙ МОЙ
ГОСПОДИНЕ ЕПІСКОПЕ!*

Што реко смо, фала Богу и учини смо; я Францію и Инглитеру благополучно обиђо, и садъ вамъ пишемъ изъ средъ Беча. У овай часъ бы Вамъ се могао заклети, да самъ већъ науміо примирити се на едномъ мѣсту, ако ме моя кудъ силомъ неодвуче судбина. Ово іоштъ ако ми доста не буде, ни самъ већъ не знамъ, шта бы ми се хотело. Но, премъ да ми почти не остае шта бы желіо, ништа мањъ, толико самъ се редій преварио, да къ тому небы смео себи вѣровати, банъ да се живъ посветимъ. Садъ за садъ ни зашто толико не маримъ, него да ми е 42 дуката у готову новцу. Ако мои дланови тако право погађаю као пона Маука носъ, безъ сумнѣ неће година проћи, а я ћу выше него ми е одъ потребе, новаца имати, еръ ме све сврби кадъ десный кадъ левый дланъ. Може ко ласно помислити, да самъ я садъ као Омировъ витезъ одъ Сцилле утекао, а упао у Харивду; то естъ, да самъ се едва страсти путовања избавіо, и на ма за тимъ у недугъ сребролюбія запао; и да самъ у овомъ послу правый отаць Маукъ, кога носъ небы тако сврбіо, да му вино ніе мило было; кое кађо бы му на умъ пало, (а често бы падало) тай часъ быта и сироманосъ за неволю почео сврбити. Правда подобанъ е одвећъ, по несрећи, прикладъ, и знацы се, выше него бы и самъ радъ быо, показую еднаки. Алъ нека ми каже ко зна може ли ми другояче бити, кадъ самъ се задужіо. Ако ми е ко непріятель, садъ се има чему веселити, еръ никада у животу нисамъ имао ни десету часть овога дуга на врату. Вѣруйте ми драгій господине, да съ великимъ страхомъ идемъ коекудъ лекціе давати, као да самъ свему Бечу дужанъ; и све погледамъ кадъ на десно кадъ на лево, да ме ко за вратъ не счепа и не викне, дай плати што си дужанъ! Пакъ да ме дланови не сврбе, чудимъ се што ми кожа съ миромъ на леђи стои! Одисей заиста ніе се могао у већой сметњи наћи, кадъ су му вѣтрови изъ мешине утекли, неголи самъ я садъ. Мучно ће те себя у-

образити, какво бы ми велико добро учинио онай, ко бы ми узаймио оволико новаца, да ми се одужити. Но може ко доћи овде, да ми овако мудрослови: добро, ако ти ко садъ то узайми, како ћешъ се одужити, кадъ ћешъ опетъ подъ дугомъ остати ономъ, кои ти узайми? Некъ ћути вели му се! Што е потреба о свачемъ споминати? То я и самъ добро знамъ, да ми нико и некаже; али у овомъ послу сиромѣ дужникъ подобанъ е бѣдну болеснику, кои се съ едне на другу окреће страну, у надежди, да ће му што болѣ быти; и ово е већа, него ко мысли срећа, да човекъ може одъ еднога узаймити, за одужити се другоме, и тако далѣ, докъ умре и утече, пакъ онда некъ трчи за нѣмъ ко сме! Обаче я се заиста у ово не уздамъ, та шатъ не умремъ до десетъ месецѣй; нисамъ я самъ на свету; то бы правый сіясетъ быо! А онда (ако не и пре) моћи ћу се са свимъ одужити, пакъ тада што Богъ да. Већъ Вы сами садъ, любимый мой Леоне, можете погодити, на што ово писмо слуги; выше речѣй было бы са свимъ излишне. Пишите комъ овде одъ Ваши познаты трговаца, да ми узайми одъ Ваше стране 42 дуката, были какви му драго, само некъ су прави дукати. Извините мое дерзновеніе, и будите увѣрени, да я овако небы молю развѣ, кога весьма любимъ и почитуемъ, остаемъ и т. д. У Бечу. Окт. 1785.

Ово писмо напишемъ у едну неделю по ручку, съ намѣромъ, да га сутра данъ на пошту дамъ, кадъ ето ти два моя ученика дођу звати ме, да идемъ съ нѣма у предградіа проодати се. Еданъ е Цариграђанинъ, Григоріе Маврокордатосъ, а другій изъ Ѳесалонике, Ѳома Паназоглусъ. Запытаю ме, о чемъ е писмо и кому? А кадъ чую, почну жалити се на ме, зашто да носимъ суѣтно попеченіе, а не кажемъ нѣма свою потребу. Сутра данъ даду ми банкоцедулъ одъ 200 ф. и одужимъ се, и тако ово писмо остане. Чиняшеми се да нисамъ изъ Беча ни излазіо, као да самъ се ту и родіо, и науміо животъ провести. На

идуће лето имао самъ неисказану радость видити у Бечу любимого Г. Лузиніяна, кои се тада враћаше изъ Цариграда за Лондонъ. Друге године зовне ме мой предрагій Господаръ Максимъ Куртовићъ, да и нѣговимъ кѣрма Маріи и Христини на французскомъ и талианскомъ езицыма лекціе предаемъ, што я едва са свимъ срцемъ дочекамъ. Опредѣлимо сатъ одъ 11 да 12. Како се лекціе сврше, носи се ело на трапезу, морамъ остати на ручку. Речемъ єдномъ честной и разумной госпоѣи Куртовића, молећи ю, да ми дозволи у другій сатъ пре или после подне долазити, и моимъ ученицама лекціе давати. Сваке неделѣ кодъ Васъ, кадъ нисамъ гди позвать, ручати, то може быти, али свакій данъ не: развѣ ако оѣте да свакій данъ съ Вами ручамъ, о другой плаћи за лекціе некъ нейма речи. Докаже она то своѣму супругу, и сутра данъ одговори ми, да се мене ради већій ручакъ не готови; да се нѣова деца и при ручку у разговорѣ ползую, но будући да самъ я одвећъ scrupoloso (совѣстанъ), а оно некъ буде како я оѣу, то естъ наука за рану. Садъ управъ познамъ, да ми са свимъ срцемъ обѣдъ даю, и тако цѣлу втору годину никадъ нисамъ помыслию гди ѣу ручати. Али ко бы се на-дао одъ оваковы добродѣтельны, любезны и божіи людѣи и душа, да су они наумили были мене преварити! Нису ми хотели, као прочи, на мѣсець плаћати; а кадъ се сврши година, и мени се изненада намѣри путь, а они ми онда за свѣу годину плате, колико да имъ се нисамъ у кући ни воде напѣю. А я самъ тако задоволянъ и радостанъ быю, што самъ при нѣима трапезу имаю, да не сатъ, но три на данъ да самъ

ту предавао лекціе, іоштъ бы ми се чинило, да имъ довольно не одслужуемъ, и да имъ дужанъ остаемъ. Любимый друже мой! Ніе ело и пиће, што се цѣни и похвалюе; ако ће не знамъ колика, и какова деликатна вкушенія и пића данасъ човекъ уживати, сутра е опетъ гладанъ и жеданъ, и ономадашня ела, нимало намъ данасъ не помажу. Ніе дакле часть и вино, што мене чини овде писати, него начинъ сердечный, любезный, благородный, и сладкій, съ коимъ намъ добродѣтельныи люди свой хлебъ и напитекъ даю; кое намъ тако любезно и милостиво даю, да гледаюћи њи, рекао бы као да намъ срце свое спріобштаваю. Ово е што я овде хвалимъ и прославляю! Чисто-сердечіе, доброта, и божественна чиста любовь, ово е раана срца, и напитекъ душе, кое се никадъ забора-вити не могу, нити у гладъ и жеђъ преобратити. Ево докле онай тайный преестественный начинъ Мелхиседековъ, и самого преблагословена Спасителя нашего, чрезъ кои, хлебъ и вино всевышнему Богу на чисту приношава се жертву, кадъ се съ любви дае и при-ма. Іоштъ у едномъ писму я самъ Вамъ напоменуо, да е мени Господинъ Максимъ Куртовићъ и у Смир-ни свою доброту и благодѣяніе показао; но навласти-то садъ, гледаюћи, да я съ возможнымъ усрдіемъ и ревностіу полезне лекціе чадамъ нѣговимъ предаемъ, како онъ, тако и честна и добродѣтелна супруга нѣ-гова, госпожа Елена, родомъ и душою благородна, описати не могу како су ми добри и любезни были. Тако исто іоштъ еданъ одъ првы наши трговаца, Го-сподаръ Константинъ Дамчо, кога самъ кѣрма неко-лико месецій на талианскомъ езику лекціе давао, ка-

ко онъ, тако и благонравнѣйше и свете душе госпо-
ђа нѣгова, у великой любви и милости су ме има-
ли. Ђданъ младъ трговацъ изъ Філіпополя, зовомый
Діамандисъ, цѣлу ми е годину плаћао за уроке као и
прочи, и квартиръ при себи безъ плаће давао. Сви
мои ученицы да су могли у нѣдры бы ме носили; по
овоме можете судити, како е мени лено у овомъ пре-
красномъ царствуюћемъ граду! Я бы предъ Богомъ
неблагодаранъ човекъ быо, кадъ небы себе за бла-
гополучна у овомъ животу и станю, у коемъ се на-
одимъ, вменявао. Ђданъ добрый младићъ Болгаринъ
почео е плакати, кадъ самъ му рекао лане да ћу по-
ћи, него да тражи себи другога учителя; и я самъ
тежко сожалоу, но непреодолѣна желя, да јоште што
за живота на штампу издамъ, све е побѣдила; зашто
у Бечу и лекціе предавати, и о овомъ дѣлу радити,
ніе ми могуће было. У Шклову чекао самъ равно шесть
месецій Типографа, и како самъ сасвимъ познао, да
онъ не мысли свою речь одржати, поитіо самъ у Лайп-
сикъ доћи. Мой благодѣтель Генералъ Зорићъ дао ми
е за ово 6 месецій, колико е обећао быо за цѣлу го-
дину, то естъ четири стотине рублій. Даровао ми е
и едну лисичину, што вреди сто рублій. Ту самъ раз-
продао, за непотезати бремя са собомъ: све мое
кнѣиге немецке и французске, латинске и талианске
(кромъ оны инглезски, кое самъ на даръ у Лондону
получіо); немецке узео е Генералъ за свою библиотеку.
Ове зиме у Лайпсику, будући да у Типографіи ніе съ-
посломъ навале, издати ћу до 28 табака. Ђданъ до-
брый господинъ одъ наши соплеменика, самъ свое-
вольно, и у Шкловъ, и овде писао ми е, да ће ми у

овомъ предпріятію помоћи, кое уздамъ се да ће до воскресенога пазара учинити: на кога надежду полагаюћи, обећао самъ се на лето Історіе знамениты людій издати, за представити Націи нашої, у примѣру славны и велики Лица, ону исту науку, кою самъ у Наравоученіяма изяснявао. Ова помоћ ако ми дође, испуни ћу мое обећанъ; ако ли пакъ не дође („кое Богъ зна каковымъ случаемъ може се догодити; зашто поодавно већъ ни писма одъ туда неимамъ. а терминъ є, кадъ є речено было послати, прошао“), на овај начинъ, противъ намѣре мое мора ћу слагати; не смеюћи упуштати се у дугъ, на кои мрзимъ као на црну смртъ. Ако ми ко за маану припише, што ореографію нисамъ пазіо, нека изволи разсудити, да мы, до садъ на нашемъ діалекту съ нашимъ словма граматике нисмо имали. Я самъ у момъ списанію само на чистъ изговоръ сматрао. њ. великій и малый, то є мени све єдно было, добро знаюћи, да Србљи сви што їи є годъ, *иушь* неизговараю *иућъ*. А изреченія, кое бы звечало на *ы*. у насъ нейма. Но што се овога тиче, ако се съ временомъ правила за ово даду и установе, (кое не сумнямъ) онда ће се моћи исправніє писати; а мене ће добри разумни люди извинити, знаюћи, да никакovo майсторско дѣло у свомъ почетку не може савршено и са свимъ исправно бити; за ове после оће се стотине година и выше родова людій, кои, єданъ за другимъ долазе: не валя ни они да дођу овде само да жваћу. Што ме Вы у Вашемъ последнѣмъ писму опоминѣте, да ће се гдико наћи, кои, или изъ простоте свое, или (што є горе) изъ лукаве, и просвети разума човеческога са свимъ про-

тивле политике, подъ изветомъ ревности къ светопостаємимъ суєвѣріємъ, неће свога труда поштедити, и све што може говорити и творити, за воспетити или, ако ништа, а оно баремъ закаснити общте добро и ползу, коя бы се чрезъ ова нова списанія причинити могла, то є мени добро познато; али съ друге стране ово ме тѣши и обнадеждава, што садъ веѣа часть знаменитія у націи нашої, како свештенство тако и міряни, имаю очи отворене, и неће веѣь ни крозъ наочари, іоштъ манъ крозъ туѣе очи да гледаю; но сами своима богоданимъ зѣницама проницателно и скрозъ сматраю, шта є што.

Ево насъ дражайшій мой, за овай редъ при концу мога путованя, у кога описанію, како самъ у почетку рекао, хотео самъ прославити имена мои пріятеля и благодѣтеля. Я имъ одаємъ како могу, а праведный и милостивый Богъ датъ ће имъ како онъ може. При томъ, уздамъ се да ће ово іоште послужити, за узбудити боголюбиве и добра срца люде у Націи нашої, ако кадъ виде кога сиромашка и оскудна као што самъ и самъ быо, кои управъ науку жели, тражи, и къ нѡйзи као жеданъ еленъ къ воднимъ источникомъ тежи, да се не одреку помоѣи му. Науке любитель пакъ младиѣь, кои чувствує у себи склонность, способность, и даръ ко ученю, нектъ се ласно не предає очаянію, ако се кадъ у тесноѣи наѣе. На конацъ, нектъ є препоручено ово дѣло свимъ благородноумнимъ обштегъ добра желательима, кадъ се наѣе іоштъ ко, да съ учены єзика на нашъ, што лепо и полезно преводити предузме, нека не пренебрегну, руку помоѣи дати му, ни мало не сумняюѣи се, да

ѣе съ временомъ ово предпріятіе пречестномъ обществу весма полезно быти. Зашто ово се чисто види као сунце, да до годъ еданъ Народъ на свомъ матернѣмъ езику кнѣига нема, принуђенъ е у тамности ума и у варварству лежати, и све на горе преуспѣвати, Сврхъ свега и наипосле, што самъ годъ говорію, и написао, изъ праве любви къ добродѣтели, къ човечеству, и къ сроднимъ моимъ, и говорію самъ и писао. (Славный и великій вели у науцы Инглець Бако Веруламіусъ.

Inest ingenio humano motus quidam arcanus et tacita inclinatio in amorem aliorum, qui si non insumatur in unum vel paucos, naturaliter se diffundit in plures.

То ѣе рѣчи: „Бсть у естеству човеческомъ движеніе неко тайно и мучѣна склоность къ любви другихъ, коя ако се не упразни у едного или у мале, природно излїйва се на многе.

Любеѣи те, любимый мой, и честитаюѣи ти новый годъ, пребывамъ савъ твой.

У Лайпсику Іануаріа 1.

1789.

Досіеѣй Обрадовичъ.

ЛЮБИМИ ЧИТАТЕЛЪИ!

Како се е мучно човеку растати одъ оныхъ, кои су му мили и драги! Све се спрема, а неможе да пође: често пође пакъ се опетъ враћа; одлази и удалява се, но све се натрагъ обзире; пріятно му е и на димъ гледати, кои изъ оногъ мѣста излази, у коме нѣгови мили живе! А по чему я то знамъ? Ни по чемъ другомъ него по себи. Пишући гдишто на миломъ матере мое езику, не могу и жао ми е преста-ти; уображавамъ себи као да самъ у Србији или у Босни, пакъ ми е мило о чемъ оћешъ съ людма беседити. Други езицы, кое самъ научію, у кнѣигама предраги су ми, зашто ми кажу, шта су учени народи и паметни люди на свету мыслили, шта ли мысле; али кадъ нѣима беседимъ, представля ми се као да се у ту-ђе нешто пачамъ, а како што съ овымъ проговоримъ, коега нипошто не могу памтити кадъ самъ и како научію, и зато, рекао бы да се е самномъ и родію, или да самъ га изъ прсію матере мое исписао, како ти съ нѣимъ што проговоримъ, ето ти ме у средъ мое куче, у моме правомъ елементу, гди са своимъ собственымъ воздухомъ дишемъ. Сврши басне, дай іоштъ кое писмо; а кадъ и ова дођоше на край, изиђоше предаме некакова предивна инглеска изреченія. Испытуемъ, бы ли се ово како дало нашимъ представити речма? Неисказано лепо и чисто. Добро бы дакле было да се штогодъ, ако ништа, за примѣръ преведе „што е годъ управъ Лепо, Добро и Полезно, кадъ га

е выше, болъ бѣва“ А да ко зна, те ово мало послужи за намаму, да се съ времѣномъ многій ко полакоми инглески научити, пакъ ће онда овогъ добра быти и выше. Ове мысли упражнѣнія случила су ми се данасъ по подне, ходаюћи съ єдномъ лепомъ инглескомъ кнѣйгомъ по Позенсъ-Гартену. У исто време погледамъ око себе, видимъ различна дрва трешаня и вишаня, и помислимъ: Люди бы могли жити и безъ ягода, и безъ други многоразличны воѣа; али онде гди їи є боготодаровита божія десница насадила, крайня бы лудость човеческа была, кадъ їи небы на свою рану и услаѣенъ употреблявао; мыслии да нису за нѣга него за саме врабце! Како су дакле ова воѣа прїятна и полезна гортану нашему, несравнѣнно су полезніє ове сентенціє (смысли или изреченія) срцу нашему, уму и души. Некъ иде дакле и на ово єданъ табакъ или два. Не само велика госпоѣа него и селяни радо ружицу и естало лепо имаю цвеѣе, и у време ручка на трапезу їи полажу. Зашто небы и я съ оваковымъ прекраснымъ невенуѣимъ и во вѣки миришуѣимъ цвеѣемъ конацъ кнѣйжице мое украсію? Примите дакле усрдно любими читатели, умнога пролеѣа, изъ прекрасни англійски садова и поля сасу, любичицу и лепу ружицу, и украшавайте съ нѣима срце, умъ, и душу вашу!

(Ово су те сентенціє:)

Говори умѣрено, но чисто и разумно, ако желишъ да си достоянъ елушаня. Бстество намъ є дадо єдна уста и за єсти съ нѣима, и пити, и беседити, а два ува само за елушати; изъ овога се види

да найвише валя слухати, и о свачемъ што чуємо
разуђавати. Юште къ тому два ува имамо, за слу-
шати што и една и друга беседи страна, и тако су-
дити. Ко мисли да є врло паметанъ, онъ много го-
вори, а ко є управъ паметанъ, нема кадъ много го-
ворити, зашто мора здраво мыслити о ономъ што го-
вори. Кадъ си на само, тада мысли много, како си
до садъ съ людма беседю, како ли ћешъ у напредакъ:
зашто у време разговора нїе право да се други гри-
зу и муче, чекаюћи докъ имъ ты што паметно изми-
слишъ и изштудирашъ. Зао човекъ кадъ види, да
други на само говоре, онъ мысли, да се ту о нѣму
нешто зло говори; високоуманъ и лудъ (ови су ве-
сма на близо) мысли да нѣи фале; а добаръ и паме-
танъ ништа о томъ не мысли, зашто не зна шта ће.
— Уманъ човекъ и мало говорећи каже што да ва-
ля, а неразуманъ много говори а ништа незна каза-
ти — Потреба є савршено познати онога, съ кимъ ко
оће да говори, како мысли. — Угодити другима у
разговору, не стоїсе толико у показиваню свога ос-
строумїа, колико у познаваню нѣовога. Злый обычай
свагдашнѣга противоречїа квари najlepшїй разговоръ
и може се назвати правїй отровъ разговора. — Ни-
шта нїе важнїе него примѣри дѣла, людїй у достоин-
ствама; еръ ако су добри или зли, привлаче многе
къ подраженїю. — Човекъ у благополучїю не може се
ласно исправити одъ свои погрешака; зашто докъ му
се годъ срећа осмеява, свакій га вара, похлебствују-
ћи му, и што є найгоре, и онъ самъ себе за найпа-
метнїега држи — Ко мысли да нема потребу одъ дру-
ги, врло се вара; а мыслећи къ томе, да прочи безъ

нѣга не могу быти, іоштѣ веѣма се вара. — Благо-
твореніе, кое примамо одѣ други, обвезуе насѣ да имѣ
ласно праштамо, ако насѣ кадѣ у чемѣ и повреде.
— великодушіе у даваніу, кадѣ се не чини гди, и ка-
ко валя, ништа друго ніе него суетна желя, за пока-
зати себе великодушнымѣ. — Разумно великодушіе у
даваніу, извеснѣйше е средство за получитьи любавѣ
и высокопочитаніе разумны люди. — Догодѣ ко може
давати, свакѣ ѣе му се благодаранѣ показивати —
Лукавый користожелатель и хитрый политикѣ оное
найусрдніе показуе свою благодарность, одѣ кога се
узда да ѣе найвыше имати. — Познанство себе осно-
ваніе е добродѣтельй; а непознанство, злоба. — Мно-
го добывамо познаюћи себе како валя, чрезѣ то исто
познаемо болѣ и лакше друге. — Найвеѣа полза, кою
човекѣ може имати познаваюћи слабости и погрешке
другихѣ, состои се у тому, да себе одѣ таковы сла-
бостій чува. — Ко е свагда са собомѣ задоволянѣ, не
позна е себе: а, ко ніе никадѣ задоволянѣ, познае
алѣ ніе кадарѣ или неѣе да се побольшава. — Ко
брани истину, незнаюћи како валя, выше іой вреди
него ли помаже. — Свагдашнѣ употреблѣніе хитрости
знакѣ е слабости и малодушія. — Ко ніе радѣ ни одѣ
кога никакве обиде претрпѣти, не презире и не пра-
шта гдикое погрешке, тай ніе ни за дружтво ни за
пріятелство. — Мы се на друге жалимо, што су непо-
стояни у пріятельству, а други на насѣ, по томе, зарѣ
валя да смо сви еднаки. — гди годѣ нема праве до-
бродѣтели, ту ніе мѣста ни правомѣ пріятельству;
кое самѣ інтересѣ саєдинява, онѣ ѣе іи и раздвоити.
— Люди кои се немаю зашто меѣу собомѣ почитова-

ти, нїюва є любовъ безъ основа; могу за неко време быти ятацы, алъ никадъ прїатели. — Нема на свету болѣгъ прїателя одъ чисте савести, ни горегъ душманина одъ зле. — Найвећа и найстрашнїя освѣта, што се може учинити єдномъ непрїателю, то є, да га човекъ никада не споминѣ, и да га сасвимъ заборава; зашто чрезъ ово у ништа га обраћа. Ко другога безъ узрока озлоби, може му се простити; али му се не може по томъ никада управъ вѣровати; и зато савршена примиренїя весма су мучна. — Чистосрдечанъ и природный поступакъ, не само што є найлакшїй, но и найвеселїи є человеку; напротивъ, усиленъ и притворанъ будући лажливъ у себи, мора му быти тежакъ и мучанъ. — Люто се вара, ко се узда да ће съ помоћу притворства за свагда друге варати, и себе покривати; да што добро таковый учини, не прима му се за добро, єръ му се не вѣрує. — Ко се годъ са злимъ дружи, ако ће найбільїй быти, губи сву цѣну свое добротѣ. — Ко се годъ непрестанно претвара, самъ о себи дає горе мыслити, него што бы се мыслило. — Свако станѣ живота и поступка мора имати свой начинъ и благопристойность: светѣйше добродѣтели кадъ не бываю своимъ началомъ, у посмей падаю: сама божїя истина виче на оне, кои се Богу моле, да їи люди виде. — Свако станѣ живота има свою лепу и ружну страну; паметанъ наоди прву, пакъ є свагда задоволянъ, а безуманъ втору, пакъ є у свачемъ и довека незадоволянъ. — Ко выше може одъ други, а не чини выше добра него остали, онъ се є родїо на светъ, само да се осрамоти. — Гди пребива лажъ, притворность и ласкателство, ту

истина не сме доћи разве у басну обучена. — Ево јавный знакъ, да е добродѣтель найболя на свету, еръ найгорый човекъ радъ бы се у чемъ годъ показати добаръ. — Знати своимъ желяма предѣлъ полагати, избавля човека одъ многи попеченія и причинява му многа задовольства. — Свимъ людма на свету истина е весма мила, и зато сви штогодъ вѣрую, за истину држе. — Велико е добро, лене ствари знати; изъ овогъ узрока и ко мало зна, чини му се да доста зна; и съ тимъ се весма утѣшава. — Манъ бы труда човеку было, да е управъ добаръ него што се толико мучи да се покаже такавъ; а кадъ ніе, за луду му мука. — Разпуштеніе и разблужденіе совѣсти изворъ е свію безчинія. — Злоупотребленъ благополучія, ништа ніе него злополучіе. — Право е безуміе, чинити будалаштине, у надежди, да ће ии оправдати ко; зло горе бива, кадъ се оправдава. — Плитке памети, малена и слаба срца човекъ, коєкакве безделице за велике ствари почитуе, у свачему тайне некакве налази, све на зло слуги и прориче, у непрестаномъ страу живи, на све се тужи, и ништа му у животу ніе исправно. — Любведостойна е вредность у човеку, сносити слабости и погрешке другихъ, познавати нѣова добра свойства, и ползовати се нѣима. — Мека и размажена срца човекъ, и сироте просячке душе, ако ће најлепша средства имати, за учинити какво велико добро и прославити себе, онъ све то пренебрегава; у највећемъ достоинству, гди га е случай довео, онъ е спокоянъ и задоволянъ, ако се само може о нѣму рећи: миранъ е и добаръ као овца. — Само доброта у човеку безъ разума, може му бити весма вредовита,

еръ га она ніе кадра сачувати одъ мрежа лукавы и зломыслены людій, одъ кои валя свагда на опазу стати; Благовольніе, любовъ и доброта къ другима, нимало не изключаваю любовъ къ себи. Богатство ніе кадро излечити човека одъ сребролюбія, нити му може дати овай покой срца, кои се у разумной умѣренности наоди. — Разумъ самъ ніе кадаръ побѣдити страсти и похоти; валя да узме себи на помоѣтъ разумне страсти и похоти, за истерати и побѣдити неразумне и луде. — Добро разумети што други говоре, и како валя на то одговарати, ово е мучніе него умети добро беседити. — Плиткость ума, невѣжество и високоуміе, причина су упорства и тврдоглавства; зашто упоранъ неће ништа да вѣруе него што онъ зна; а онъ ништа не зна, или весма мало, еръ упорство неће одъ други да се научи, а не учеѣи се не може се знати. — Чудна стварь! мало е ко задоволянь са своимъ станѣмъ, а съ памеѣу свакъ. — Содружество и пріятельство веће части людій ништа друго ніе него любокористна трговина, коя дотле пребыва, докъ е одъ потребе. — Животъ е даръ божій, доброму е датъ на велико добро, а зломъ, да се мучи и гризе. — Ништа ніе известніе одъ смрти; са свимъ тимъ, люди тако живе, као да немысле умрети; а кад повуку, яо и помагай. — Никадъ не смеѣи съ ума, како е теби, кадъ те ко увреди; пакъ нећешъ ласно другога увредити. — Ништа ніе слабіе ни неразумніе, него вѣровати све што намъ ко каже, нерасуђавајући може ли то тако быти. — Користолюбіе чини чудеса и сіясете, еръ често луду да паметъ, а паметну узму. — Смртъ е весма праведна, богатъ или сиром,

за то она не мари. — Нема ти луѓегъ говора, него, кадъ ко зло твори, а добро и лепо говори. — Знакъ великогъ достоинства едне ствари у томе се состои, кадъ и они кои мрзе на ню, принуђени су о нѣој добро говорити; а то е права и чиста добродѣтель. — Безуманъ одлаже на сутра, што бы се морало данасъ учинити, уздајући се да ће сутра паметнии бити. — Ко похвалюе добродѣтели свои прародителя, а нѣма неподражава, онъ се самъ срамоти. — Ништа се мучниѣ не прима него совѣтъ, зашто свакъ мысли да е кадаръ дати, а не одъ другога примати. — Правой учтивости остроумиѣ е отацъ, а доброта мати. — Разумна любовь славе и чести много помаже добродѣтели. — Притворность и лицемѣриѣ, и нехотећи доказую, како се добродѣтели стиде и боѣ. — Ласно човекъ себи прашта оне погрешке, за коѣ нико незна; а то небы чинію, кадъ бы о Богу чисто понятіѣ имао. — Суѣтолюбивъ мужъ любви само оне, кои му се диве, а разуманъ оне, коима се онъ диви. — Нелестна благодарность показуе се онима, одъ кои се никаково благодѣяніѣ выше не чека. — Живи о мртвима могу праведно судити, зашто тада, нити ѿ се боѣ, нити имъ атара пазе. — Велика господа найвећу потребу имаю одъ разумны кнѣига, ерѣ ове еднако говоре, та съ малымъ та съ великимъ. — Остроумиѣ, безъ довольногъ разума и разсудка показуе се по вышой части у безделицама, и често чини човека великомъ будаломъ. — Коя полза одъ лепы вредности, кадъ ѿ ко на добро не употреблява? Деца кадъ су добра и кадъ се добро уче, радо имъ се даѣ дозволѣнѣ играти се; и у великимъ людма презиру се

малене слабости, кадъ они чине обштеству велика добра. — Покаяніе мало вреди, нити е право, кадъ бива само за страхъ наказанія. — Чинити зло, у надежди покаянія, ово е хитрость измышлѣна за варати свою совѣсть и Бога. — Не опорачаваю се толико они, кои у коечемъ погрешаваю, колико они, кои не чине толико добра колико бы могли. — Дужни су люди узямъ другъ друга природне слабости презирати, и погрешке праштати: много лакше дакле валя ову дужность да испуњаваю къ онима, кои имъ велика добра творе. — Кадъ смо здрави, чуваймо се болести, и кадъ смо добри, укланяймо се одъ зла. — Ништа не може бити горе одъ притворногъ богобоязливѣ и лажи-свеца! шта онай небы людма учинію (да може), кои се съ Богомъ игра? — Основаніе свію добродѣтельй состоит се у разумномъ богопознанству, богопочитанію и боголюбію; ко Бога разумно почитуе и люби, не само не може зао бити, но мора по свомъ могућству добаръ бити. — Вредность не состоит се у томе, да е човекъ безъ слабостй, него да ѿи може зауздавати и нѣима владати. — Онай народъ, кои бы могао совршено доказати да е найпаметніи, найпоштеніи, и найдобродѣтелніи, имао би право фалити се, да е нѣгова вѣра найболя, еръ бы онъ, отъ дѣла свои, вѣру свою показао. Добродѣтель чини човека благороднѣйшимъ; зашто га приближава къ Богу; а злоба злороднѣйшимъ, еръ га уподоблява суровимъ зверомъ и безеловеснимъ скотомъ. — Сѣянѣ невоздержанія у младости, приноси на есень старости изобилну жетву болести. — Умѣренность и воздржаніе зарана, предсказую лаку и спокойну старость. — Ерли ту го ту бедъ, ендъ ерли

ут райзъ; мексъ е менъ хелѣи, уелѣи, ендъ уайзъ: (то естъ) Рано легати и рано устаяти, чини човека здравымъ и мѹдырымъ. — Размысли на сатъ пре о ономъ што ѣешиъ говорити, и на цѣлый данъ о ономъ, што мыслишиъ обеѣати; и гледай, да за обеѣанымъ не доѣе разкаяніе. — Покоравати се старіимъ и паметніимъ, то е дужность; себи подобнимъ учтивость; манымъ одъ себе, благодарность и великодушіе; свимъ добримъ мудрость. — Простый случай може узвысити гдикогоа; али съ похваломъ одржати се и напредовати у высочеству, оѣе се добродѣтель и разумъ. — Неразуманъ и несмысленъ ужасава се и чуди измѣни оны ствари на свету, коѣ су природно томе подложне. — Обичаи, корыстолюбіе и страсти наше добро путую, кадъ здоровомъ разуму слѣдую. — Право достоинство свагда е сдружено съ умѣрености и съ учтивости; а лажно съ високоуміемъ и съ суетолюбіемъ. — Ко ніе кадаръ себе у достойнимъ, и свету полезнимъ показати исправлѣніяма, болъ му е да нѣгово име у забвенію погребено остане. — Тешко е бремя велико достоинство, за онога, ко га жели съ похваломъ носити. — Гладке речи и велика обеѣаня, силно дѣйствую надъ слабоумнымъ и простачкимъ людма. — Велика е слабость лаковѣрну быти съ оными, кои су познати да радо лажу. — Ако желимо знати, шта неки говоре о нами предъ другима, сматраймо само, шта о другима предъ нами говоре. — Чисте совѣсти и разуманъ човекъ, нити слуша лажна доношенія, нити мари за нѣи. — Мужественно срце наоди свое задовольство у ираштаню обиде, а слабо у освети. — Жалити се свагда, и на свашто ту-

жити; доводи човека у презреніе, показуюћи га вес-
ма малодушнымъ. — Съ кимъ се кодъ ко свагда и
радо обходи, мора нѣму подобанъ быти; ово е всеоб-
ште правило. — Совршено избавлѣніе одъ злы по-
дозрѣнія состои се у совршеномъ исправлѣнію на-
рава свои; а безъ тога сва оправданія и извиненія,
повинниѣма насъ творе. — За избавити се одъ не-
весели мыслій, нема другогъ средства, разве свагда
о добримъ стварма мыслити. — Мечтаніе и вообра-
женіе, извори су највеће части веселя и благополу-
чія, или невеселя и злополучія човечески. Неки су
Цари Японски царство, народъ и животъ свой у бѣ-
де и у погибель доводили, воююћи за еданъ зубъ май-
муна, кога за свога Бога држе; одавде се види, да
воображеніе нѣ багатела. — Гди такови люди власть
у рукама имаю, кои нити искуствомъ познаю нити у
себи чувствују цѣну добродѣтели, ту се сва досто-
инства и званія или по случаю, или (што е горе) по
пристрастію даю. Бесный Калигула чини свога коня
Конзуломъ Римскимъ; коньску паметъ имаюћи, нѣ
могао бољ избраніе учинити. — Да свакъ оће ко-
лико може добра учинити, много бы выше добра на
свету было. — Лажь небы могла нигде проћи, да
се у истину не преоблачи и не претвара. — Тешко
неправедну, кадъ га правда счепа за уши! — Нѣ
чудо што неки будалу радо имаю и помажу му; за-
што подобанъ подобнога люби. — Лажљиви пріятѣ-
љи кадъ виде човека у невољи, онда му слободно
кажу, да се нѣ паметно владао. — Нигде се добро-
дѣтель у свой својој слави не показуе као у Владѣ-
телю; ерѣ се о нѣму управъ може рећи, да е свое-

вольно испуњава. — Ко себе одвећъ много похуђава, чрезъ то изискуе, да га други за то фале. — Самога себе не валя ни фалити ни кудити, то е други людій посао. — Погрешке слабости бы намъ се лакше простиле, да ии мы одвећъ не сакривамо, хотећи да се покажемо оно што писмо. — Кадъ се годъ ко усилива, да весма друге преухитри и превари, и да себе за много болѣга, него што е, изда, люди као люди вараю се о нѣму; али не онако како бы онъ радъ, него сасвимъ другояче; то естъ, мысле да му много коешта подъ кожомъ лежи, и да е горый него што е. — Ко управъ любви свое пріятель, и твори имъ добро колико выше може, тай весма себе любви, но на овай начинъ любовь е нѣгова разумна и похвална. — Изъ високоумія, кое сваки народъ о себи има, разплођава се међу люде погибелна слепота ума; ова сама не да имъ познати она средства, чрезъ коя бы се могли исправити, и своя злополучія облакшати и умалити. — Надежда насъ често вара; но у исто време нѣзино дружтво тако намъ е мило, да е нипошто нећемо одъ себе да пустимо. — Да сваки човекъ себи ласка и угођава, то е свакомъ природно, и кадъ разумно и умерено бývá, добро му чини. — Ко не наоди никаква задовольства и спокойства у срцу своемъ, мучно ће га на другомъ мѣсту наћи; и ко годъ нѣ кадаръ, и самъ будући, себе разумно забавляти, онъ тражи дружтво башъ као піянацъ вино, да му мысли прођу. — Благополучіе состои се у вкусу ствари, а не у самима стварма; и у стяжанію онога што ко любви, а не што други себи мечтаю. — Кадъ се ко осрамоти, и не мари да се опоштени, тада е управъ

срамотанъ. — Не завидити никому ни учемъ, то е знакъ правога достоинства и благополучія. — Ђдно добро завистъ у себи има, што мучи завидљива. — Наше страсти чине другима лепу службу, показуюћи имъ насъ таке какви смо. — Ко е вреданъ на добро употребити богатство, има право да га жели. — Наодити погрешке у другима, а себе одъ подобни не исправљати, то нити е вредностъ нити разумъ, него лукавство и злоба. — Свагда на счастіе и на судбину тужити се, то е по вышой части знакъ невредности човека. — Ко нигде себи пріятеля не наоди, показуе да ніе достоянъ имати га. — Невоздржаніе езика весма е досадно; и нема ти веће лудости, него, да ко съ великим усрдіемъ, оономъ, кое незна, говори, башъ као да зна. — Остроуміе и хитрость безъ поштена воспитанія, безъ разума и любви къ добродѣтели, то е отровъ и куга у обштемъ, погано лукавство! Ко само себи на ползу живи, ніе достоянъ похвале свога времена людій; а ко бы радъ и будући родова похвалу заслужити, неће моћи у свачемъ свимъ своимъ современнымъ угоданъ быти. — Достоинство учена човека несостои се у тому, да намъ каже како су други пре насъ разумно мыслили, но како смо дужни и мы мыслити и творити, да намъ бољъ буде. — Закони, уређенія и науке, онда су найколезніе човечіемъ роду, кадъ га приводе къ добродѣтели, благополучію и къ разумномъ веселю живота. — Почитаніе разумногъ света не може се ни одъ кога подъ арміцію узети; валя се о тому здраво потрудити; ко ли пакъ неће, самъ себе презире и за ништа држи, шта оће одъ други? — У обштемъ раз-

говору и у доказиваню свога мнѣнія, валя да быва као на слободномъ пазару; свакъ показуе свой еспапъ, алъ нико не може силомъ друге нагонити да му га купую: овде природно свакъ свою робу фали; но онай ко њи купуе, не мари за вѣову фалу, него добро самъ гледа зашто ће новце дати. — Инація подобанъ е тврдоусту коню; колико га већма ко натрагъ потеже, толико онъ већма трчи, докъ се годъ сасвимъ неумори. — Како што се обычава у ревени, нѣ потреба ни манъ ни выше давати, него колико на кога запада; тако валя да се владамо и у дружескомъ разговору, дајући свакомъ време да што каже. — Ствари потребне и полезне, кое се не могу имати у Европи, носе намъ њи трговцы изъ Азіе, Африке и Америке; то исто творе паметни народи, другимъ ѣзикомъ учећи се, и полезне науке на свой ѣзыкъ преводећи. — Много е болъ за едну фамилію, да себи потребне ствари има у кући, него за сва што да трчи у комшилукъ; то значи, да што една нація има на свомъ ѣзику, то има у својој кући; о толикомъ времену и труду, колико се изискуе за туђъ ѣзыкъ, премнога се лепа знаня могу получити на своме. —

We should consider the men of learning who have left all other far behind them as superior to any names which the continent can boast: (овако се изговара) уи шудъ кансидеръ дѣе менъ аф лернингъ ху хевъ лефъ аалъ адѣеръ феръ бихяйндъ дѣемъ есъ сопиріоръ ту ени неемсъ хуичъ дѣе кантинентъ кенъ боостъ: (значи) мы валя да сматрамо люде учене, кои су оставили све друге далеко за собомъ, како превосходніе одъ свію имена, съ коима се земля

може поносити. — Ако икада родъ човеческій къ своему благополучію дође, правленіемъ и предводителствомъ учены и добродѣтельны владѣтеля мора ће доћи, а не иначе. — Художество, кое просвештава умъ и облагорођава срце, мора быти честивѣйше и светлѣйше словесномъ створенію; а то є добродѣтельно воспитаніє и наука. — Богъ є положію у естество човечіє способность къ великимъ совершенствама, а Царемъ и Владѣтелемъ оставіо є, да они ову способность у дѣйство произведу: зато се цари божіи намѣстницы на земљи називлю. — Срце човеково у дѣтінству подобно є чистой артїи, ко што оће, може на нѣой писати: а кадъ се што напише, мучно є изгладити. — Совершенство закона Хрістіянскога состои се у тому, што изискує одъ оны, кои га исповѣдаю да су совершенно разумни, праведни и добродѣтелни. — На шалу и смей окретати оно што нїє за шалу: и свачему маану наодити, кромъ моћи што болъ показати и учинити, то є правога будале свойство. — Ко годъ вѣрно и поштено испуњава дужности свое у окрестности, гди га є небесный промысао поставіо, онъ є честанъ предъ всевидѣнимъ окомъ. — Любити люде за любовь божію, то є наука Евангелска: а мрзити на люде за божію любовь, то є наука злы и лукавы людій. — Онай є найбільій занатцїя, кои по занату свомъ найсправнїє дѣла; а не онай, кои є за дуго учію, а ништа добро нїє кадаръ унсловати: найизбранїи є лекаръ, кои найболъ лечи. — Светъ є овай школа, гди, докъ смо годъ живи, морамо се добримъ стварма учити, но у исто време, та добра, коима се учимо, на ползу нашу и други валя да упо-

треблявамо. — Предразсуђенъ и пристрастіе, као годъ и невѣжество, не даду людма право о стварма судити; ова три мучителя држе истину у свагдашнѣмъ заточенію. — Рано пролеће по већој части долази цвећу на погибелъ: Лепе способности ума у детету, премда су по себи, но често биваю вредовите, зашто или се упуштаю у безпослице, или су у свачемъ напрасите, и ничему не даду времена сазрети: или на коначъ, уздаюћи се одвећ у себе, размазе се, разленъ и наипосле остану стражнѣ. — Како годъ коньма, некимъ су одъ веће потребе добре узде него мамузе, тако и людма. — Младомъ се човеку све чини ласно, а старомъ све мучно; но ово ни едно ни друго не валя. — Чрезмѣрне похвале и безъ разлога похужденія еднако су младимъ людма вредовита; мудрость е знати у њима начинъ, време, и мѣру. — Ко све за ласно држи, онъ ніе за велика предпріятія; а ко за мучно, ни за малена. Гди су годъ поглавари народа неучени, ту мора бити наука у презренію, а гди су злы нарави, ту и добродѣтель. — Нема злобе, худости, ни невалялости, у којима обикновеніе не наоди свое задовољство. — Добродѣтель и истина, кадъ су совершене, онда су у првой својој умѣрености; а злоба ако ће најманя бити, она е свагда крайность. — Ко се пре ручка показуе зао, а по ручку добаръ, онъ се зао може нарећи а добаръ не; зашто правда и доброта не валя да зависи одъ случая. — Што се годъ тако чисто не познае, како, да е четири више одъ два, о томъ се слободно разговарати алъ не инатити: но кадъ ко почне (на примѣръ) овако доказивати: два дуката

чине више одъ четири грошића, дакле, два могу быти више него 4., ово се зове Софисма, то єсть, премудреніє; изъ овога се рађаю безчислене лажи. Леле душе, коє желе власти и достоинства у обштемству, за моћи много добро учинити, богоподобна свойства у себи показую. — Искати науку на само изоштрєніє ума, и умноженіє знаня, а не на исправленъ нарава, и поболшеніє срца и душе, то є позлаћивати єданъ сосудъ пунъ смрада. Радо гледамо на цвєће и по простомъ полю, и на добра свойства у просты селяны. (Верчу неверъ гроосъ оолдъ) „Добродѣтель никада не стари.“ Обычаи, Правленія, Закони и Ёзицы подложни су различнымъ модама и промѣнама; имаю свою младость и старость: Да садъ нешто дођу они народи, кои су живили пре ияду го дина, нити бы свое єдиноплеменне потомке познали, нити бы се съ нѣма разумѣти могли. Ове промене обаче, съ правдомъ, се поште-нѣмъ, съ вѣрности, съ любви, съ чистосердечносћю, съ непритворнымъ пріятельствомъ, и са свакомъ божественомъ добродѣтельи никада не бываю; ова у самомъ Богу почетакъ свой има, и съ нѣмъ вѣкує и царствує. Блаженъ народъ, кои се нѣ држи! а тешко синовомъ човеческимъ безъ нѣ! Колико се већма одъ нѣ удаляваю, токико се къ своіой пропасти и погибели самовольно приближаваю. — Ништа нїє већєга сожалѣнія достойно, него видити човека кои има лепа и благородна мудрованя; любку природу, чувствително, човеколюбно, и доброжелателно у прсима срце; а при томе и начинъ за учинити добро: и себе предъ Богомъ и пред светомъ прославити; и са свимъ овимъ прекраснимъ и достожелательнимъ свойствама, за не-

достаточно изъ младости воспитаніе, у несползномъ бездѣйствию проводи данъ по данъ живота, нити што добро починюћи нити свршуюћи; подобанъ лепой ябуки но дивіой, коя да е накаламљна, за царску бы транезу плодъ приносила: а тако рађа коекакве ябучице, но безъ лепоте, безъ мириса, и безъ сладости; на кое нико не гледа, вандъ да дивя звериня. Колико се овде губи! — Е маузъ дѣать хезъ боть уанъ хоолъ исъ суунъ кечтъ. То значи: „Мишъ кои има само едну рупу, брзо е уваћенъ.“ Човекъ кои ніе себи кадаръ помоћи, разве само на еданъ начинъ нека се не отискуе далеко одъ куће: ко ништа друго не зна него криве чешлѣве правити, некъ не иде ни у Босну ни у Цариград. — Музика е лепа стваръ; и свакъ народъ има свою; и ко е коіой обыкао, пріятна му е, ако ће нѣомъ и урлекати; но музика и армонія срца, коя се состои у чистой совести, у тихомъ спокойству и задовольству, а то естъ у добродѣтели; ово е права небесна музика, и обшта е свимъ племенамъ и ѣзикомъ. Занатъ кои му драго може човекъ научити и знати, и никада га не употреблявати; ако на другій начинъ може болѣ живити, то му ништа не вређа. Науку правде и добродѣтели ніе доста знати, потреба ѣи е свагда употреблявати; зашто ко зна шта е добро, а твори зло, веће е срамоте и наказанія достоянъ. — Не чинимо као неки старцы злоћуди и бабе порежљиве, кои најнеповиніе забаве и шале у млађима осуђаваю, само зато што они не могу међу нѣи пристати. — Ко учи правила мудрости само зато, да се неразумнимъ смее и руга, и да ѣи осуђава, а не да самъ болій буде, тай се е лудъ родіо, лудо

живи, и лудо ќе умрети. — Говорећи ко о неваљалости и у шали но често, обикне къ тому, пакъ после безъ сквернословія и блядословія ніе му разговора ни живота. — Беседећи ко често о честнимъ, полезнимъ, и добримъ стварма, и онъ се обикне, пакъ потомъ безъ онаки разговора не може да живи како год пче-ла безъ цвећа. — Ко свагда о неваљалости мысли и говори, лагано полагано све то горыйъ бива; ко се непрестано у добру поучава, о добру мысли и беседи, обикне се у добру, услађава се у нѣму, и мало по мало свакій данъ больйъ бива. — Полезно е и весма паметно знанъ, да човекъ чисто зна и исповеда, да не зна оно што не зна; а оно што зна, да може чисто и ласно доказати; ово е правыйъ знакъ да зна. — Што се годъ за инатъ потврђава, и за пристрастіе и инатъ одриче, не може добро быти; истина има свое разлоге и правила, башъ како и ариѣметика, коима ни самъ свемогуій Богъ не може противъ мыслити; зашто ова правила у правичности, и у совршенству, слѣдователно у Богу состояе се; а Богъ себи не може противоречити, нити мыслити оно што ніе. — Они, коима е добродѣтель трунъ у оку, за колико толико безпорочити сами себе, утврђаваю, да се іюштъ управъ не зна, шта е добродѣтель: чудновато незна-нъ! У коню знаду да е добродѣтель, да добро оди, трчи, носи, и да дае собомъ ласно управляти; а у словесномъ човеку неће да знаду, да е то добродѣтель, да сва своя зактеваня и способности тако управля, да су согласне съ разумомъ, съ поштенѣмъ, съ правдомъ; како на свою тако и на обшту ползу, и да то непрестано и съ радостію твори. — Оштрля-

тоумни Софисте говоре све што знаду, за потамнити сваку добродѣтель, осниваюћи ю или на славолюбію или на користожеланію: подобни онима, кои у самомъ сунцу маће наоде. Ово су крайности, одъ кои се разуманъ човекъ свагда удалява. Хотети да човекъ безъ свакогъ интереса дѣйствує, то толико значи, да безъ узрока дѣла; а то ће рећи ништа искати. Доста є нами, да насъ сунце просвештава и да намъ благовтори: тако и добро, кадъ бива за похвалный и лєнь узрокъ, бива совршено, како, и зашто валя, и достойно є нашегъ высочайшегъ почитанія. — Сума правде: што себи не желишъ, не чини другому; а добродѣтели: Ёлика хочете да творять вамъ прочи чловѣцы, творите и вы имъ подобная. Речи су вѣчно истине и наука! Аще сія вѣсте и сотворите, блажени будете.

ИСТИНА И ПРЕЛЕСТЬ, АЛЕГОРІА.

Или иносказана Наука, преведена съ инглезкога изъ Рамблера.

(Nr. 96.)

Єданъ древный писатель казує намъ за Персіане, да поглавито воспитаніє, кое они младежи даваю, состояло се у обученію, да добро коня яшу, стреляю, и истину да говоре. — Стреляти, и конѣмъ управляти, ласно є свуда научити; али бы то среѣна была,

да е онъ насъ известію, на кои се начинъ къ истинности доспева, и како се е могао Персіискій умъ одъ искушенія прелести сачувати. — Заисто у садашнѣмъ растлѣнію човеческога рода многа се возбуженія наоде, за одустати одъ истине. Потреба, за прикрити свое недостатке; и полза, за обманити невѣжество илити лаковѣріе други, тако се често представляю; толика предлежећа зла чрезъ то избѣгаваю, и толика настояща воспріятія чрезъ хитрость и превару получаваю; да ће се весма мало ко наћи, одъ оны кои су врло заплетени у животу, съ довольно духа и постоянства, за одржати се неподбижимо у исполнѣнію явне истинности. — За научити све люде да говоре истину, потреба бы їи было све до едного пре научити да е радо слушаю; зашто никакавъ видъ лажливости нїе данасъ выше у обычаю одъ ласкателства; малодушанъ ласка одъ страа, подчинѣнъ за свою користъ; а прїятель за любовь: они кои нису ни рабскога духа нити су страшливи, ништа манъ ради су се угодни показати; и будући да неправедне похвале непрестано се изискую, свагда ће се наодити, кои ће їи или страха, или надежде ради, или за любовь давати. — Злоба лажливости преко мѣре се разширила, и многи, коє совѣсть не може ласно обличити да сами лажу, изштетили су своимъ суетолюбіємъ нараве други, зачишчаваюћи ону исту злобу, на кою они мысле да мрзе. — Истина, само за то што е истина, често намъ противъ волѣ наше долази; вообште неугодна намъ е зашто е противна нашимъ желяма и напрекостоећа на нашимъ дѣлма; и будући да наше вниманъ природно слѣдує нашої користи, мы нерадо слушамо оно чега

се страшимо чути, и брзо заборавамо то што намъ нѣ драго запамтити. — За овай узрокъ, многи су се начини наставлѣня произнашли, чрезъ коя бы се могла ова упорность противъ истине побѣдити: и како се лекарство децы у шеѣру дае, тако се и увѣщанія подъ илядуобразна виђеня сакриваю, небы ли се како родъ човеческій пріятностію подмитію, за утећи одъ погибели.

У почетку света Истина е дошла међу люде озгоръ, а лажливость оздо. Прва, кѣи Юпитера и мудрости; а втора, породъ лудости одъ ветра зачетъ. Обадве пођу напредъ съ еднакимъ поузданѣмъ за преобладати новымъ створенѣмъ; и будући нѣово неприятельство и нѣова снага добро небеснимъ жителѣмъ позната, сви окрену съ неба очи свое на нѣову борбу. — Истина увѣрена о превозводителству снаге свое, и о правичности исканя свога, приближаваше се съ возвышенымъ великолѣпіемъ безъ помоћи и сама; правда, да Разумъ свагда при нѣой бѣше, но како служитель а не другъ. Нѣзинъ ходъ бѣше тихъ и постоянь, но нѣзино движеніе непрестанно напредоваше; и кадъ бы она едномъ гди метнула свою ногу, ни божія ни човеческа сила небы е већъ принудила да уступи. — Лажливость свагда се усиляваше сообразити видъ и приличности свое истини; и показываше великій успѣхъ у майсторіи подражателства. Ова се наођаше окружена, и помагаема съ безчисленимъ регементама зактеваня и пристрастія, но на подобіе слабы заповѣдника, убѣђаваше се често примати законе одъ свои союзника. Нѣзина движеня била су брза, беспорядчна и напрасита; зашто неимађаше ни

тврдости ни постоянства. Често скоростию нападенія чиняше завоеваня, коя, своіомъ свойственомъ снагомъ немогаше одржати, развѣ съ помоћу пристрастія, кое она наоѣаше свагда готове и вѣрне. — Другда се случаваше, да се ове две противоборнище сусретну; но тада бы лажливость нама смотала главу свою у облачину, и заповедила бы превари да постави метеризе наоколо. У своіой левой руцы она држаше щит безстидія, и туль са стрелама лажемудрія звечаше іой на леѣи. Све страсти наоѣау се готове на нѣзино званѣ. Суета стрепѣаше съ крилы свои предъ нѣіомъ, а тврдглавство подкрепляваше е са зади; тако обграѣена и поможена другда бы поступила супротъ истине, а другда бы дочекивала сраженіе; но никадъ небы до руке дошла, непрестанно бы мѣсто променявала, и коекудъ бы стреляла, свагда у себи чувствуѣи, да іой сва крепость изнемогаше, кадъ бы е годъ истина съ цѣлымъ светомъ очію свои приразила. — Истина, ако и не носи са собомъ громъ оца свога; но и самъ погледъ нѣнѣ быяше за лажливость страовитъ: и зато како бы ова видла да іой се она врло приближава, тай часъ бы оставила оружія софистичества илити лажемудрованѣ, и съ оба двема рукама држеѣи предъ собомъ щитъ безстидности, побегла бы сакрити се меѣу свое регементе прістрастія. Истина ако бы кадъ у страженію и получила кою рану, но та бы ласно и у кратко време заростила и залечила се, али оне ранне кое бы се лажливости учиниле, неизцѣлиме остаю; и кадъ бы се другда и учинило, као да ѣе іой се ране залечити, опетъ бы се позледило, отворило и сва ближня мѣста усмрѣавале. — Искус-

свомъ дакле лажливость сазна, да сва нѣзина вредность у скорости бѣжаня и у променьиваню места состои се: зато заповеди подозренію, да свагда предъ нѣомъ у шпіониранѣ трчи, и тако съ великимъ старанѣмъ чуваше се, да се гди са истиномъ не сусретне. То іой мучно бѣше, будући да Истина свой ходъ никадъ не променьиваше, но свагда правомъ линіомъ ступаше и напредоваше; и како бы се гди почуло нѣзино страовито приближеніе, лажливость бы надила сваке странпутице за скоро уклонити се, измаћи и побећи. — На овай начинъ лажливость привлекаше на свою страну светъ и разпростираше свое владѣніе свуда: и гди бы годъ завладала, ту бы цѣлу власть за собомъ пристрастіяма оставляла. Ови нѣзини служители и намѣстницы наодећи велику користъ подъ таковымъ управленіемъ, съ крайномъ упорностію противила се истини, кадъ бы годъ ова дошла нѣювимъ мѣстама завладати, и никада небы пренебрегли, ако ништа, а оно баремъ закаснити напредованѣ и успѣхъ истине; премда не могаху за свагда воспетити ю: И кадъ бы дошло башъ до неволѣ, да се мораю истини покорити, свагда бы то бывало силомъ и на срамоту; наодећи се непрестано готови одступити, како бы ова престала своимъ присутствіемъ држати іи у страху. — Истина у полазку изъ свои небесны дворова, надала се е, да ће примлѣпа бити съ всеобщимъ радости восклицаніемъ и да ће свакомъ драга и мила бити; да ће е евакъ съ подчинѣніемъ слушати, и призивати, да излива своя благодарѣнія у све државе: садъ позна, да кудъ годъ мысли проћи, мора силомъ путь себи отварати. — Све умове нађе

предрасу́женіа затворене, и сва срца пристрастіа преобладана. Правда, да ова напредоваше, но лагано; и често завладѣніа, коя за собомъ оставляше, опетъ губляше, чрезъ напрасна бунтованя зактеваня, коя дужность и повинованіе свое одметаху, и себе опетъ подъ барякъ лажливости полагаху. — Истина кромѣ да бы постала слабія, зашто нѣзина е снага непреодолима; али се наипосле разсерди видеѣи себе тако поругану и пренетствуему єднимъ непріятелѣмъ, на кога она правично съ крайнимъ презреніемъ сматраше; кога сва вредность у непостоянству, у слабости и у прехитреніама состояше. Она дакле за неисполненіе надежде свое оскроблѣна, запроси Бога, оца свога, да іой допусти на свое прво возвратити се мѣсто, оставивши човеческій родъ смуѣнію и несчастію, кое он заслужуе, своевольно подлажуѣи себе грабленію лажливости. — Но Юпитеръ одвеѣъ сожалуѣи о свету, не дозволи нѣно прошеніе; соизволи обаче облакшати нѣзине труде и умекшати безпокойства. Заповѣди іой да се совѣтуе съ Мусама, коимъ бы начиномъ она могла лакше примлѣна быти, и царствовать безъ муке непрестаного воеваня. Изнаѣе се дакле, да уснѣхъ истине препречаваше се жестокостію нѣногоъ вида и величествомъ повелѣніа; и да люди никада неѣе єрадо примати, догодъ не престану страшити е се, кои предаѣи себе лажливости, ништа небы губили одъ свои повольностій и пріятностій; будуѣи да ова узимаше на се найпривлачителніе образе, свагда облачеѣи се и мажуѣи зактеваняма и желяма. Мусе дакле изаткаю истини у разбою Минервиномъ єдну пространу и различновидну одежду, по-

добну оной, у коіой лажливость порабоћаваше свое рачителѣ; у ову е обуку, и назову е Измышлѣніемъ илити Басномъ. Садъ она почне завоеванія своя съ болымъ успѣхомъ; зашто кадъ бы годъ захотѣла ульсти къ пристрастіяма, свако бы се пристрастіе преварило, држећи е за свою повелителницу лажливость, и предало бы іой се, а кадъ бы она єдномъ савршенно обладала, тада бы іой на ма разумъ свукао горню майсторску одежду, и она бы се показала у свомъ првообразномъ виду, съ природнимъ сіяніемъ и непобѣдимымъ достоинствомъ.

ПУТЬ У ЄДАНЪ ДАНЪ.

Изображеніе чловекаго живота.

(изъ РАМБЛЕРА Н-ро. 65.)

Обиданъ, сынъ Абесиновъ, изиђе рано у ютру изъ гостилнице, и предузме свой путь преко Индо-стански равнища. Онъ бѣше младъ и у снаги одъ покоя: надежда га одушевляваше, и желаніе возбуждаше; быстро преко долина прелазећи, упажаше брда гди се предъ нѣмъ мало по мало возвышаваху. Преко кои прелазећи уши нѣгове услађаваху се утреннимъ поянѣмъ птичица; тихо диханіе вѣтра прохладяваше га, и ситна роса съ мирисны грана окропляваше; онъ другда сматра са удивленіемъ на преузвишенный врхъ раста, цара холмскаго; а другда уловѣнъ пріятнымъ мирисомъ ружице, найстаріе кѣри

пролећа, сва њгова чувства бяху услађена, и свако попеченіе изъ срца њгова изагнато. — Тако онъ путоваше докъ се сунце приближи на подне, и све то већа врућина начне га разслаблявати; онда се онъ обавре иштући кою спокойнію путаню. Угледа на десно неке међе, кое, съ волновиднимъ движеніемъ сѣни свои чиняху му се као да га у лад свой призивлю; ульзе ту и нађе неисказано услажденіе у њіовой прохлади и зелени. Премда онъ не забораляше, на кою бы страну морао путовати, обаче наставши ту стазу ограничену съ цвећемъ, коя му се чиняше да къ оной истой страни кудъ и великій друмъ вођаше; радоваше се у себи, да е крозь тай счастливый опытъ нашао средство, у исто време путовати и увеселявати се; и безъ труда, получитьи награђенъ свое прилѣжности. Онъ дакле за неко време све еднако слѣдоваше ходећи, безъ найманѣтъ ославлѣнія у свомъ усердію; изванъ што бы другда позауоставіо се, за послушати пѣніе птица, кое е врућина сатерала была у те ладове и другда бы се позабавіо чупаюћи гдикои цвѣтакъ кадъ съ оне стране путанъ, и берући вођа на гранама висѣћа. На коначъ, зелена стаза почне се устранивати одъ свое прве управности, и савіяти се између холмова и шумарица прохлађени одъ источника и шуштећи теченіемъ потока. Овде Обиданъ устави се за неко време, и почне размышлявати, да ли му е безбѣдно удалявати се одъ праве и общте стазе; но споминюћи се да садъ врућина у найвећой сили баше, и да е равница пуна праа и нееднака, науми напредовати новонашастомъ путаньомъ, коя по њговомъ мнѣнію не чиняше разве мале околине; и то, ради различно-

сти мѣста, и да ће се до послѣдка на обштіи друмъ доконати. — Кадъ тако утиши свою бригу, почне опетъ ступати, али свагда у сумњи да не иде право. Ово неизвѣстіе ума зауставляше га при свакомъ новомъ предмету, и представляше му такове мысли, какове га могаху оспокойствовати или забавити. Онъ прислушаваше найманый гласъ, пеняше се на сваку главину за нове погледе, свраћаше се къ свакомъ паданю вода, и мило му беше слѣдовати за течениемъ кое тихе рѣке, што се валяше између дресеса, и съ многообразнымъ своимъ савіянѣмъ одну широкую страну наводняваше. У овимъ забавама нити се већъ брояху часи што пролазе; у нѣговимъ странпутицама замрси му се паметъ, нити онъ већъ знаѣше куда му се окренути. Стане замышленъ и смущенъ ићи напредъ, бояше се да нѣ времена заоклеванѣ. Мучећи се сиромомъ у таковомъ недоумѣнію, кадъ али ти потамни воздухъ одъ облачина, исчезне данъ испредъ очію нѣговы, и напрасна грмлявина стане надъ нѣмъ лупати. Садъ топрвѣ кадъ се у бѣди нађе, падне му наумъ нѣгова будалаштина; садъ позна, како се благополучіе губи, кадъ се само спокойство за совѣтъ прима; тужаше се на свою слабу нестрипчивость, коя га е принудила искати законъ у ладу, и похуђаваше свое дѣтинско любопытство, што га е одвоило одъ едне безпослице на другу. — Громови кадъ почну пуцати, учине га и ова размышленія забравити. Што ће? Савъ у страху намысли да се врати натрагъ, и да удари крозъ шуму, небы ли гди какавъ излазакъ къ равницы нашао. Пре него пође, падне на землю, и препоручи животъ свой Творцу

естества. Призвавши всесилнога на помоћъ, устане у надежди; и пође држећи мачъ у руцы, зашто дивіи зверови чули су се по шуми; и страхъ помрчине, пустинѣ и вѣтрова, са своимъ риканѣмъ усугубляваху.— Тако изгублѣнъ иѣаше, незнаюћи куда ни камо и свакій часъ ожидаваше избавленіе или погибель свою. Найпосле, не толико страхъ, колико трудъ учини га да се утоми и изнемогне: Ђдва дише; колѣна подъ нѣимъ дркѣу; и бѣше готовъ пасти и предати себе своіой судьбины: кадъ истомъ укаже му се не далеко крозъ шумарицу пламенъ свеће. Приближи се къ сіяню, и нађе колибу єдногъ пустиника; куцне на врата. и смирено запроси прибѣжище. Прими га стараць, и угости га съ набранымъ воѣмъ; по вечери запыта га да му каже, какавъ случай га е ту довео? придодавши, да за 20. година одъ кадъ онъ ту живи, нѣ човека видіо. Обиданъ тада, разкаже му свой дневный путь до найманѣгъ обстоятельствъ сваке тайне. —

Сыне мой, рече му стараць: углуби у срце твое погрешке, будалаштине, и избавленіе бѣда данашнѣ-га дана! Не заборавай никада, да е човечески животъ єднога дневи путованѣ. Мы сви устаємо у ютро младости пуни снаге и благонадеждія; предузимамо путованѣ одушевлени упованіемъ, и съ веселымъ усрдіемъ, и напредуємо за неко доба правымъ друмомъ благоразумія и боголюбія къ пожелательнымъ обиталиштама покоя. Но у кратко време плашиѣ се целодневнога труда разслабляємо се у усрдію, и начнемо искати неко умекшанѣ дужности наше, и полакша средства за доћи къ концу намѣреня нашего. Мы тада станемо ладнити одъ прве топлоте, не бое-

ѣи те толико злоба и порока што су предъ нами; и тако по случаю прикучуемо се къ онимъ бѣдама, о коѣ никада за никада нисмо мыслили додирнути. На овай начинъ улазимо у заклоне ласности, и упокоювамо се у сѣнма безбоязности. Овде срце се наше размази и бодрость спадне; тада почнемо тражити, небы ли се коіомъ другомъ путаньомъ могло напредовати; и тако наипосле усудимо се упутити крозь цвѣтовите башче сладострастія. Приближуюѣи се овде наодимо се іоште у безпокойству совѣсти и у сумнѣи; улѣземо но са страхомъ и трепетомъ, и све се надамо да ћемо проѣи скрозъ, и да нећемо сасвимъ изгубити путъ добродѣтели, на кои се іоште обзирамо, и къ коєму намѣравамо опетъ повратити се. Но искушенія долазе една за другима, и едно угодіе отвора путъ къ другому; међу тимъ благополучіе блажене невиности и беззлобія умалява се и иде губеѣи се; али мы утѣшавамо и разблажуемо ово наше безпокойство воспріятіяма чувства наши. Лагано полагано заборавимо наше прво намѣренѣ, и пустимо одъ себе правый предметъ разумнога желанія. Загрсимо се у различне послове, залюбимо се у раскошъ, вртимо се и мотамо по странпутицама непостоянства, докле и мракъ старости нападне на насъ, и овде слабость и недоумѣніе препрече намъ путъ. Сада мы топрвъ починѣмо погледати натрагъ на протекшій данъ живота нашего съ ужасомъ, съ печалію и раскаяніемъ; и жалимо, но касно, и често за луду, зашто се свратисмо съ правога пута добродѣтели! Блажени они, коѣ твой примѣръ данашній научи, да се ни тада не предаду всеконечномъ очаянію, и опо-

мену се да ако е данъ и прошао, и нѣова прва крепость порушена, ништа манъ, юштъ имъ едно средство остае, то естъ, подигнути се и усилити, за обратити се одъ прелести и заблѣженя на путь добродѣтели. Право исправленіе нѣе никада безъ благонадеждія, и чистосречно усрдствованъ свагда ће наћи помоћъ; по довольнимъ заблѣженяма може се путникъ опетъ на правый наставити путь, и ко проси крепость отъ вышняго, преодолѣти ће многа неудобства, и избавити ће се одъ различни бѣдствованя. Иди садъ, и почини предавши себе попеченію Свемогућега; а кадъ те сутра јутро на дѣло позове, почни изъ нова путь твой и животъ„

„Не мало различествуе, на кои се ко начинъ изъ младости обикна, но премного, наипаче све одъ тога зависи.“ Арист. Наравоуч. Књига 2. Гл. 1.

Конацъ друге части.

ПРЕДРАГІЙ ЧИТАТЕЛЮ.

Над год я благоглаголивого господина Цолико-фера къ народу поученія слушамъ, никада ми оне благоразумне евангелске жене речи съ ума не спадаю, коя восперена сладкомъ наукомъ нашегъ Спасителя, одъ превелике сладости срца нѣ се могла уздржати да не вопіе: *Блажена утроба, коя те є носила, и сисе коє су те доиле!* И колико га выше слушамъ, толико выше славимъ Бога, кои є такову мудрость даровао людма. Ублажавамъ Душу, Срце и Уста, изъ кои тако премудра, сладка, утѣшительна и добродѣтелна Евангелска Наука извире и преизобилно тече. Благо людма (мыслимъ у себи), кои те слушаю! Они мораю добри бити, напояваюѣи се изъ дѣтињства здравога разума вѣчномъ истиномъ, мораю бити и разумни и благонравни и добродѣтельны. При томъ, и мое време за найсретнѣе у животу моме вменявамъ, кадъ годъ нѣгове драгоцѣнне речи чуемъ. За учинити дакле, да мое благополучіе тако велико, колико може бити, хтео самъ то сприобштитити и приподати іоштъ коме одъ браће мое, преведши и издавши овогъ колико мудрогъ толико и добродѣтелногъ Учителя едну беседу. Читатель кои разуме сръбски, и има човеческій разум, и колико толико чувствително ср-

це, знамъ да ће ми и за ово мало благодаранъ
быти; и ако ко одъ единоплеменны мои съ вре-
меномъ на свомъ езику што преводити изволи,
овде може спазити, да се на нашъ езикъ све
дає превести. Овогъ дивногъ мужа сва поуче-
нія нису ништа друго него Морална Філософія,
то есть Наравоученіе, кое не упражняваюћи се
съ никаковымъ теологическимъ нити догмати-
ческимъ любопрепираніама и возраженіама, са-
свимъ приличествує не само за све, кои Хрі-
стово име исповедаю и нѣгово Евангеліє вѣ-
рую, него іоште за свакога, кои само чувствує
и познає чест словеснымъ човекомъ быти. Ніє
могуће слушаюћи га, да човек не омрзне на
сваку неправду и злобу, и да се нѣгово срце
не разпали божественнымъ любви огнѣмъ къ
правди, къ истини, къ човеколюбію, и къ сва-
кой евангелской добродѣтели. Прими дакле
вселюбезнѣйшій читателю и читателнице, съ бла-
говоленіемъ и овай знакъ высокопочитанія, усер-
дія и вѣчне жертве срца мога.

КО У РЕЧИ НЕ СОГРЕШАВА, ОНЪ Ё САВРШЕНЪ
ЧОВЕКЪ.

Іаковъ Апост. Г: 3. ст. 9.

Боже Творче и Отче човеческій, све способности и крепости кое си намъ дао, на нашу велику ползу и благополученіе даровао си намъ ѿ! Мы смо дужни ове способности и крепости на то употреблявати, да чрезъ нѣи како сами себе тако и друге у совершенство доводимо, да чрезъ нѣи еданъ другомъ служимо, и да на радость еданъ другоме живимо. Зато си намъ о преблагій Создателю! и преимущество говореня даровао, да чрезъ ово учимо се ласно и разумно мыслити, да намъ служи за саюзъ нашего взаимнодружескаго живота, и за средство, чрезъ кое другъ друга да просвештавамо, да утѣшавамо, къ добротворенію да ободравамо, да укреплявамо, и свако задовольство другъ другу да приузракуемо. Колико бы мы могли у мудрости и добродѣтели напредовати; наше взаимно благополучіе причинявати; чисте общіе дружеске радости уживати; кадъ бы мы цѣну и одреду овога, твое велике блажности дара, непрестанно предъ очима имали! кадъ бы насъ овый предрагій даръ слова свагда на добро служію: кадъ бы га свагда на славу твою и на всеобщту ползу употреблявали, и кадъ бы про-

свештеніе разума, истина и любовь наша говореня и сердца одушевляли! Научи насъ о благій Боже! научи насъ красоту и изрядность говореня способности съ таковымъ увѣреніемъ познати, да бы се мы у напредакъ одъ сваки у говореню погрешака съ крайнимъ стараніемъ чувати, и на овый начинъ све то выше къ Христянскомъ совершенству доспети и достигнути могли. Благослови наше намѣреніе у проповѣди ове важне, кою мы данасъ предузимамо, истине. Укрепи насъ къ вниманію, и дай намъ познати сву силу ове науке, да намъ у напредакъ у свако благопотребно време къ наставленію и управленію служи! Молимо те о томъ у име Іисуса Христа Спасителя нашего, и съ цѣломъ надеждомъ на нѣгова пресвета общітанія призиваемо единодушно преблагословено име твое, съ умилѣннымъ сердцемъ говорећи:

Отче нашъ (и прочая.)

КО У РЕЧИ НЕ СОГРЕШАВА, ТАЙ Ё САВРШЕНЪ ЧОВЕКЪ.

Редко мои боголюбиви слушатели, редко мы даръ или способность говореня, за такову важну и велику стварь, какова она по истини есть, сматрамо и признаемо! Редко мы размышляемо и вѣруемо, да употребленіе говореня у свачему тако добро или зло, тако общеплезно, или общевредно може быти, каково оно у самой

ствари есть! Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, съ разсужденіемъ или безъ разсужденія, на еданъ начинъ или на другій, выше или манѣ, съ опредѣленіемъ или безъ опредѣленія говорить, ово се све, изванъ оны послова, кои се временогъ интереса тичу, за све едно, за своевольно' и одъ свію закона за независимо вмѣнява и држи. Свакъ вели: речи, кое заедно са звукомъ своимъ одлећу и изчезаваю; кое се не могу тако точно избирати, уређивати и слагати; при којима не може човекъ свагда мыслити и чувствовати; кое нѣе потреба као на теразіе метати; кое често само на украшеніе разговора служи, или за покрити съ њима и сакрити мысли свое и мудрованія, за смести и смутити любопытство и проницателство другога; и кое нѣе потребно одвећъ подробно и строго примати, одвећъ оштро испытивати и судити, нити у свемъ значеню за истините држати; но само за толико ии цѣнити, за колико се обычно даю и пролазе; — свакъ вели: ако се само нико съ речма не осуждава и не опорочава, ако се ко съ њима лажно не заклињъ, ако се ко одъ весма простачки ружны изговора, одъ преизлишнѣга блядословія, одъ дебелы и очевидны лажа уздржава: въ прочемъ шта и како ко говори, какве речи и изговараня употреблява, то ништа не значи; очычно и по вышой части ово се сврхъ одреде и употреблѣнія речій мысли и мудрое. Зато нѣе се дакле чудити, да ни у чемъ толико не погрешавамо колико у овомъ послу;

ніе се чудити, да се ни съ єднымъ даромъ Творца выше злоупотреблѣнія него съ овымъ не чини, ніе се чудити дакле, да истый Апостолъ човека, кои у речи непогрѣшава, за савршена признае и приповеда!

Ако ко у речи не сагрѣшава, тай е савршенъ человекъ. За не подлежи овой погрѣшки, изискуе се высокъ степенъ добродѣтели и нравнога савршенства; и ко годъ по истини нъой не подлежи, онъ мора быти не само у овомъ, него іошть сувыше у свакомъ свомъ поступку преизрядный и савршено добродѣтельный человекъ. Ово изреченіе, мои боголюбиви слѣшатели; ніе случайно нити просто, и заключава у себи пространну науку и велику истину, кое може быти да врло редко и на умъ коме падаю. Као годъ єданъ человекъ, кои свое дужности пренебрегава, никадъ ни єдну како надлежи не испуњава: на истый начинъ и єданъ человекъ неће кадаръ быти никада, право и добро употребленіе говореня свога учинити, ако онъ у исто време у свы свои осталы послы правилами истине и добродѣтели не слѣдуе; и ако онъ ніе тако добаръ и савршенъ, колико е у настоящимъ обстоятелствама човеку быти могуће. За показати вамъ ово вразумително и ясно; я ѣу вамъ овде изображеніе таковогъ человека, кои у говореню не погрѣшава, представити; да по томе сами судити можете, да таковый человекъ мора савршенъ быти.

Ко у речи не согрешава, коѣга е говоренѣ свагда колико нѣму толико и другима :

Прво: Понятно и управѣ вразумително.

Второ: Точно опредѣлено.

Треће: Свагда истинито.

Четврто: Благодарствено и никоме вредовито.

Нека предузмемо

Прво: Сирѣчь коѣга е говоренѣ ясно и вразумително: онѣ не говори само да се говори; или за прекратити другима говоренѣ, самѣ то преотимаюѣи: не говори за выше оне, кои га слушаю, смести и забунити, или просте и неучене съ празномѣ звукомѣ некаквы речій, кое се чине да много значе, а у самой ствари врло мало, или сасвимѣ ништа незначе, у удивлѣніе и у некакавѣ ужасѣ поставити. Онѣ не тражи съ говоренѣмѣ своимѣ ни похвалу ни удивлѣніе, то му е доста, ако га само други разумеду. Зато найпре онѣ, самѣ у себи мысли, шта ѣе говорити; нашти се свое мысли у ясность, поредакъ и у саюзѣ, пре него іи другима саобшти, поставити. Никадѣ не дае выше него што има. Не жели нити разумніи, нити ученіи, нити мудріи него што естъ, показати се. Никадѣ не говори о стварма, кое ни самѣ не разумева; или ако кадѣ то чини, онѣ чрезѣ то настои, одѣ други што примити и научити. Онѣ се не срами казати, да не зна оно

што не зна; и да е нѣгово вѣжество у многимъ стварма ограничено : и зато дакле не тражи крозъ некакве високозвекѹе, надуване , нѣму истомъ неразумителне, или по случаю одъ други узаймлѣне, тамне и некакве чудновите необычне речи , као подъ некимъ видомъ дубока значеня оне, кои га слушаю, огуглати и заслепити; и тако свое невѣжество замотати и сакрити. Онъ избира и употребљава найлакше, найпознатіе и за сваку стваръ найпристойніе речи и изговоре. Како су годъ просте и чисте нѣгове мысли и чувствованія, тако е и нѣгово говоренѣ природно и неухитренно. Ако ли кадъ онъ и придодае свомъ говореню красоту, крепость, благородство и достоинство , а онъ све то нимало выше не употребљава, развѣ колико съ разумителствомъ и ясностію обстаяти може. Никада онъ непроменюе знаке съ речма, кое се чрезъ нѣи назначаю : и само за толико знаке почитуе и цѣни, колико они, ствари кое назначаю, колико нѣму толико и други-ма болѣ изясняваю и изображаваю. Како годъ у стварма светскимъ тако и духовнимъ, онъ се нимало не дае съ некимъ чудновитимъ речма, при којима се ништа извѣстно мыслити нити разумети може, обманѣвати: іаштѣ много манѣ иште онъ друге съ таковымъ чимъ облепити и заслепити : на примѣръ , никада неће се онъ усудити нити упустити, тайне, кое онъ у савршеномъ значеню речи за преестество ствари почитуе, изяснявати и опредѣльвати, іоштѣ

много маѣ другима предписивати и узаконявати.

Никада неѣ онъ речма, кое не разумева, некакву особиту силу и дѣйство приписивати, или некакавъ преутаеный разумъ нѣма присвоивати; нити ѣе у нѣма пашу свое побожности, нити подпоръ свое надежде и упованія полага-ти и оснывати. Онъ се свакомъ дае ласно разумети, радо са свакимъ беседи, но съ позна-тимъ и обычнимъ речма; води и наставля драговольно свакога найкраѣимъ и найлакшимъ путемъ къ разумѣнію своегъ разговора: нити комъ съ одвеѣ дугимъ, загонетливимъ, туѣимъ и престарелимъ речій изображеніама, нити пакъ съ тамнимъ и далекимъ сравлѣніама и приуподоблѣніама труда и муке задае. Само ово прво свойство говореня, о мои боголюбиви слишатели, колико намъ добра у таковомъ човеку, кои на овый начинъ говори, примѣтити дае! Какавъ здравъ и правъ разумъ! какво искусство ясногъ и поредочногъ мышлѣня! какво вниманіе сврхъ себе и своегъ говореня! какова благородна любовь къ природномъ и къ неприухищреномъ! колико предосторожно старанъ за не обманити ни себе ни друге; каковый безпристрастный судъ о свои способности и знаняма! какво удалѣніе одъ поноса, одъ суетумія, одъ велехвалѣнія и одъ непристойногъ славолюбія! какво несвоекористожелателно усердіе, другима оно што самъ има и зна, и не иначе него како има и зна, сприобщити и приподати! Одъ ко-

лики наравны погрешака такова душа не мора бити сасвимъ слободна! Коликій успѣхъ нѣ онаковій човекъ на путу добродѣтели и совершенства учинію? колико ли лашнѣ и успѣшнѣ не мора онъ на овомъ блаженомъ путу напредовати!

К о н и у едной речи не погрешава.

Второ: Коега е говоренѣ точно опредѣлено: нѣму нѣ доста, да га други само одъ части и по случаю разумеу, а не сасвимъ и савршено. Не задоволява се само нешто одъ свои мыслій и чувствованія другима сприобитити, но исте и све свое мысли, кое самъ има и чувствуе, у нѣима возбудити. Ствари о коима онъ говори, онъ ѿ не назначава на начинѣ, да се едва и силомъ одъ други ствари разпознаю; но тако да се управъ и савршено познаю, и за то што есу држе. Зато, онъ се прилѣжно чува одъ свѣ дворазумителны, многозначителны и неопредѣлены речій: одъ свакогъ вида говореня и изговараня, коя или одвећ много или врло мало представляю; и исте ствари за веће или за манѣ, за болѣ или за горе него су, показую. Служи се съ речма, кое употреблява, свагда у истомъ разумѣнію. Како имена ствари, тако и исте ствари, никадъ не променяе; одређуе и показуе свачему пристойный редъ и мѣсто, кое му принадлежи. Ово е, мои боголюбиви Слушатели, едва крайнѣ важности стварь; будући да одъ нѣ, по вышней мѣри, наша мудрованія и дѣла зависе.

Одъ колики погрешака и кривопутица укланя се и избавля онай, кои на овый начинъ ни у одной речи не погрешава! и какво сасвимъ другоячѣ и много болѣ управленіе, чрезъ то, нѣгова склонѣнія, зактевава и паштеня не прибываю? Онъ нариче оно што е малено малено, и велико велико. Нѣму нѣ све што онъ или ко другій по случаю чувствуе, прекрасно, предобро и безъ мѣре велико. Онъ признае само едино безконечно, прекрасно существо, и то есть Богъ; едно неокончаемо пребыванѣ, и то есть вѣчность; само едино безконечно добро, и то есть съ Богомъ согласіе и соединѣніе. Внутреня цѣна стварій, быле присутствующе, нѣгали се или другога тичу, остае предъ нѣговимъ очима свагда та и иста; нити онъ ову цѣну стварій опредѣлява по случайнимъ или внѣшнимъ обстоятелствама, но по нѣйзины внутренны, неотлучны, всегдашныи и существенны знацы. Нѣму нѣ дакле свако добро, къ коему се онъ садъ и за време пашти, и кое онъ за време ужива, само зато желанія достойно: не свака сласть и радость, коима се онъ садъ и за време наслаждава, само зато найчистія и найвеѣа; не свако зло, кое онъ за време страда, само зато зашто га садъ удручава, найтеже; не свака злоба, о коіой онъ кадкадъ беседи, найвредовитія и найпогибелнія; не свака добродѣтель, о коіой быва речъ, najlepша и найважнія. Онъ не променява добро съ больимъ, и болѣ съ наибольшимъ: зло съ горымъ, и горе съ найгорымъ; нариче само добро добро, а зло

зло: погрешку не називаѣ злодѣйство, нити злодѣйство погрешку: слабость не држи за злобу, нити пакъ злобу за слабость: различава оно што е у итости, одъ онога што е съ намѣромъ и съ ладномъ крвлю учинѣно: свако счастіе не држи за благополучіе, нити свако несчастіе за злополучіе; богата и могућа не вменява за благополучна, само зашто е богатъ и могућъ; нити пакъ убога и простородна само зато злополучна: све и нешто, ништа и мало; свагда и често, никадъ и редко; сасвимъ извѣстно и само по видимому; ове су све речи, кое се онъ съ великимъ опазомъ чува, едну съ другомъ променити, нити ѿ као већа часть людій, за све едно сматра и употребљава. Одъ колики лажны, неправедны, любвелишены суђеня и свы нѣовы вредовиты слѣдованя чрезъ ову предосторожность онъ не избѣгава! Никада онъ не приписуе едномъ цѣломъ виду или чину людій и стварій што таково, кое само некима одъ нѣй принадлежи: никада не издае онъ цѣлый характеръ и цѣло поведеніе едного лица за зло или за добро, ако е то само одъ части таково: сматраюћи да е една стварь, еданъ или выше кратъ или често такова была и тако дѣйствовала; изъ тога онъ іоште не заключава, да ће она за свагда такова остати и све тако дѣйствовать; или будући да се е што таково редко случило, да се неће већъ никадъ случити; никада не потврждава онъ съ постояннымъ извѣстіемъ што о едной ствари, при коіой онъ само по видимоме неко вѣроятіе примѣтити мо-

же: никадъ не држи онъ ствари, кое една за другомъ слѣдую, само зато причиняваюће и причиняеме, за достоинства и награжденія, за преступлѣнія и наказанія: и будући да онъ у свемъ свомъ говореню, о правости и точности говореня толико прилѣжну предосторожность показуе; какова преизрядна свойства, и какова нравна совершенства све то при нѣму не предполагае! кое попечително разсужденіе и мѣренѣ цене стварій; коя строгость и снажность у правосудію и у основателнимъ положеніама! каковъ постоянный вкусъ у разпознаваню найлешаго и найболѣга! каково владанѣ надъ самымъ собою, и надъ свимъ воображеніама, коя внѣшніи предмети у нами причиняваю! могу ли чувствителне ствари такога човека помрачити, и ласкателна слова обманити? Крикъ страстей може ли га смутити и забунити? Поруганія и посмѣянія есу ли икадъ кадра нѣга смести и оневестити? Оће ли онъ себе неразумно и слепо по владающимъ гласима и по старинскимъ завычаіама, само зашто су старински, управљати? Већемъ чопору само за то, зашто е већій, неразумно и неразмышлѣно слѣдовати и подражавати? или свакимъ и свакоякимъ мудрованіама и присужденіама неиспытно подлећи и поклонити се? Оће ли онъ о истомъ лицу или ствари данасъ на еданъ начинъ, а сутра на другій говорити и судити? Оће ли онъ себе одъ сваке видимости мудра и побожна говореня, одъ свакогъ аполонскогъ изговора, одъ свакогъ кои се поноси, да ништа не вѣруе, и да

о свемъ сумня, или одъ сваке суевѣрице и фанатика за носъ дати вуѣи? Заиста, ко свагда право говори, онъ мора свагда право и мысли-ти и дѣлати.

Треће: Ко ни у одной речи не со-грешава. Мои боголюбиви слушатели! Кое-га е говоренъ свагда истинито, кои пре внима-телно мысли него ли говори, и не говори ниш-та друго него што мысли; ако ли по случаю нѣгово говоренъ нѣ свагда согласно съ свой-ственнымъ и внутреннимъ состояніемъ стварій о коима онъ говори, а оно е, ништа манѣ, съ во-ображеніемъ и чувствованіемъ, кое онъ о они-ма стварма има, свагда согласно. Беседе су нѣгове знацы и изображенія истога тога, што онъ у внутрености своіой чувствуе. Никадъ се онъ не игра као малена деца съ самы знацы, нити као неки обманщики съ лажљиви новцы свое заимодавце иште да превара. Никада нѣ-гове речи не издаю умствованія и намѣренія, коя онъ нѣ на канѣнъ имати; нити се кадъ фа-ли съ онымъ што нейма. Правда да зато исто неће онъ нигда съ осуѣиванѣмъ, съ обѣшчані-яма, съ похвальиванѣмъ и съ опорочаванѣмъ као многи други, одвеѣ расточителянъ и раскошанъ быти, и често онде ће мучати, или мало што реѣи, гди други едва речи доволно наоде, свое почитаніе или презреніе, благоволѣніе или не-годованѣ, благопріятность или мрзость за оспе-дочити: обаче што онъ каже, то е права исти-на, то е чисто и нелестно изображеніе нѣговы мыслій и чувствованія. Правда дакле, да онъ

свое пріятельство, свою помоѣ, послуге и заш-
читу, свакомъ кои га о томъ проси или не про-
си, ласно не обеѣава; ако кадъ онъ што комъ
обеѣа, онда е крепко намѣранъ, и у свако доба
готовъ, то што е обеѣао, испунити и свршити.
Онъ не пресицлѣ свакогъ кога годъ сретне, съ
учтивимъ обеѣаніама, и съ пріятельства свога
вѣчнимъ увѣреніама, нити се намеѣе свакомъ за
добровольна, препослушна и препокорна раба и
служу; ако нѣгово премда умѣрено и ограниче-
но почитаніе, право е и чисто високопочитаніе,
просторечно изяснѣніе нѣгове преданости; срца
е нѣгова и душе непоколебима преданость и
присвоеніе. Нѣгова немногосложна зафалность
искренна е и сердечна зафалность. Никога онъ
преко разлога не похвалюе, и нѣгова похвала
често се у тако умѣреннымъ изреченіама садр-
жава, да сирама некимъ преусхищеннимъ и на-
дувенимъ похвалама едѣа се за похвалу призна-
ти може. Ако онъ чувствуе цѣну ствари или
лица, кое онъ похвалюе; гди напротивъ други
кои што фале и подижу, само съ празнымъ реч-
ма играю се, и много пути, све противно томъ
што говоре, мысле и умствую. Онъ редко ко-
га немило опорочава, и у сравнѣнію съ много
други едѣа се кадъ нѣгове речи опорочителне
чине: но ако ли е онъ кадъ принуѣенъ, они
што не валя, опорочавати, то заиета мора то-
га и достойно бити. Нѣгово естъ и нѣе слу-
жи нѣму за сваку клетву: али нѣгово естъ,
управъ е естъ, и нѣгово нѣе сасвимъ е нѣе.
Нѣгова уста согласна су съ сердцемъ нѣговымъ,

и слободніе се свакъ може на нѣгове просте речи поуздати, него на велике несмыеленога клетве. А како су годъ речи нѣгове у свемъ животу нѣгову истините, тако су и богочестіе, богохвалѣніе и молитва нѣгова управъ истините и евангелске. Молитва нѣгова, коя изъ преизлитія срца нѣгова извире и тече, ніе друго него изображеніе, изяснѣніе и дѣйствіе синовске любви. Богу любви посвећава онъ свою побожность и цѣломудріе. У Богу радости наоди све свое веселѣ и радость. На Бога упованія полаже сву свою надежду. Божественно присутствіе одушевлява срце нѣгово; у нѣму дѣйствуе; нѣмъ влада и управля. Онъ чувствуе потребу помоћи и заштите, кою онъ одъ всемогућега Творца жели и проси; познае цѣну и величество благодѣянія, за коя е онъ вышнѣмъ Творцу дужанъ и обвезанъ; радуе се дѣйствително о духовномъ сродству и саюзу съ Богомъ (само и единое благородство, коимъ се онъ дичи); обимлѣ съ истинномъ любовію савъ родъ человеческій, коему онъ свако добро жели: мрзи на сваку злобу и грѣхе, одъ кои се е онъ торжественно одрекао; чезне са своимъ душою своіомъ за степени евангелске мудрости и добродѣтели, къ коима доспети и достигнути настои и усрдствуе; сасвимъ е готовъ и поспѣшанъ, дужности, кое е на се примію, испунити. На овый начинъ свагда и у свему вѣчно се согласіе наоди међу онымъ што онъ мысли и говори, и међу онымъ што обећа и твори. О какво благородно уметвованіе! и какавъ преиз-

рядный характеръ сва ова свойства у таквомъ
човеку предполагаю! какву любовь къ истини и
къ порядку! колику чистосердечность и справед-
ливость! колику удалѣніе одъ свакогъ похлѣб-
ства, ласкательства и улагиваня! и одъ свы пре-
усхищенія зависти и ревнивости! кое красно-
родно и любко чувствованіе истиннога достоин-
ства! Не мора ли онай дакле, кои на овый на-
чинъ ни у одной речи не согрешава, савршенъ
човекъ быти?

Правда онъ есть таковой, и толико выше,
колико —

Четврто: Сва нѣгова говореня су неоз-
лобительна, безвредна и благодѣтельна. Никадъ
онъ не употреблява езика свога на лажъ, на
превару, на оклеветаніе и на немило осужденіе.
Никада онъ не беседи безъ высокопочитанія о
Богу и о Богочестію, о истини и о добродѣте-
ли. Никада безъ смиренномудрія о самомъ себи;
никада безъ благоволенія и похвале о добрымъ
намѣреніямъ и похвалнымъ дѣлима братіе свое:
никада безъ сожалѣнія и соболѣзнованія о ту-
ѡой несреѣи; никада безъ удобопростительнаго
смилованя о слабостима и погрешкама ближнихъ
своихъ, ако никада безъ негодованя и скорби о
нѣиовыхъ гресы и преступленіямъ, никада съ гла-
сомъ веселе и немарливѣ шале о важномъ и
обштеполезномъ стварма, никада съ лукавозлоб-
номъ вредорадостію о неполученіи ожиданіяма
и о осуѣненіи упованіяма противника своихъ,
никада съ шальивымъ смеіомъ о непорочест-
вама и заблужденіямъ, коя су како особитимъ

лицама, тако и цѣломъ обществу штетна и пагубна, никада не соблажнява нити разврашчава онъ съ непристойнымъ беседама духъ и срце незлобивога младиѣа и стидливѣе дѣвице, простоти детета и невѣже никада се онъ не руга, нити пакъ жертвуе мимотекуѣмъ, скороизчезателномъ и прелестномъ задовольству свога блистовиднога остроуміа, нїедну истину богочестіа, ни еданъ подпоръ човеческога утѣшеніа, ни едну зашчиту добры нарава, нити найманю часть поштенога имена ближяѣга свога. Може ли онъ съ друге стране кога годъ крозь свою беседу одъ прелестоуміа освободити? нѣгово просвѣщеніе благоуспѣшити, и нѣга къ познанству истине наставити и привести? може ли сумнителю узао сумнѣніа размрсити, и нѣму наставлѣніе къ известности приподати? може ли разцвелѣну и страдалнику речъ утѣшеніа у срце ули? слаба и страшлива своимъ пригласомъ ободрити? заведену и заблуѣну руководство придодати? честь отсутствующа зашчитити и обранити? поштено име оклеветаного подиѣи и обновити? заточено и протерано достоинство изъ тамности извести? несоразумѣніа и несогласіа утишати? лажливѣе гласе изобличити? одвеѣ жестоке судовѣе умерчати? децы и млаѣимъ повиновеніе, послушаніе и почитаніе къ родителѣмъ и къ старіимъ приусоветовати? къ приобретенимъ общепользнимъ ученіамъ, знаніамъ и художествама своимъ трудолюбіемъ што пристеѣи и придодати? кое ли господствующе предразсужденіе и суевѣріе ослабити? кое ли

іоштъ недостатоплезно наравоучително основа-
ніе у обычай увести? може ли онъ право чо-
вѣчества, слободе, добродѣтели, богочестія и
хрістіянства доказати и обранити? може ли онъ
браћо моя, што годъ одъ овы речены ствари
учинити? О тада се онъ радує драгоцѣнномъ
дару говореня! весели се свакомъ благовремен-
ству, гди може овый предрагій даръ на нѣгову
найблагороднію одреду употребити; ползує се
съ таковымъ благовременствомъ радо и благо-
разумно; и тада одъ преизобиліи коимъ є сердце
нѣгово пуно, говоре уста нѣгова. Но никадъ
нису речи нѣгове подобне стрелама едовитимъ,
кое уязвляваю сердце, него балсаму, кои сердце
урацѣно лечи. Нису оружія неправде, него прав-
де и истине; нити су орудія вреда и погибели,
него благодѣянія и милости: свагда су любке и
съ солю благоразсужденія разтворене. Све є
нѣгово намѣреніє, поболшаніє, миръ, утѣшеніє,
радость и благополучіє. Каково дакле прекрасно
и добродѣтелно сердце преднолажу и показую
овакова говореня! кое дѣйствително човѣколю-
біє! кою ревность къ благотворенію и къ све-
общтой ползи! кою великодушну жертву блиста-
тельны дарова и преимущества! Съ коликимъ же
усердіємъ таковый человекъ сва посредствія за
ползовати братію свою, предузети и употреби-
ти? Колико ли нѣму мора невозможно быти, съ
свои дѣлы кога ли увредити, кадъ се онъ съ
толикимъ опазомъ чува, ни съ речма кога не
озлобити? Дакле мои боголюбиви слушатели,
некъ садъ све доведе речено присовокупимо, лас-

но ћемо сами познати, да ко на овый начинъ у речи не согрешава, кога е сирѣчь говоренъ по предписаному образу, свагда разумително, точно опредѣлено, истинито, напредно и благодѣтельно, таковый мора у свакомъ призренію, съ кое га годъ стране разсмотримо, мударъ, благородномыслеъ, хрістіану-манъ, добродѣтелянъ, целомударъ, и по речи Апостола преизряданъ и савршенъ човекъ быти.

Да заключимо ову нашу беседу, нека слѣдованя къ нашемъ обученію и къ управлѣнію нашегъ содржанія и поводка одавде производеѣи.

Прво: Научите се дакле мои предраги слушатели, одреду, опредѣленіе и цѣну говореня познати; и многообразный и неизказанный говореня саюзъ колико съ нашимъ толико и съ други людій суѣенямъ, умствованіама и дѣлима, спазити; и свое говоренъ съ наравне стране выше, него сте може быти досадъ чинили, сматрати. Немойте никада за све едно, шта и како говорите, држати. Речи су знацы стварій; а такови знацы, кои ништа не значе, кои су криворазумѣнію подложни, или къ строптивимъ и къ опачнимъ намѣреніама злоупотреблѣни, подобни су лажливимъ новцыма, кои простого вараю, и кое свакъ ко ѣи познае, съ негодованіемъ и съ гнѣвомъ одъ себе одбаца. Наше су речи подобне покрову и одѣянію наши мыслей; како бы при едномъ всеобщемъ преобученю и преображенію велико међу людма смущеніе постало, и како бы годъ една маскирата скупштина безъ сумнѣнія выше едномъ чопору будала него ли собранію разумны людій подобна видла се; на истый начинъ и свакояка неспоразумѣнія, несогласія, заблужденія, вредовите обмане и кавге изъ злоупотреблѣнія речій рабаю се. Ово нека свакъ добро упамти, ко жели одъ зла езикъ свой сачувати.

Второ: Есть ли оный, кои у речи не согрешава, савршенъ човекъ; тако имайте мои предраги слушатели при подобнимъ погрешкама еданъ къ другомъ смилванъ. Немойте врло скупю свако поползновение езика подизати. Вы сами знате, да се врло често на то одзивати обычавате, и да се съ тимъ изпричавате, да нѣ тако ласно савршену быти: а овде се заиста савршенства каса, кое, премда нѣ немогуће, ништа манъ весма се редко међу людма удешава: ербо ово савршенство безъ особены благополучне природе дарова, безъ врло доброгъ изъ младости наставлѣнїя, безъ неуспаватогъ сврхъ себе вниманїя и опаза, безъ непрестанногъ упражнѣнїя, безъ особито здорогъ разума, и безъ врло добра срца, мучно се имати може. А колико се ређе сва ова преимущества заедно наоде, толико е ређе и савршенство; и толико манъ остае намъ чудити се, ако мы кадъ браћу нашу и сестре противъ овы предписанїя поступати спазимо. Немойте дакле забравляти, при суженю говореня ближнїй свои и на то обазрети се, колико се често люди само съ речма играю; нити себи наскучую ни мукѣ задаю, да при свакой речи оно шта валя мысле. Може се ласно случити, да оный кои говори, врло редко то исто мысли, што се ономъ кои га слуша чини. Како су годъ неопредѣлена, неоснована и непостоянна выше части людїй понятїя и знаня, таке су имъ и речи, съ коима ѿ они изображаваю. Колико се другима чини, да неки говореѿи далеко некудъ нишане, кадъ ови о томъ и не мысле? Немойте брзо намѣренїю озлоблѣнїя, оно што се често изъ истости и недостаточна разсужденїя раѣа; приписивати. Немойте предупредително за намерителну обману држати то, при чемъ оный кои говори, може быти да о обмани и не мысли; или ако криво говори, то чини еръ не зна другоаче, криво и самъ будуѿи упуѣнъ. Разпознайте и различавайте говоренъ страсти и особитогъ любодобытка, или интереса, одъ говореня спокойногъ духа и общте ползе желанїя. Колико чешѣ осеѣате, да вы сами у говореню варате се и погрешавате, колико добро-

вольніе другима, ако се и они подобнымъ образомъ вараю и погрешаваю, праштайте.

Треће: Ё ли дакле оный, кои ни у одной речи не согрешава, савршенъ человекъ? О некъ се сви наштимо къ овомъ блаженомъ совершенству, колико выше можемо доспети и достигнути, и къ овомъ концу испытываймо сами себе съ безмолвіемъ духа, шта мы при нашимъ речма съ коима се найвыше служимо, мыслимо и чувствуемо; каква мы себи при томъ воображенія чинимо; и еда ли наше речи и говореня, дѣйствительно то што мы мыслимо и чувствуемо, значе и издаю. Некъ приобываемо колико себе толико и децу нашу, внимателно и съ разсужденіемъ говорити. Одбацимо оно предрасужденіе и предупредително судіе, ако бы общедружеско задовольство безъ єдногъ непресѣчнотекуѣга говореня и ветровита блебетаня обстаяти могло. Изобличимо оно суетуміе о свакой ствари, како є да є говорити, и сврхъ свачега оштро одсуѣавати. Мудрость свагда нека насъ опоминѣ, при свакомъ нашемъ говореню, о соотношеніама и обстоятельствама, у коима се, како мы тако и наши слушатели наоде, да по томе разумніе наше беседе управляюѣи, веѣу ползу приузракуемо. Познаймо разсужденіе и себе отрицаніе. Предпочитаваймо добрознанство многознанству, и не променяймо основателно съ онымъ што се само блиста, нити оно што научити и поболшати може, съ онымъ што само забавля и увеселява. Не смеѣймо съ ума могуѣа и истиноприлична слѣдованя, коя се могу изъ нашегъ говореня родити. Показуймо свагда отмѣнно чествованіе къ беззлобной и чистосрдечной простоти. Истинолюбіе, добродѣтелилюбіе и човѣколюбіе, нека съ нашимъ срцамъ, говоренямъ и дѣлама владаю и управляю: и тако ѣемо къ совершенству, къ коему тежимо, и кое є нашегъ усрднѣйшегъ желанія достойно, све то выше приблизити се и доспети, и Бога, нашего творца и оца, съ тѣломъ нашимъ и духомъ прославити, коему буди честь и слава во вѣки, Аминь!

ПЛАЧЪ

ЗА ДВА ПЕТАКА*)

Sine crimine lusi.

Яо моя ядна два петака!
Пропадосте стара и неяка.
Мени тежко зададосте муке;
Бръ у туђе вы одосте руке!
Сутра ъу я гладоват' до мрака,
Безъ васъ мила моя два петака!
Мрачни су ми по Бечу сокацы,
Люто тужимъ за мои петацы!
Тавни су ми и суначни зрацы,
Одъ жалости за мои петацы.
Каква су то была два петака,
Старосложна и оба еднака!
Да васъ прождре и Драва и Сава,

*) Ко е радъ да ограише, и да плати 2 петака, нека чита, или ако не уме читати, нека слуша, кадъ други чита песму ову, којой е овай случай поводъ дао: »Идући едномъ съ вечере свратимъ се у еданъ пріятельскій домъ, у коєму нађо брата и сестрицу, гди се — съ едномъ игрицомъ — забавляю. Пристанемъ и я съ нѣима, алъ на мое зло; еръ иегубимъ два петака, како дома дођемъ, зачнемъ овако тужити:«

Зашто мене остависте сама!
Я садъ тужимъ и плачемъ за вами,
А вы некудъ шпацирате сами.
Дошла на васъ беда свакояка,
О невѣрна моя два петака!
Плачу за ме Срѣльи и Бошняцы,
Пытаю ме, гди су ми петацы!
Сестра и братъ мени придобише
Два петака моя освоише:
Братацъ еданъ; а сестрица другій,
Мене ядна предадоше туги.
За мене ће кукатъ кукавица,
И тужити за ме ластавица.
Два петака люте мое ране,
Сутра ће ми безъ васъ данъ да сване!
Смилуйте се Срѣльи браћо драга!
И нудеръ ми вы пошльите свакъ по два петака.

ПЕСМА

ЗА ДВА ПЕТАКА*)

— *Si hodie male est, non semper erit.*

Я самъ звао на помоћ ми Кралѣвића Марка,
Младогъ Мусу Арбанаса, и Релю Бошняка,
Те самъ опетъ предобио моя два петака.
Молио самъ и звао самъ Воеводу Янка,
И нѣкова млад' делию, Секулу нећака,
И тако самъ прѣдобио моя два петака.
Сердечно самъ призивао Змай огниѣна Вука,
Милутина Арамбашу, на гласу айдука,
Радивоя и Груицу, и старогъ Новака,
Зато я садъ опетъ владамъ съ моя два петака.
Радую се сада самномъ Србљи и Бошняцы,

*) Ко жели курталисати се беде, и неплатити два петака, нека прочита или нека чуе ову песму, кою е овај догађај приузроковао. »Данасъ у неделю после подне, не имаюћи никаква посла, отидемъ посѣтити мое познате пріятелѣ, и по свой прилицы валяда ми е овај данъ на добро освануо; ерѣ дридобы моя два петака, и пунъ радости и веселя, враћаюћи се дома самъ путемъ певао.

Срећу мени честитаю на гласу юнацы;
Брѣ су ми се опетъ мои вратили петацы,
Садъ су мени светла места, сви Бечки сокацы,
И садъ радо лице гледимъ млада девојка;
Брѣ самъ опетъ придобью моя два петака.
О добро сте ми опетъ дошла моя два петака!
Одъ старине начинѣна обадва еднака;
Нећете се вы изъ мои већъ измаћи шака,
Воleti ћу у напредакъ, изгубити главу,
Негъ изъ руке испуштати поштенъ и славу,
И васъ опетъ пошляти у Драву и Саву.
Я ћу одъ садъ и за свагда пребивати съ вами,
Нити ћете вы безъ мене шпацирати сами;
Да се братацъ и сестрица подсмеваю съ нами.
Играти ћу и пѣвати одъ ютра до мрака,
Весел'те се и вы самномъ Сербљи браћо драга!
Нитъ ми выше вы шальите свакъ по два петака.

Обрадовићъ.

БИБЛИОТЕКА

P₁₂ Cp 11864/2.1

Нар. Књигопечашња Дан. Медаковића.